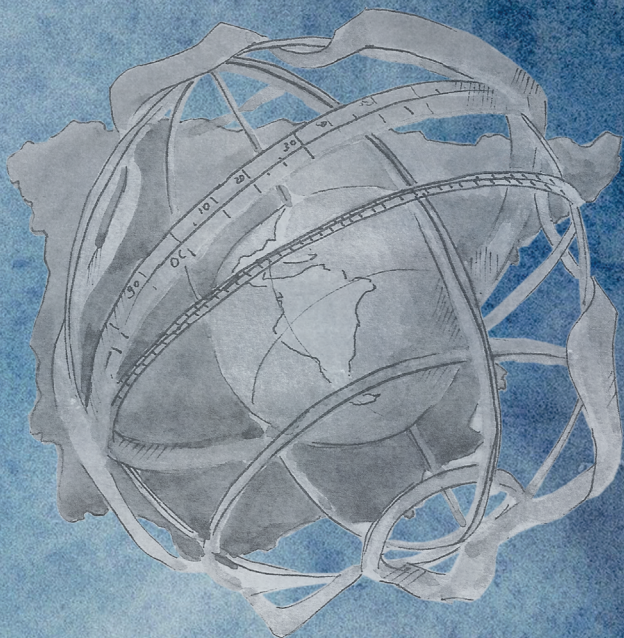

Вопросы иберо-романистики

Выпуск 18

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ВОПРОСЫ
ИБЕРО-РОМАНИСТИКИ

Выпуск 18

Сборник статей

МОСКВА — 2021

УДК 811.134
ББК 81.2
В74

*Печатается по постановлению редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*

Под редакцией: *Ю. Л. Оболенской*
Составитель: *М. С. Снеткова*

Рецензенты:

О. Ю. Школьникова – доктор филологических наук
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

М. С. Кругова – кандидат филологических наук
(ВАВТ Минэкономразвития России)

Вопросы иберо-романистики. Выпуск 18 : Сборник
В74 статей / Сост. М. С. Снеткова; под ред. Ю. Л. Оболенской. –
Москва : МАКС Пресс, 2021. – 224 с.
ISBN 978-5-317-06598-0

В настоящем сборнике опубликованы статьи по итогам X Международной научной конференции «Иберо-романистика в современном мире: научная парадигма и актуальные задачи. К 120-летию М.-Л. Гонсалес», организованной кафедрой иберо-романского языкознания филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова 26–27 ноября 2020 г. Статьи охватывают широкий спектр проблем иберо-романистики: лингвистических, культурологических, литературоведческих, исторических, искусствоведческих.

Для широкого круга филологов-романистов, а также журналистов, историков, философов, культурологов, искусствоведов.

Статьи печатаются в авторской редакции.

Ключевые слова: иберо-романские языки, диалекты, национальные варианты, литература, история, культура, искусство, Пиренейский полуостров, Латинская Америка.

УДК 811.134
ББК 81.2

Издание доступно на платформе E-library

ISBN 978-5-317-06598-0

© Филологический факультет МГУ имени
М. В. Ломоносова, 2021
© Авторы статей, 2021
© Оформление ООО «МАКС Пресс», 2021

Оглавление

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИИ

<i>Абрамова М. А.</i> Своеобразие постмодернизма в романе Иммы Мунсо «Человек слова»	7
<i>Вяльяк К. Э.</i> Вербально-письменный компонент отечественных и испанских кинофильмов: особенности функционирования	15
<i>Морозова А. В.</i> Ансамбли Пяти чувств в изобразительном искусстве Испании XVII в.	24
<i>Оболенская Ю. Л.</i> Испанские танцы как объект изучения и переводческой интерпретации А. Н. Островского	31
<i>Огнева Е. В.</i> Французский солдат в романтической Испании. От Ш. Нодье к Г. А. Беккеру	39
<i>Согомонян М. К.</i> Архетипы в мексиканском популярном романе	48
<i>Томирдиаро Г. В.</i> Забытый художник натюрморта Луис Мелендес	58
<i>Шамарина А. А.</i> Структура лирического субъекта в поэзии Антонио Мачадо (на материале книг «Одиночества» и «Одиночества, галереи и другие стихотворения»)	65

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ЛИНГВИСТИКИ

<i>Баканова А. В.</i> Субдиалект <i>salat</i> в каталанском языке	75
<i>Гринина Е. А., Романова Г. С.</i> Экскурс в социолингвистическую ситуацию в Андорре: заметки на полях	85
<i>Гуревич Д. Л.</i> Стратегии эргативизации и пассивизации у глаголов изменения состояния в португальском языке	95
<i>Зеликов М. В.</i> Об особенностях категории иберо-романской паритивности	110
<i>Кичигин К. В.</i> О контактных разновидностях кечуа, сложившихся под влиянием испанского языка на территории Боливии	123
<i>Кутькова А. В.</i> Речевые стереотипы поддержания контакта: семантико-прагматический аспект	130
<i>Михеева Н. Ф., Клементе-Смирнова С. Д.</i> Об изучении диалектов современного испанского языка	141
<i>Мурзин Ю. П.</i> Декалог в современном испанском религиозном и светском дискурсе	151

<i>Невоксианова А. А.</i> Становление чилийской лексикографической традиции	164
<i>Папченко А. Ю.</i> О преподавании каталанского языка в школах на арагоно-каталанской границе	170
<i>Снеткова М. С.</i> Бинормативизм в галисийской лингвистике	182
<i>Шалудько И. А.</i> Лингвистический аспект проблемы «несексистского языка» в современной Испании	195
<i>Шахназарян В. М.</i> Влияние автохтонных языков Латинской Америки на лексическую систему испанского языка мексиканского штата Кинтана-Роо	204
<i>Шершукова О. А.</i> Лексико-грамматические особенности португальского квантификатора <i>todo</i>	212

Contents

LITERARY, FINE ARTS AND CULTURAL STUDIES

- Abramova M. A.* The Peculiarity of Postmodernism in Imma Monsó's Novel «A Man of Words» 7
- Vyalyak K. E.* Written Verbal Components in Russian and Spanish Films: Features of Functioning 15
- Morozova A. V.* Ensembles of Five Senses in the Fine Arts of Spain of the 17th Century 24
- Obolenskaya Y L.* Spanish Dances as an Object of Study and Interpretation by A. Ostrovsky in His Translation of «Interludes» by Miguel de Cervantes 31
- Ogneva E. V.* French Soldier in Romantic Spain. From C. Nodier to G. A. Bécquer 39
- Sogomonyan M. K.* Archetypes in Mexican Popular Novel 48
- Tomirdiario G. V.* Forgotten Painter of Still Life Luis Melendez 58
- Shamarina A. A.* Lyrical Plot Structure in the Poetry of Antonio Machado (Based on His Books *Soledades* and *Soledades, Galegías y Otros Poemas*) 65

LANGUAGE STUDIES

- Bakanova A. V.* *Salat* Subdialect of Catalan 75
- Grinina E. A., Romanova G. S.* Excursion into the Sociolinguistic Situation in Andorra: Marginal Notes 85
- Gurevich D. L.* Strategies of Ergativisation and Passivisation in Portuguese Verbs Denoting Change of State 95
- Zelikov M. V.* The Peculiarities of the Category of Ibero-Roman Partitivity 110
- Kichigin K. V.* On the continuum of Quechua-Spanish contact varieties in Bolivia 123
- Kutkova A. V.* An Investigation into Pragmatic and Semantic Particularities of Speech Stereotypes 130
- Mikheeva N. F., Klemente-Smirnova S. D.* About Studying Dialects of Modern Spanish 141
- Murzin I. P.* The Decalogue in Contemporary Spanish Religious and Secular Discourse 151

<i>Nevokshanova A. A.</i> The Beginning of Chilean National Lexicography	164
<i>Papchenko A. U.</i> On the Teaching of the Catalan Language in Schools on the Aragon–Catalonia Border	170
<i>Snetkova M. S.</i> Binormativism in Galician Linguistics	182
<i>Shaludko I. A.</i> Linguistic Aspect of the Non-Sexist Language in Modern Spain	195
<i>Shakhnazaryan V. M.</i> The Influence of the Autochthonous Languages of Latin America on the Lexical System of the Spanish Language of the Mexican State of Quintana Roo	204
<i>Shershukova O. A.</i> Lexical and Grammatical Specifics of Portuguese Quantifier <i>todo</i>	212

Раздел I
**ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ,
ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИИ**

УДК 801.731

М. А. Абрамова
МГУ имени М. В. Ломоносова

**СВОЕОБРАЗИЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА В РОМАНЕ
ИММЫ МУНСО «ЧЕЛОВЕК СЛОВА»**

***Аннотация:** В статье рассматриваются особенности постмодернизма в романе известной современной каталонской писательницы Иммы Мунсо. В жанр исповеди, для которого характерна предельная искренность и биографичность, органично включаются элементы постмодернистской поэтики. «Человек слова» произведение многоуровневое. Его можно читать как роман «бытовой», реалистический, как образец психотерапевтических сеансов, как «роман сознания», роман философский, интеллектуальный, воспитательный, эстетский, требующий глубокого знания литературы, музыки и других видов искусств, как роман, экспериментирующий со словом. Фрагментарность, чёрный юмор, парадоксальность рассуждений, игра с читателем – все эти черты постмодернизма приобретают свою неповторимую окраску в творчестве Иммы Мунсо.*

***Ключевые слова:** Имма Мунсо; каталонская литература; постмодернизм; многоуровневое произведение; чёрный юмор; игра с читателем*

Имма Мунсо – известная каталонская писательница старшего поколения (род. в 1959 г.). Она пишет на каталанском языке, является автором семи романов и нескольких сборников новелл. За свои произведения награждена 11 литературными премиями, из которых четыре были присуждены вышедшему в 2006 г. роману «Человек слова» («Un home de paraula»). Большая часть ее произведений переведена на испанский язык и тепло встречена публикой, некоторые из них переведены на французский, итальянский, немецкий, венгерский и нидерландский языки.

Роман «Человек слова», который можно считать центральным в ее творчестве, многие критики называют романом-исповедью, поскольку в нём от первого лица с предельной искренностью рассказывается о любви главной героини и ее мужа, который в довольно молодом возрасте умирает от рака, и о ее попытках пережить трагедию вместе с их приемной дочерью. Эта история имеет автобиографические черты.

Тема смерти близкого и неординарного человека, который оказал сильное влияние на жизнь героини, вообще характерна для творчества Иммы Мунсо. Ей посвящены также ее романы «Сильный характер» («Tot un caràcter») и «Стремительная женщина» («La dona veloc»), где она рассказывает соответственно о своей матери и о своем отце. Воспоминания о родителях и рассуждения о детстве довольно часто встречаются и в «Человеке слова».

Однако роман «Человек слова» не укладывается в рамки традиционного реализма, как можно было бы подумать, ориентируясь на трагическую ситуацию, подтолкнувшую автора к его созданию. Тема слова, обозначенная уже в заглавии, становится ключевой. Само слово «слово» необычайно многозначно в романе и выполняет большое количество функций. Так, помимо его психотерапевтической роли (что более чем понятно и оправданно в такого рода произведениях), оно является материалом для конструирования разнообразных реальностей, в том числе – художественной. Это неудивительно, поскольку «Человек слова» – роман постмодернистский. При всем своем пристрастии к исповедальности и «дневниковости», Имма Мунсо не забывает никогда о читателе. Так, в самом начале она предупреждает, что делит главы на А – «счастливые» – про жизнь с ним, и Б – «тяжёлые» – про жизнь без него. Автор предлагает нам свою «игру в классику»: читать так, как захотим, можно подряд, можно только главы А или только главы Б – в зависимости от наших художественных вкусов и от того, любим ли мы произведения только с хорошим концом или только с плохим. Также и повествовательная техника в них будет различаться (что, правда, нам предлагается заметить уже самим): главы А, отнесенные к прошлому («когда он был еще жив») написаны от третьего лица, в них героиня (и автор) видят и показывают себя со стороны, тогда как в главах Б повествование ведется от первого лица. Разумеется, последние будут носить более интроспективный характер. Объединяются первое и третье лицо повествователей только в заключительной главе («А, Б и остальные буквы алфавита»), которая, таким образом, предназначена для прочтения всем. Подобная игра с читателем и распределение по главам имеет и еще одну функцию: при фрагментации временного и событийного ряда и нелинейном повествовании (одной из главных особенностей постмодернистской литературы¹) именно это помогает нам более

---

¹ Об особенностях постмодернизма см. классические работы И. П. Ильина и Г. К. Косикова [Ильин, 1996; Ильин, 1998; Косиков].

осмысленно подключиться к соучастию в конструировании романной реальности.

Игровое начало реализуется и на иных уровнях. Один из ключевых эпизодов (который действительно дает **ключ** к еще одной возможности прочтения романа) содержится прямо во вводной главе: уже после смерти мужа героиня, пытаясь отвлечься от своего отчаяния, щелкает пульт телевизора и случайно натывается на фильм Вуди Аллена «Пурпурная роза Каира». И как раз на тот эпизод, когда главный герой сходит с экрана в зал и заговаривает с девушкой, которая уже в пятый раз за день смотрит это кино. Таким образом задается глубинный модус прочтения произведения как сложной комбинации действительности и виртуальности, взаимодействия сознания и окружающего мира, слова и явления/предмета и т. д. У самой Иммы Мунсо материалом для этого служит не визуальное искусство (кинематограф), а опять-таки слово. Интересно, что во всё том же вступлении она рассказывает о привычке ее семейства давать друг другу день ото дня новые имена. Вот почему это происходит: *«...в неприязни к именам мы с Кометой (так она называет в романе своего мужа – М. А.) совпадали. У меня вызывало сопротивление то, что мое имя раз и навсегда зафиксировано и отсортировано мою индивидуальность. Он, в свою очередь, тоже, казалось, избегал называть меня по имени, тем более – по паспорту; я не помню, чтобы Он хоть раз использовал одно и то же имя, когда звонил или оставлял записку. Как бы там ни было, мы никогда не пользовались именами настолько долго, чтобы они начинали, как им и предписано, вешать на нас ярлыки. Имена менялись, жили всего одно мгновение, иногда несколько дней, иногда возвращались, но уже в другом виде, со сколами и трещинами. Между собой мы разговаривали на странных языках, употребляли чудные имена. Но это никогда не было проблемой для нас, и только когда нужно было их закрепить, возникали сложности»*¹. (пер. М. Кетлеровой, О. Мургиной и мой). Таким образом, уже в «реальной» жизни главные героини, постоянно меняя свои имена, выдумывая новый язык, наделяют ее новой

---

¹ Doncs bé, en l'averció a anomenar-nos coincídiem, el Cometa i jo. Jo sentia al·lèrgia a deixar-me atrapar per una identitat fixa rubricada per un nom. Ell, per la seva banda, també semblava reticent a dir-me pel nom; no recordo una sola vegada que en trucar-me o fer-me una nota m'anomenés per un nom fix, i menys pel meu nom documentat. Fos com fos, mai no ens va durar un nom prou temps per complir la funció d'etiquetatge que se suposa que tenen. Els noms canviaven, duraven de vegades un instant, de vegades uns dies, de vegades tornaven, deformats, abreujats, esquerdat; ens parlàvem en llenguatges estranys i amb noms estranys. Però mai no constituïen un problema per a nosaltres, únicament quan calia fixar-los eren un problema. [Monsó, p. 11]. Перевод на русский язык подготовлен М. Абрамовой, М. Кетлеровой и О. Мургиной.

субстанцииальностью. Человек слова в романе – не только героиня, но и ее муж, в частности, потому что и он пишет при жизни свою бесконечную книгу, близкую к завершению перед самой его смертью. Сочинение ее соразмерно самой жизни. И неслучайно, что ее жанр – тоже дневник-размышления. Правда, это книга тайная, и её герой – человек слова преимущественно устного, по определению, эфемерного. В отличие от главной героини, писательницы, которая наоборот стремится сиюминутное зафиксировать, перенести прошлое – в будущее. Характерно, что она часто выхватывает в сознании какую-то картинку из их жизни, словно кадр на фотографии и затем описывает ее. Героиня не перестает удивляться тому, что муж ее не просто оказался живым воплощением ее мечты, но и превзошел все ожидания, переродив ее во многом. С другой стороны, после его смерти, окружающий мир теряет свою жизнь, свою реальность: так, когда Лот (так героиня именует в романе себя – М. А.) приезжает впервые уже без него в их летний дом в горах, ей кажется, что деревня – не настоящая, а бутафорская, хотя дома и улицы внешне совершенно не изменились... Таким образом, грань между реальным и воображаемым размыта, они постоянно меняются местами, их соотношение сложно и неоднозначно.

Продолжая тему слова, можно сказать, что Имма Мунсо на протяжении всего романа исследует и демонстрирует, каким образом слова могут оказаться столь же реальными, как сама реальность. Каким образом они начинают жить своей жизнью и, наряду с окружающими предметами и событиями, побуждать героиню к интроспекции, к исследованию состояний своей психики и своего сознания (как, например, в главах «Что мы имеем в виду, когда говорим, что хотим покончить с собой», «Что говорят люди»). Они же могут помочь ей преодолеть трагедию, вернуться к осмысленности и даже радости бытия. Вот одно из важнейших рассуждений в романе: *«Моя подруга, наверное, права, говоря, что не считает меня способной к самоубийству. Я все время подсознательно использую мощнейшее оружие, чтобы уйти от тоски по смерти: слово. Слово, как скульптор, придает форму идее, разминает ее до тех пор, пока она не становится податливой массой, массой из размышлений о самоубийстве, послушной и мягкой, все менее и менее серьезной, все более и более смешной. Слова срывают покров торжественности со зловещего намерения, слова забирают у тебя энергию, необходимую для того, чтобы перейти к делу. И наконец, с моими планами по саморазрушению происходит то же, что и с моими планами путешествий: я говорю о них так подробно,*

рассматриваю их со столькох точек зрения, что в результате не хочу туда ехать, как будто я там уже побывала. И тут то же самое: если столько говорить о своем самоубийстве, то возникает такое ощущение, будто ты уже покончил с собой. Вот я и продолжаю рассуждать и рассуждать об этом»¹.

Конечно, при чтении данного пассажа напрашивается параллель со смертью автора, коль скоро героиня – и повествовательница, и автор произведения. Однако нельзя не усмотреть и спора с этой концепцией: выжить для Лот возможно только благодаря письму. Если она и не покончит с собой, то только как человек, пишущий свою важнейшую историю, как неповторимая личность.

Очевидно, что роман «Человек слова» – это, в том числе, и слово о слове, текст о тексте, метапроза. С другой стороны (что взаимосвязано) – это текст, насыщенный цитатами из самых разных произведений (помимо всех прочих ещё и музыкальных), требующий интеллектуального чтения. Особенность, которая сказывается уже в названиях глав: введение обозначено латинским *Introitus* – средневековым термином риторики, обозначающим «начало речи с целью привлечения внимания». Весь текст предваряется цитатой из сонетов У. Шекспира. Глава А 1 названа цитатой из уже упоминавшегося фильма Вуди Аллена («Сеньорита, я вижу, эта картина Вам нравится?»), глава Б 5 – «День дотянуть» – цитатой из «Равнины в огне» Хуана Рульфо... Многочисленные реминисценции конечно служат фундаментом для виртуальной реальности, но выстроенный на них универсум Иммы Мунсо уникален. Ее игра – теперь уже и с авторами, а не только с читателями – превращает роман в более многослойное произведение. В предпоследней главе, вспоминая, как герой Ханса Хенни Янна Якоб Магнус сдирал кожу и мышцы с убитой им невесты в надежде отыскать внутри тела душу, словно снимал слой за слоем у луковицы, Имма Мунсо приходит

---

¹ Tanmateix, (la meva amiga) potser té raó quan diu que no reconeix en mi la fusta del suïcida. Sense ni proposar-m'ho, utilitzo constantment una arma poderosíssima per conjurar l'enyor de la mort: la paraula. La paraula esculpeix la idea, la modela fins a convertir-la en una pasta manejable, pasta de suïcidi manejable i tova, cada cop menys seriosa, cada cop més còmica. Les paraules despullen de solemnitat el desig funest, les paraules s'enduen l'energia que necessaries per passar a l'acte. Les paraules despullen de solemnitat el desig funest, les paraules s'enduen l'energia que necessaries per passar a l'acte. I finalment, em passa amb els meus plans d'autodestrucció com em passa amb els meus plans del viatge: en parlo tan exhaustivament, els considero des de tants angles, que al final ja no tinc ganes d'anar al meu destí perquè em sento com si ja hi hagués anat. I aquí igual: esgotar el tema de matar-te contribueix a fer-te sentir com si ja t'haguessis matat. Així doncs, continuo parlar-ne d'una manera abstracta. [Monsó, p. 107–108].

к следующему образу-заключению: *«Ткань слов – как луковица, которую никогда не закончишь чистить. Сколько бы раз ты ни брался, можешь продолжать и продолжать. И никогда не увидишь кровоточащую плоть. В ней – безграничное количество возможностей. Это бесконечная луковица. Вечная луковица. Большие всего похожая на отрезок жизни»*¹.

И смыслы романа-луковицы «Человек слова» можно раскрывать слой за слоем, читая его то как роман «бытовой», реалистический (уже упомянутую драматическую историю любви), то – как образец психотерапевтических сеансов (примечательно, что та самая подруга героини, психиатр, в ответ на ее просьбу дать какие-нибудь книги про то, как переживают утрату близких, приносит ей два **пустых** листка, озаглавленных «Проживание утраты близких. Методика определения патологической боли утраты», и говорит, что остальное должна заполнить она. Таким образом, «Человек слова» можно воспринимать и как эти самые заполненные листки. Можно читать его и как роман воспитания. И как роман философский. Как интеллектуальный. Как «роман сознания», восходящий, прежде всего к М. Прусту и к В. Вулф (отсылки к ним есть в тексте). То есть как повествование о том, как мы думаем, что живем, и как живем на самом деле. Своеобразное обретение утраченного звучит финальной нотой в романе, в самом последнем абзаце: *«Можно жить без памяти, но нельзя жить без забвения», – с этой фразы начинается книга Дюбуфффе о забвении. Я нашла единственный способ уравновесить память и забвение: превратить присутствие Кометы во вторую кожу. С ним у меня постоянно так. «Где он?» – думаю я, не замечая, что ношу его на себе, как очки для чтения. Ищешь их – ведь без них как без рук – и вдруг понимаешь, что они на тебе. Вот-вот, именно так. Такое живое воспоминание, что, если подумать, оно уже почти неотличимо от забвения»*².

¹ Un teixit de paraules és com una ceba que mai no acabes de pelar. Per més vegades que el visitis, pots continuar pelant. Mai no hi veuràs la carn sanguinolenta. Conté infinites possibilitats. És la ceba inacabable. És la ceba infinita. Allò que més s'assembla a un tros de vida. [Monsó, p. 248].

² «És possible viure sense memòria, però és impossible viure sense oblit», és la frase de Dubuffet que encapçala el seu llibre sobre l'oblit. L'única manera que he trobat per equilibrar memòria i oblit és convertir la seva presència una segona pell. Em passa sovint amb ell: “¿On és?”, penso, sense adonar-me que el porto posat. És com amb les ulleres de llegir. Les busques, imprescindibles, i de sobte t'adones que les portes penjant. Això és, exactament. Un record tan present que, si t'hi fixes bé, s'assembla molt a un oblit». [Monsó, p. 256].

Возможно это становится – благодаря Слову. Неслучайно оно фигурирует в заглавии романа – «Человек слова». Причем вынесенная в название синтагма также многозначна, и читатель лишь постепенно, одно за другим, обнаруживает ее значения – от общеизвестного (быть человеком слова – это всегда сдерживать обещания, именно таким человеком и был Комета) до очень личного, понятного лишь героям романа (человек пишущий; человек, отлично владеющий устным словом; человек, способный зажечь и увлечь своими рассуждениями, лекциями; окружающие люди, говорящие банальности или, наоборот, продлевающие в своих рассказах жизнь героя; человек, рассказывающий свою историю любви и т. д.).

Необходимо добавить, что в постмодернистскую поэтику романа органично вписывается и характерная для произведений этого автора тонкая ирония, нередко переходящая в черный юмор (что неудивительно при основной тематике книги). Это еще один способ дистанцироваться от ситуации и справиться с трагическими событиями в жизни героини. Так, подруга-врач не советует Лот совершать самоубийство, «засунув голову в духовку» (по примеру Сильвии Плат¹), потому что это неэстетично, да к тому же духовка у нее электрическая. Друзья, которые хотят отправить Лот отдыхать, выбирают для нее санаторий с оздоровительными водными процедурами и на вопрос, могут ли ее там утопить в ванной с эфирными маслами, отвечают, что да, но за отдельную плату, и рекомендуют «ванны кровяные»... Особенно примечательна черным юмором глава «Что говорят люди» – целый каталог наиболее распространенных фраз-соболевзнований героине и ее остроумные комментарии по их поводу. В главе Б 9, посвященной поездке Лот с дочерью в Мексику, описывается ее фантазмагорический сон, гротескно сочетающий в себе символы латиноамериканского Дня Мертвых и реалии современных аэропортов и авиаперевозок. В последнем случае смех балансирует на грани с трагическим, но всё же чаще всего юмор позволяет автору избежать ненужной патетики.

---

¹ Еще одна отсылка, интересная тем, что содержит параллели как между творчеством обеих писательниц (С. Плат считается одной из основательниц жанра «исповедальной поэзии» в англоязычной литературе, а также является автором автобиографического романа «Под стеклянным колпаком»), так и их биографиями (Лот думает о самоубийстве после смерти любимого человека, С.Плат дважды пыталась покончить с собой – первый раз неудачно после смерти любимого отца, а затем отравилась газом после развода с мужем). Увлечение юной Лот поэзией Сильвии Плат, о котором говорит автор, вносит дополнительный штрих в данную историю сложного переплетения мира реального и литературного.

Итак, мы видим, что, как и положено постмодернистскому произведению, «Человек слова» – роман многоуровневый: его можно читать как роман «бытовой», реалистический, как историю необыкновенной любви, как образец психотерапевтических сеансов, как роман философский, интеллектуальный, воспитательный, эстетский, требующий глубокого знания литературы, музыки и других видов искусств, как роман, экспериментирующий со словом. Слово, его «волшебная сила» занимает центральное место в поэтике произведения. И особенно Имму Мунсо занимает процесс «выхода» человека из мира воображаемого, виртуального в мир реальный, который, однако, воссоздан словесно, а потому, вероятно, более прочен и реален, чем сама реальность.

Литература

1. *Ильин И. П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996. 220 с.
2. *Ильин И. П.* Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М., 1998. 255 с.
3. *Косиков Г. К.* От структурализма к постструктурализму. М., 1998. 192 с.
4. *Monsó I.* Un home de paraula. Barcelona, La Magrana, 2011. 256 p.

Marina A. Abramova

Lomonosov Moscow State University
m.a.abramova@gmail.com

Abstract: *The article deals with the peculiarities of postmodernism in the novel of the famous contemporary Catalan writer Imma Munsó. The genre of confession, which is characterized by the utmost sincerity and biographical nature, organically includes elements of postmodern poetics. «A Man of Words» is a work on many levels. It can be read as a novel of «everyday life», realistic, as a model of psychotherapeutic sessions, as a «novel of consciousness», a philosophical, intellectual, educational, aesthetic novel, requiring a thorough knowledge of literature, music and other arts, as a novel, experimenting with words. Fragmentariness, black humor, paradoxical reasoning, playing with the reader – all these features of postmodernism acquire their unique coloring in the work of Imma Munsó.*

Key words: *Imma Munsó; Catalan literature; postmodernism; multilevel work; black humor; playing with the reader*

УДК 811.134

К. Э. Вяльях

Санкт-Петербургский государственный институт
кино и телевидения**ВЕРБАЛЬНО-ПИСЬМЕННЫЙ КОМПОНЕНТ
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ИСПАНСКИХ КИНОФИЛЬМОВ:
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ**

Аннотация: В статье рассматриваются специфические случаи появления вербально-письменных компонентов кинотекста. Основное содержание исследования составляет вербально-письменные компоненты российских и испанских художественных фильмов. Если эти компоненты в реальной жизни предназначены для управления действиями, сообщения определенной информации, то в кинореальности вербально-письменные компоненты не только сообщают о месте и времени действия, но и играют важную роль в формировании образа персонажа, позволяют зрителям понять намерения и замыслы героя. Кроме того, появление вербально-письменного компонента в виде сообщений, надписей создает у зрителя ощущение вовлеченности в процесс происходящего на экране. В статье также рассматривается роль этих компонентов в создании комического эффекта. Приводятся примеры эллиптированных конструкций, появление которых обусловлено общей тенденцией к экономии вербального компонента в кинотекстах.

Ключевые слова: вербально-письменный компонент; кинотекст; особенности функционирования

Для современной лингвистики характерна фиксация внимания на исследовании текстов различной природы, в том числе и кинотекста. Предпочтение отдают визуализированной информации, способной экономить время и усилия, обычно затрачиваемые на восприятие печатного текста. В структурировании кинотекста используются как вербальные, так и невербальные средства. К невербальным компонентам относят звуковое сопровождение и визуальный ряд, а вербальным компонентом кинотекста, обозначающим всю лингвистическую систему фильма, является кинодиалог, состоящий из устно-вербального и письменно-вербального компонента. В последних научных работах акцент переносят на исследование взаимодействия вербального и невербального компонентов [1; 3; 12; 15; 16], а также

на их влияние на сознательную и эмоциональную стороны реципиента, то есть зрителя.

В условиях кинодискурса коммуникация осуществляется между отправителем и получателем сообщения посредством каналов, по которому передается сообщение – визуальному и акустическому. Традиционно, лингвистические исследования кинотекста затрагивают его устно-вербальный компонент, а тенденция к экономии последнего в кинотекстах обусловлена повышением значимости визуального ряда. Изучая язык кино, Ю. М. Лотман справедливо указывал на тенденцию к удвоению семиотических систем. Кинематограф реализуется как двуязычный феномен [Лотман, с. 11]. По мнению исследователя, звуковой фильм, собственно, и художественный, и анимационный фильм, – это соединение движущейся фотографии и звучащей словесной речи [там же]. Однако в этой системе не учитывается вербально-письменный компонент, довольно распространенный в отечественных и зарубежных фильмах, созданных на стыке XX–XXI вв.

В современных исследованиях вербальный компонент кинофильма рассматривают как фактически особый жанр, развившийся из собственно художественного текста и обладающим основными характеристиками текстов художественного стиля. Кроме того, анализируя лингвистическую систему фильма с позиции диегезиса, то есть «совокупности фильмической денотации: сам рассказ, но также и пространство, и время вымысла, задействованные в этом рассказе, а также персонажи, рассматриваемые с точки зрения денотации» [Метц], выделяют диегетические и недиегетические элементы. К диегетическим относят вещи и события, являющиеся частью реального мира героев, к недиегетическим элементам относят все то, что слышит и видит только зритель, являясь сторонним наблюдателем. Исследователь И. П. Федотова рассматривает письменно-вербальный компонент, то есть всевозможные надписи в фильме, как диегетический элемент [Федотова, с. 254]. Настоящий элемент и его перевод играют немаловажную роль в воздействии на зрителя и восприятии им информации. Рассмотрим более подробно основные случаи использования вербально-письменного компонента в кинотекстах.

Надписи в фильмах появляются для сообщения зрителям деталей о времени действия, например надпись «Годом ранее». Просматривая испанский короткометражный фильм «Porque no hay cosas que nunca se olvidan» (режиссер Lucas Figueroa), зритель оказывается в Испании середины XX века, видит на доме вполне традиционную надпись *DIOS*

BENDIGA LA PAZ DE ESTA CASA. Надписи помогают создать атмосферу фильма. Так, в испанском фильме «Celda 211» (режиссер Daniel Monzón) надписи появляются в кадре, чтобы показать зрителю атмосферу тюрьмы, трагедию людей, которые попадают туда. Именно поэтому зритель видит надписи на стене камеры-одиночки под номером 211: *Put a mentira, Aquí murió El Morao por su mala cabeza, Aquí murió Calzones*.

Кроме того, появляются в кадре и надписи-предупреждения. Например, в сериале «La casa de papel» надпись *Desguace cerrado. Prohibido el paso*, имеющая в обычной жизни иллокутивную задачу – предупредить, однако в сериале дополнительно характеризует место действия и отличную работу сотрудников полиции, которые смогли найти машину преступников на заброшенной разборке автомобилей и были близки к задержанию организатора преступления.

Надписи играют важную роль в формировании образа персонажа. Например, в короткометражном фильме «El barco pirata» (режиссер Fernando Trullols) зритель, увидев на доме героя объявление *CASA EN VENTA*, начинает догадываться о сложном финансовом положении главного героя, о том, как трудно было ему выполнить просьбу своего сына Давида, озвученную в письме к волхвам.

Однако в последних кинотекстах роль вербально-письменного компонента существенно возрастает. Имеет место интеграция этого компонента и визуальных изображений. При этом, как пишет В. Н. Ждан, вербальный и визуальный компоненты дополняют друг друга «на равных творческих правах как взаимопроникающие части единого композиционного целого» [Ждан, с. 221]. Так, в современных кинотекстах SMS сообщения появляются на экране рядом с мобильными устройствами. То есть текст вместо экранов мобильных устройств перемещаются на зрительский экран. Приведем пример из британского сериала BBC «Sherlock». В первом эпизоде сериала «Этюд в розовых тонах» во время пресс-конференции инспектор Лестрейд рассказывает о расследовании череды недавно произошедших в городе самоубийств, а все присутствующие получают сообщения на мобильные телефоны со словом «Wrong!». В каталанской версии сериала переводить визуальное сообщение не стали, зритель слышит комментарий журналиста: «només diu "incorregcte"». В условиях современной коммуникации избыточная визуализация становится необходимой, при этом вербальный контент сокращается или визуализируется, что, естественно, создает дополнительные возможности.

В указанном сериале визуализация способствует созданию у зрителя ощущения вовлеченности в процесс расследования преступления. Зритель вместе с главными героями оказывается в центре событий, видит многочисленные текстовые сообщения, сообщения в блогах, формулы, символы, изображения и граффити, все то, что помогает завершить образ главного героя, показать стремительность его мышления.

Что касается современных испанских фильмов, то в них также прибегают к письменно-вербальному компоненту для визуализации размышлений персонажа. Например, в испанском сериале «La casa de papel» зритель слышит закадровый голос рассказчика – персонажа Токио, повествующей о подготовке захвата Монетного двора Испании, а видит надписи-размышления о возможных личностях преступников, сделанные следователем полиции Ракель Мурильо. Например, *¿Mujer? Женищина?* Благодаря этим надписям зритель понимает, что следователь Мурильо близка к разгадке.

В современных отечественных фильмах текст с экранов мобильных устройств также перемещают на зрительский экран. Например, в короткометражном фильме российского режиссера Е. Никитина «Стрела» зритель становится участником SMS-переписки учеников 11 класса. При этом, происходит визуализация соприсутствия двух параллельных действий: активного обсуждения предстоящей драки: *То чувство, когда не переживаешь по поводу драки, Ахаха, Когда вообще не переживаешь* – и собственно урока математики. Тайная SMS переписка демонстрируется зрителю параллельно основному действию. Имитация реальной SMS коммуникации учеников заставляет зрителя соприкоснуться с жизнью современных подростков, их нравами.

Рассматривая письменно-вербальный компонент кинофильмов, следует назвать еще одну его функцию – создание комического эффекта. Прежде необходимо отметить основные характеристики комического. По мнению ряда исследователей, одним из важных аспектов понятия комического является его субъективный характер с одной стороны и общественный характер с другой. Рассматривая комическое как социокультурную реальность, Ю. Б. Боров указывал на важность зрителя, сознательно-активное восприятие со стороны аудитории [Боров]. В своем исследовании он писал, что «Комизм социален своей объективной (особенности предмета) и своей субъективной (характер восприятия) стороной [Боров, с. 85]. Кроме того, важной характеристикой явления комического, реализуемого как языковыми, так и неязыковыми

средствами, является фактор неожиданности, который заключается в несоответствии ожиданий субъекта объективной действительности, также подкрепленным внезапностью возникающего эффекта. Так, в короткометражном фильме «Nada que perder» (режиссер Rafa Russo) в первой части зритель видит несколько неожиданную для пассажиров такси надпись *Se avisa al viajero que hay un suplemento de... PST por mal humor*. Комический эффект основан на эффекте обманутого ожидания, поскольку обычно дополнительную плату в такси могут потребовать за провоз багажа, домашних животных, а не за плохое настроение. Необходимо отметить, что во второй части фильма зритель видит исправленную надпись, она сокращается до *Se avisa al viajero que hay... mal humor*. Именно благодаря ей уже известная актриса узнает в уставшем таксисте человека, который когда-то поддержал её перед первым кастингом. Здесь вербальный компонент уже не создает комического эффекта, а позволяет зрителям понять, что персонаж изменился: перед нами уже человек, утративший свои иллюзии и мечты.

Что касается ряда отечественных фильмов, то комизм в них также основан на эффекте несоответствия ожиданий зрителя объективной действительности. Например, в советском фильме-сказке для взрослых «Чародеи» (режиссер К. Бромберг) с первых кадров фильма зритель сталкивается с нарушением процесса прогнозирования с использованием вербально-письменного компонента. Так, следует указать письменные наименования-аббревиатуры солидных учреждений, встречающиеся в фильме. Например, учреждение КДУ, полное название которого звучит как Комбинат добрых услуг, Научный универсальный институт необыкновенных услуг. Безусловно, комичны надписи в здании Института, например, *С НОВЫМ ГОДОМ? НУИНУ!* и *Что ты сделал для науки!*, в которых перепутаны знаки препинания, а также названия структурных подразделений этого учреждения *Мастерская волшебной древесины, Лаборатория абсолютных неожиданностей*. Интересным и остроумным является решение режиссера, связанное с использованием недопустимых буквенных словосочетаний в регистрационных номерах автомобилей. Здесь комический эффект достигается за счет использования лексико-фонетических средств *РВУ, ТРУ, ПНУ, ГНУ, РЖУ, ЛАЮ* и др., создающих языковую игру, в основе которой деятельность и сущность чародеев.

Рассматривая вербально-письменный компонент в кинотекстах, следует отметить, что ряд надписей отличается неразвернутостью плана выражения в сравнении с планом содержания. Восстановление

опущенных элементов основано на общих для коммуникантов, то есть авторов фильма и зрителей, знаний о мире, а также знании закономерностей речевого поведения и структуры конкретного текста. Нами зафиксировано несколько примеров из испанского кинофильма «*Todos los hombres sois iguales*» (режиссер Manuel Gómez Pereira), в которых применение более экономных построений способствует достижению эффекта эвфемистического смягчения при обозначении табуированных понятий. Например, *¡La mujer de mi jefe me la chupa!*, *¡Juan Luís tiene la pequeña!*. В приведенных примерах используется нулевой знак, чтобы избежать запрещенной формы. То есть персонаж фильма предпочитает не называть слово, которое недопустимо для данного текста [Яскевич, с. 145]. Умолчание табуированной формы (*la polla*) угадывается из окружения, не изменяет смысла предложения, зато способствует достижению эвфемистической цели. Собственно, это примеры эллиптических эвфемистических конструкций, о которых подробнее – в работах М. В. Зеликова [Зеликов, с. 199, 241–243], К. В. Якушкиной [Якушкина, с. 33, 142–145].

Что касается примеров опущения элементов из отечественных фильмов, то следует привести пример из анимационного фильма «Винни Пух» (режиссер Ф. Хитрук). Так, зритель может прочитать надпись на домике Пятачка *Посторонним В!*, которая является эллиптированным вариантом надписи-запрещения *Посторонним вход воспрещен!*. При переводе надписи для испаноязычной аудитории также сохранили опущение элемента, а именно: *¡Se prohíben los E!*, полный вариант *¡Se prohíben los Extraños!*. Безусловно, восстановить опущенный элемент здесь могут только взрослые зрители, так как у юных любителей анимационных фильмов отсутствуют общие для коммуникантов знания о мире, «фонд общих знаний» [Арутюнова, с. 337].

Нам не удалось зафиксировать примеры, в которых имело бы место более развернутое построение высказывания, что, видимо, обусловлено общей тенденцией к экономии вербального компонента в кинотекстах. Более того, ряд авторов настаивают на категорическом исключении языковой избыточности в кинодиалоге [11]. Однако следует указать способы усиления воздействия на зрителей за счет увеличения носителей означающего, что в ряде случаев приводит к их очевидной избыточности [Вяльях, Яшкина, с. 40]. Так, в отечественном анимационном фильме «Остров сокровищ» (режиссер Д. Черкасский) в сцене разговора Джима с Билли Бонсом используются несколько каналов коммуникации. Речь идет об изображении взрыва, вызванного чиханием

капитана. Собственно воздействие на зрителя осуществляется посредством невербального слухового (хлопок, звук взрыва) и невербального визуального (изображение взрыва) каналов, на которые накладывается вербальный визуальный канал (графически переданный звук взрыва «ТРАХ»). Прием одновременного использования нескольких каналов коммуникации, безусловно, обладает интенсивной объяснительной функцией для зрителей.

Также следует указать оскорбительный характер ряда надписей в кинотекстах. В этом случае вербально-письменный компонент, безусловно, помогает понять не только характер персонажей, но и также вызвать реакцию аудитории. Приведем примеры из испанского фильма «*Todos los hombres sois iguales*» зритель видит надписи *¡Juan Luis tiene la [polla] pequeña!, Todos los [hombres] que viven aquí son maricones*. Что касается отечественного кинематографа, то следует указать пример-надпись на стене из анимационного фильма «Лето кота Леопольда» (режиссер А. Резников) *Леопольд! Лопух! Усатый крокодил!* и т. п. Здесь надпись, видимо, имеет воспитательную функцию. Представляется, что создатели фильма рассчитывали на определенную реакцию юных зрителей, то есть на возмущение. Дети должны были возмутиться поступком мышей-проказников и понять, что такое поведение неприемлемо для воспитанного гражданина.

Особого внимания заслуживают вербально-письменные компоненты, содержащие ошибки. Приведем примеры из отечественного анимационного фильма «Винни Пух» (режиссер Ф. Хитрук). Так, зритель видит надписи на домике Совы: *ПРАШУ ПА-ДЕ-РГАТЬ И ЖДАТЬ АТВЕТА. САВА*, которая была переведена для испанской аудитории как *Fabor d jalar y ezperar respuesta. Lechusa* (=Por favor llamar y esperar (la) respuesta. Lechuza), и вторая надпись *ПРАШУ СТУ-ЧАТЬ ЕСЛИ НИ АТВИЧАЮТ. САВА* была переведена как *Fabor d tocar si no contetan. Lechusa* (=Por favor tocar si no contestan. Lechuza). Переводчики пытались сохранить комический эффект, который создают эти надписи, прямо указывая на проблемы с правописанием у персонажа анимационного фильма. Здесь следует отметить, что в советский период анимационные фильмы предназначались преимущественно для внутреннего пользования, что не предполагало перевода и вербально-письменных компонентов. В современных анимационных фильмах режиссеры стараются не использовать эти компоненты, чтобы избежать дополнительных расходов на перевод в случае демонстрации фильма за рубежом. Надписи заменяются на пиктограммы.

Таким образом, проведенный анализ использования вербально-письменного компонента в кинотекстах позволил выделить его основные функции, среди которых: визуализация размышлений персонажа, раскрытие образа героя, а также вовлеченность зрителей в происходящее на экране; создание комического эффекта; сообщение о месте и времени, а также воспитательная функция. Развитие кинематографа, связанное с появлением новых приемов и ускорением повествования в кинотекстах, приводит к экономии устного вербального компонента, к большей визуализации и появлению вербально-письменного компонента (надписей, сообщений и т. п.), который приобретает большую важность не только в формировании образа героя, но и в понимании сюжета фильма. Надписи в фильмах моделируют определенную среду, создавая условную реальность. Изучение их взаимодействия с устно-вербальными и невербальными компонентами и составит предмет дальнейших исследований.

Литература

1. *Анисимова Е. Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов. М., Академия. 2003. 123 с.
2. *Арутюнова Н. Д.* Понятие пресуппозиции в лингвистике // Изв. АН СССР. СЛЯ. 1973. Т. 32. №1. С. 84–89.
3. *Беседин А. С.* Невербальные элементы кинотекста в семиозисе власти // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: филология, педагогика, психология. 2018. №2. С. 35–41.
4. *Борев Ю. Б.* Эстетика: Учебник. М.: Высш. шк., 2002. 511 с.
5. *Вьяльк К. Э., Яшкина Е. А.* О тенденции к избыточности при передаче информации в современных кинофильмах // Актуальные вопросы развития индустрии кино и телевидения в современной России: Материалы II Национальной научно-практической конференции. СПб., СПбГИКиТ, 2019. С. 38–41.
6. *Ждан В. Н.* Эстетика фильма. М., Искусство. 1982. 375 с.
7. *Зеликов М. В.* Компрессия как фактор структуры и функционирования иберороманских языков. СПб., Фил. Фак-т СПбГУ, 2005. 448 с.
8. *Иванова Е. Б.* Художественный видеофильм как текст и его категории // Языковая личность: проблемы креативной семантики. К 70-летию проф. И. В. Сентенберг: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 200–206.
9. *Лотман Ю. М.* О языке мультипликационных фильмов // Ученые записки Тартуского государственного университета. Семиотика культуры. Труды по знаковым системам X. Вып. 463. 1978. 145 с.
10. *Метц К.* Проблемы денотации в художественном фильме // Строение фильма. М., 1985. С. 112–133.

11. Уланович О. И. Прагмемы как средства создания художественной образности и стилизации в кинодиалоге / О. И. Уланович // Современные технологии обучения иностранным языкам: Сб. науч. трудов; отв. ред. Н. С. Шарафутдинова. Ульяновск: УлГТУ, 2017. С. 77–84.
12. Федотова И. П. Структура лингвистической системы языка // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. №3. С. 252–256.
13. Якушкина К. В. Лексико-грамматические средства эвфемии в языке газет Испании: дис. к. филол. н. СПб., 2009. 206 с.
14. Яскевич А. А. Способы эвфемистической замены обценной лексики в тексте // Язык и социум: Материалы VII Междунар. науч. конф., г. Минск, 1–2 декабря 2006 г. В 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. Л. Н. Чумак. Минск: РИВШ, 2007. С. 145–147.
15. Яшкіна Е. А. Роль невербальных компонентов в кинотексте // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований. 2020. №6–2. С. 122–126.
16. Яшкіна Е. А., Вяльяк К. Э. Вербальные и невербальные компоненты недиегетического характера в кинотексте // Colloquium Journal. 2020. №9–4. С. 70–71.

Krista E. Vyalyak

Saint Petersburg State University of Cinema and Television

kristavyalyak@mail.ru

Abstract: *The article studies specific cases of the appearance of verbal-written components in a film text. The main content of the study consists of verbal and written components of Russian and Spanish feature films. If in real life these components are used to control actions, to give certain information, then in a film reality, verbal-written components not only inform about the place and time of the action, but also play an important role in shaping the image of the character; they contribute to understanding about actions and intentions of a character. In addition, the appearance of a verbal-written component in the form of messages, inscriptions creates a sense of involvement in the process of what is happening on the screen among viewers. The article also studies the role of these components in creating a comic effect. Examples of elliptical constructions are given; their appearance is explained in terms of the general tendency of saving of verbal components in film texts.*

Key words: *verbal written component; film text; features of functioning*

УДК 75.03/75.045

А. В. Морозова
СПбГУ

АНСАМБЛИ ПЯТИ ЧУВСТВ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ИСПАНИИ XVII В.

***Аннотация:** Статья посвящена аллегорическим ансамблям Пяти чувств в изобразительном искусстве Испании XVII в. Аллегорические ансамбли получают широкое распространение в европейском искусстве начиная с эпохи средневековья. Темой подобных ансамблей могли быть Свободные искусства, Добродетели, Грехи, Стихии, Времена года, дня и др. Одной из достаточно популярных тем становится и тема Пяти чувств. Чувства могли быть представлены в образе аллегорических женских фигур. К XVII в. оформилась и традиция представления Чувств через жанровые сцены. Реалистическая живопись XIX в. настраивала на считывание только первичного смысла таких жанровых сцен. Однако глубокое исследование жанра в искусствоведении XX в. позволило сделать вывод о существовании также аллегорического смысла его композиций. Такой смысл существовал и в испанской жанровой живописи, доньяне прочитывающейся зачастую лишь на уровне ее первичной семантики.*

***Ключевые слова:** живописные ансамбли; ансамбли пяти чувств; живопись Испании; изобразительное искусство Испании; искусство Испании XVII в.*

Аллегории Пяти чувств наряду с аллегориями Свободных искусств, Добродетелей, Грехов, Стихий, Времен года и Времени дня и др. были в европейском искусстве одними из наиболее популярных. Как и большинство других аллегорий серии чувств появляются с эпохи средних веков. Именно тогда оформилась система из Пяти чувств: Вкуса, Слуха, Зрения, Осязания и Обоняния. Но, в отличие от Свободных искусств, Пять чувств сохранили свою популярность вплоть до XIX столетия. Особый расцвет подобные ансамбли пережили в XVII–XVIII вв.

Аллегорическим ансамблям в европейском искусстве посвящен целый ряд крупных научных трудов [Маль; Mâle, 1898, 1908, 1922, 1932; Панофский; Sez nec; Wind; Murovec; Langmuir; Quiriger; Соколов]. Среди этих ансамблей преобладают ансамбли религиозного характера. Гораздо меньше исследованы нерелигиозные аллегорические ансамбли и циклы изображений, в частности ансамбли Пяти чувств.

С эпохи средних веков были известны разные иконографические схемы изображения чувств: в виде органов чувств (соответственно, языка, уха, глаза, рук и носа), в виде анималистических символов (обезьяны, оленя, орла, ежа, собаки) (например, фреска «Пять чувств» в башне Лонгторп, Англия, XIII в. [<https://arzamas.academy/materials/1675>]). В эпоху Ренессанса аллегории Пяти чувств стали по аналогии с аллегориями Свободных искусств и Добродетелей изображать в образе женских фигур, задействующих определенные органы чувств (пробующей фрукты, играющей на музыкальном инструменте, смотрящейся в зеркало, гладящей мех или нюхающей цветы). Существовала и иконография изображения чувств в натюрмортах с определенным набором предметов (фрукты олицетворяли Вкус, музыкальные инструменты или ноты – Слух, зеркало или очки – Зрение, предметы из бархата или драгоценные камни – Осязание, цветы – Обоняние) (например, «Пять чувств» Жака Линара, 1638 г., Музей изящных искусств Страсбурга [<https://arzamas.academy/materials/1675>]). В XVII в. наиболее популярной стала жанровая интерпретация аллегорий чувств, которая особое распространение получила во фламандском искусстве. Вкус символизировала сцена в таверне, Слух – изображение музицирования или сцена с громкими песнями и смехом в кабачке (Ян Минсе Моленар, «Слух», 1637 г., Маурицхейс, Гаага [<https://arzamas.academy/materials/1675>]), Зрение – сцена лицемерия форм красавицы, Осязание – сцена кровопускания или сцена с кавалером, обнимающим даму за талию или сцена с изображением Удаления камня глупости (Рембрандт, «Извлечение камня глупости», ок. 1624–1625 гг., Лейденская коллекция), Обоняние – сцена с переодеванием ребенка (Адриан ванн Остаде, «Обоняние», 1635 г., Гос. Эрмитаж) или изображение дам, нюхающих цветы.

Иногда аллегория отдельного чувства представляли в самостоятельном изображении, иногда все чувства собирали в одну картину (например, Т. Ромбоутс, «Аллегория пяти чувств», Гент, музей изящных искусств, 1632 г.) или в одной картине объединяли по несколько чувств (Ян Брейгель Старший (Бархатный), «Аллегория Зрения», олицетворяющая не только Зрение, но и другие чувства, 1617 г., Мадрид, Прадо). Картины могли быть как сравнительно небольшими, так и значительных размеров. Соответственно, они могли писаться как для свободного художественного рынка, так и на заказ. Нередко заказчиками выступали знатные аристократы. Например, упомянутая выше картина Т. Ромбоутса с изображением Пяти чувств

была заказана художнику епископом Гента Антонием Триестом [<https://int-ant.ru...>]. Знаменитые «Лавки» Снайдерса (Гос. Эрмитаж, С.-Петербург) тоже были аллегориями чувств.

Аллегии чувств были необычайно популярны, поскольку иллюстрировали фундаментальные физиологические устои мира. Считалось, что чувства – это те ворота, через которые человек, воспринимая мир, может устремиться к грехам (обжорству, сладострастию, зависти, жадности, унынию и др.) или, напротив, пойти по пути добродетельной жизни (См. гравюру «Десять заповедей, пять чувств, семь смертных грехов», Аббатство Тегернзее, ок. 1480 г., Национальная библиотека Франции [<https://arzamas.academy/materials/1675>]).

В XVIII в., в эпоху рококо, аллегии чувств получили в искусстве особую популярность. Можно вспомнить серию аллегорий чувств художника Филиппа Мерсье («Зрение», «Слух», «Обоняние», «Осязание», «Вкус» (1744–1747), Нью-Хейзен, Йельский центр британского искусства; 2-ая серия, XVIII в., БСИИ ASG, инв. №04-1473 (1–4) [<https://int-ant.ru...>]). В XVIII в. аллегии чувств получили распространение и в мелкой фарфоровой пластике, в частности Мейсенской фарфоровой мануфактуры [<https://art-salon.eu...>] (серия фигур И. К. Шонхайта (1730–1805) «Пять чувств», музей при Мейсенской фарфоровой мануфактуре). Можно назвать и произведения подобной тематики XIX в. (Г. Макарт, «Пять чувств», галерея Бельведер, Вена). Екатерина II заказала в технике флорентийской мозаики четыре картины из цветных камней (1751, 1787, ГМЗ «Царское Село») на сюжеты аллегорий чувств.

Ныне считается, что картины Караваджо «Лютнист» (Эрмитаж, Санкт-Петербург; ок. 1595, музей Метрополитен, Нью-Йорк; ок. 1596, Бадминтон-хаус, Глостершир), «Юноша с корзиной фруктов» (1593–1594, Галерея Боргезе), «Мальчик, укушенный ящерицей» (ок. 1593, Флоренция, собрание Лонги) (1590-е) тоже являются аллегориями чувств. Ян Брейгель Старший и Питер Пауль Рубенс неоднократно писали картины с изображением аллегорий чувств. Пять их картин крупного формата с изображением Пяти чувств входили в коллекцию испанского короля Филиппа IV и хранились в мадридском алькасаре, а ныне хранятся в Прадо¹. В инвентарях

---

¹ Владельцами этих прославленных картин были, по очереди, герцог Необургский, кардинал-инфант Фердинанд Австрийский и герцог Медина де лас Торрес, который и вручил их королю Филиппу IV. В 1636 г. они уже были повешены в залах мадридского Алькасара [Bottineau, p. 301].

художественных коллекций мадридского алькасаара упоминаются и другие картины, которые вполне могли рассматриваться как аллегории чувств [Bottineau, p. 46, 76]. Соответственно, эта тематика аллегорий чувств не была чужда испанским коллекционерам и художникам. Наряду с сериями аллегорий чувств в испанских коллекциях XVI–XVIII вв. были представлены серии аллегорий Свободных искусств, Планет, Времени суток, Времен и месяцев года, Периодов человеческой жизни [Bottineau, p. 166, 290, 293, 313, 317]. Вкупе они составляли ту мировоззренческо-философскую канву, которая позволяла упорядочивать хаотичность жизни.

Аллегорическим ансамблям в испанском искусстве посвящен ряд публикаций [Santiago Sebastian, 1971, 1978, 1981; Морозова, 2008, 2015]. Однако, в общих трудах по истории искусства жанровые картины испанских мастеров продолжают трактоваться традиционно, без выхода на аллегорический уровень их семантики.

Известные произведения испанских живописцев, представляющие аллегории чувств, это, например, картины Риберы (1591–1652) – «Слепой скульптор» (Ок. 1630, холст, масло, 114 x 88 см, Фонд Нортон Симона (Norton Simon Foundation), Лос Анжелес; 1632, холст, масло, 125 x 98 см, Прадо, Мадрид), «Аллегория вкуса» (1613–1616, холст, масло, 117 x 88 см, Уодсворд Атенеум, Хартфорд, копия в Гос. Эрмитаже), «Аллегория слуха» (Между 1615 и 1616, холст, масло, Музей Франса Майера, город Мехико, Мексика), «Аллегория обоняния» (между 1615–1616, холст, масло, 115 x 88 см, коллекция Хуана Абельо, Мадрид).

Возможно, бодегоны Веласкеса были созданы в том числе и как аллегории чувств: «Завтрак» из Эрмитажа – как аллегория Вкуса. По всей видимости, и многие картины Мурильо, до последнего времени считавшиеся чистым жанром, тоже могли писаться и рассматриваться как аллегории чувств: «Вшивый» (Ок. 1645, холст, масло, 134 x 100 см, Лувр, Париж), «Игроки в кости», «Туалет» («Старуха, ищущая блох у внука») (1670–1675 гг., холст, масло, 147 x 113 см, Старая Пинакотека, Мюнхен), «Три мальчика» (Ок. 1670, холст, масло, 168 x 109, Далиджская картинная галерея), «Два мальчика, играющих в кости» (1670–1675, масло, холст, 148 x 114 см, Академия изобразительных искусств, Вена), «Мальчики, играющие в кости» (ок. 1675, холст, масло, 145 x 108 см, Старая Пинакотека, Мюнхен), «Девушка и дуэнья» (1670, холст, масло, 106 x 127 см, Национальная галерея искусств, Вашингтон) – аллегория Осязания или Зрения,

«Старуха и мальчик» (1650-е, холст, масло, 146 x 106 см, музей Вальрафа-Рихарца, Кельн), «Едоки дыни и винограда» (1645–1646, холст, масло, 146 x 104 см, Старая Пинакотека, Мюнхен), «Едоки печенья» (ок. 1670, холст, масло, 124 x 102 см, Старая Пинакотека, Мюнхен), «Маленькая продавщица фруктов» (ок. 1670–1675, холст, масло, 149 x 113 см, Старая Пинакотека, Мюнхен), «Три ребенка» (Ок. 1660, холст, масло, 168 x 109 см, Далиджская картинная галерея) – аллегория Вкуса, парные «Девочка с фруктами» (1655–1660, холст, масло, 76 x 61 см, ГМИИ им. А. С. Пушкина, Москва) и «Мальчик с собакой» (1655–1660, холст, масло, 70 x 60 см, Гос. Эрмитаж, С.-Петербург), «Приглашение к игре в кольцо» (Ок. 1665–1670, Далиджская картинная галерея, холст, масло,), «Девочка-продавщица фруктов» (между 1660 и 1680, холст, масло, 121 x 98 см, Далиджская картинная галерея) – соответственно, аллегория Вкуса и аллегория Обоняния, «Мальчик, играющий на флейте» (между 1630 и 1699, масло, холст, 54 x 43,8 см, Момпессон хаус, собственность Национального фонда Великобритании, Солсбери, Уилтшир) – аллегория Слуха, «Старая пряха» (копия с оригинала Мурильо, 61 x 51 см, Прадо) – аллегория Осязания.

Понятно, что в эпоху романтизма и реализма в XIX в., когда начался бум картин Мурильо, в соответствии с романтической и реалистической задачами современной живописи и картины Мурильо интерпретировались в сугубо реалистическом ключе. Такая интерпретация стала устойчивой традицией. Но попытка взгляда на эти полотна через призму современной художнику традиции позволяет быть уверенными в существовании аллегорического смысла указанных полотен.

Литература

1. *Маль Э.* Религиозное искусство XIII века во Франции. М.: Институт филологии, теологии и истории св. Фомы, 2008. 552 с.
2. *Морозова А. В.* Аллегорическое истолкование античных образов в литературе и искусстве Испании конца XVI в. // Материалы III Международной конференции испанистов России. Май 2008. Москва www.hispanismoruso.com/ru/ponencias/index.html
3. *Морозова А. В.* Античные образы в испанском искусстве XVI в. СПб: Издательский дом Санкт-Петербургского университета, 2008. 100 с.
4. *Морозова А. В.* Аллегорическое истолкование античных образов в искусстве романтизма в Испании // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета, 2015. № 22. С. 41–47.

5. *Пановский Э.* Готическая архитектура и схоластика (1951) // Пановский Э. Перспектива как «символическая форма». Готическая архитектура и схоластика / Пер. с нем. И. Хмелевских. Е. Козиной; пер. с англ. Л. Житковой. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 213–336.
6. *Соколов М. Н.* Бытовые образы в западноевропейской живописи XV–XVII веков. М.: Изобразительное искусство, 1994. 283 с.
7. *Bottineau Y.* L'alcázar de Madrid et l'inventaire de 1686. Aspects de la cour d'Espagne au XVIIe siècle // Bulletin Hispanique. 1958. Т. LX, № 1, p. 30–62; № 2, p. 145–180; № 3, p. 289–327; № 4, p. 450–484.
8. *Langmuir E.* Allegory. New Haven: Yale University press, 2010. 96 p.
9. *Mâle E.* L'art religieux après Le Concile Trente. Étude sur l'iconographie du la fin du XVI-e siècle, du XVII-e siècle, du XVIII-e siècle. Italie, France, Espagne, Flandres. Paris: A. Colin, 1932. 532 p.
10. *Mâle E.* L'art religieux de la fin du moyen âge en France: Étude sur l'iconographie du moyen âge et sur ses sources d'inspiration. Paris: A. Colin, 1908. 558 p.
11. *Mâle E.* L'art religieux de XIII siècle en France. Etude sur l'iconographie du moyen age et sur ces source des'inspiracion. Paris: E. Leroux, 1898. 534 p.
12. *Mâle E.* L'art religieux du XIIe siècle en France: étude sur les origines de l'iconographie du Moyen Age. Paris: A. Colin, 1922. 460 p.
13. *Murovec B.* Alegorija petih čutov na freskah v gradu Jablje in na slikanih tapetah iz gradov Dornava in Zaprice. [Allegories of the five senses in the frescoes at the castle of Jablje and the painted wall coverings from Dornava and Zaprice] // Zbornik za umetnostno zgodovino. Nova vrsta, 29 (1993), str. 133–148, XLI–LII.
14. *Quiviger F.* Sensory world of Italian Renaissance Art. London: Reaction books, 2010. 206 p.
15. *Santiago Sebastian.* Contrarreforma y barroco. Madrid: Alianza, 1981. 413 p.
16. *Santiago Sebastian.* La Casa Zaporta. Espejo de Palacios Aragoneses // Goya (Madrid). 1971. № 105. P. 164–167.
17. *Santiago Sebastian.* Arte y humanismo. Madrid: Cátedra, 1978. 317 p.
18. *Seznec J.* La survivance des dieux antiques, Studies of the Warburg Institute, vol. XI, London, 1940. 463 p.
19. *Wind E.* Pagan Mysteries in the Renaissance. Harmondsworth: Penguin and Faber, 1967. 345 p.
20. <https://arzamas.academy/materials/1675>
21. https://int-ant.ru/news/news-culture/art_k/allegory-of-the-five-senses-in-french-painting-of-the-gallant-century/
22. <https://www.gidvmadrive.com>
23. <https://art-salon.eu/ru/opisaniya-konkretnyh-kollekciy-i-figurok-meissen/a-series-of-figures-of-sanhita-five-senses>

Anna V. Morozova

St Petersburg State University

amorozova64@mail.ru; a.v.morozova@spbu.ru

Abstract: *The article is devoted to the allegorical ensembles of the five senses in the visual arts of Spain in the 17th century. Allegorical ensembles have become widespread in European art since the Middle Ages. The theme of such ensembles could be Free Arts, Virtues, Sins, Elements, Seasons, Time of Day, etc. One of the fairly popular topics was the theme of the five Senses. Senses could be represented in the form of allegorical female figures. By the 17th century the tradition of presenting Senses through genre scenes also took shape. Realistic painting of the 19th century tuned in to read only the primary meaning of such genre scenes. However a deep study of the genre in art history of the XX century made it possible to conclude that there was also an allegorical meaning in his compositions. Such a meaning also existed in Spanish genre painting, which until now is often read only at the level of its primary semantics.*

Key words: *painting' ensembles; ensembles of five Senses, painting of Spain, fine art of Spain, art of Spain of the 17th century*

УДК 811.134.2, 821

Ю. Л. Оболенская
МГУ имени М. В. Ломоносова

ИСПАНСКИЕ ТАНЦЫ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ И ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ А. Н. ОСТРОВСКОГО

***Аннотация:** Статья посвящена анализу статьи «О танце в Испании», истории ее находки и установлению авторства, а также месту этой статьи в наследии А. Н. Островского. В статье рассматривается роль испанских танцев в «Интермедиях» Мигеля де Сервантеса и их интерпретация в переводах русского драматурга.*

***Ключевые слова:** «Интермедии» Мигеля де Сервантеса; А. Н. Островский; переводы; испанские танцы*

Статья посвящена анализу и истории появления статьи «О танце в Испании», обнаруженной мною в марте 2008 г. в рукописном архиве ИРЛИ (Пушкинского дома) в именной архивной папке среди черновых автографов и копий переводов девяти интермедий М. де Сервантеса Сааведры, выполненных великим русским драматургом и прекрасным переводчиком А. Н. Островским. Задачей моей работы в рукописном фонде было изучение автографов Островского, сравнение черновых автографов и первых публикаций переводов с современными изданиями и сбор материалов для моих статей в готовившееся издание юбилейной Энциклопедии А. Н. Островского. В папке среди авторизованных писарских копий переводов интермедий оказалась эта неизвестная и неизданная статья Островского, ее название было заключено в скобки, отсутствовала датировка, но сама тема статьи, а также пометы, сделанные рукой Островского, безусловно указывали на ее связь с работой Островского над этими переводами и на его возможное авторство. Консультации со специалистами-островковедами ИРЛИ успехом не увенчались: их там просто не оказалось, никаких комментариев от сотрудников я не получила. Вместе с сотрудниками отдела и библиотеки мы сличили почерки: действительно – правка рукою А. Н. Островского, да и писарь явно тот же, кто копировал автографы переводов интермедий.

Обсуждение находки с редактором «Энциклопедии» И. А. Овчининой, консультации с испанистами и поиск возможного источника статьи или какой-либо информации о ней результатов также не дали. Решение редактора: «Готовьте публикацию». Статья была мною подготовлена к печати и с краткими комментариями впервые опубликована в России в сборнике [А. Н. Островский...]¹. С драматической историей создания этих переводов я была знакома довольно хорошо, занималась этой темой серьезно и знакомила с результатами моей исследовательской работы на протяжении многих лет в нескольких публикациях: [Оболенская 2018; Оболенская 2020].

Переводы создавались А. Н. Островским с весны 1879 года до 1885 года, но их редактирование и отделка продолжались вплоть до внезапной смерти драматурга в 1886 г. Достаточно сказать, что на его письменном столе в имении Щельково так и остался незавершенный перевод «Антония и Клеопатры» Шекспира и тексты «Интермедий» Сервантеса. Рукопись найденной статьи (авторизованную копию переписчика) можно датировать предположительно 1879–81 гг., а возможно и годом раньше, поскольку именно в это время Островский наиболее активно работал над переводами указанных интермедий, составлением переводческих комментариев к ним и готовил их к публикации. Ряд комментариев переводчика был посвящён испанским танцам, играющим особую роль в интермедиях, в комментариях есть рассуждения переводчика и о сопровождающих танцы песнях, виртуозно переведенных Островским в стихотворной форме.

Поскольку сам Островский в Испании не был, то возможно сведения об испанских танцах он мог почерпнуть из публикаций иностранных и отечественных изданий: некоторые из них я обнаружила в его личной библиотеке, хранящейся в Пушкинском доме. В библиотеке А. Н. Островского было несколько иностранных изданий, посвященных культуре и литературе Испании, кроме того имелись три переводных статьи об испанской литературе, испанском театре и испанских обычаях, опубликованные в журналах «Современник», «Библиотека для чтения», «Отечественные записки» соответственно в 1848, 1850 и 1852 годах. Указанные работы были внимательно изучены Островским и содержат его пометы. Такие пометы, в частности, есть и в отрывке из «Истории испанской литературы» Дж. Тикнора,

---

¹ АПК: Рукописная копия с заглавием «О танце в Испании». – ИРЛИ РАН. Ф. 218. Оп. 2. №19. Далее очерк цитируется по этой публикации.

посвященном испанскому театру и танцам. Безусловно, Островский был знаком и с книгой В. П. Боткина «Письма об Испании», ведь после первого издания книги в 1857 г. ей зачитывались в обеих столицах. А знакомство русских читателей с «Письмами» началось двумя годами раньше в журнальных публикациях отдельных писем уже в 1855–56 гг. Очерк «О танце в Испании», возможно, также предназначался для публикации в «Отечественных записках» в связи с подготовкой переводов интермедий к публикации.

Содержание очерка «О танце в Испании» несколько настораживало тем, что столь глубоких познаний и деталей описания множества старинных испанских танцев не было ни в одном из французских или английских изданий из библиотеки писателя, и я решила, что речь идет о компиляции сведений и данных, взятых из нескольких источников. Кроме того, текст содержал свойственные Островскому слова и обороты речи (*песенки, плясовая / плясовые песни, прелестный* и т. п.), а стилистика очерка, его публицистический пафос и полемическая заостренность отражали особенности индивидуально-авторской манеры драматурга.

Само обращение русского драматурга к теме испанского танца было вполне закономерно и свидетельствовало не только о его интересе к испанской теме (довольно модной в те годы), но и о серьезности и обстоятельности, которая отличала его переводческую деятельность. Работая над переводами интермедий Сервантеса, Островский оценил важную функцию песен и танцев в жанре испанских интермедий, а также их особую роль в кульминациях и развязках действия большинства интермедий Сервантеса. Переводчик-драматург проявил себя дотошным исследователем, пытаясь изучить историю и те характеристики испанского танца, которые позволили бы ему глубже понять и полнее передать как их функции в переводе интермедий и в комментариях к ним, так и создать удивительные по точности поэтические переводы исполняемых героями песен. Так например, песни музыкантов-цыган играют важную роль в интермедии Сервантеса «Избрание алькальдов в Дагансо», где помимо перевода «собственных» песен-импровизаций цыган Островский в стихотворной, стилизованной фольклорной форме переводит исполняемую ими популярную во времена Сервантеса народную песню «Pisaré yo el polvico...»:

*Я песочек потопчу
Полегонечку, так;
Я песочек потопчу*

*Pisaré yo el polvico,
Atan menudico;
Pisaré yo el poluó*

Полегонечку, так!

.....

Я по твердой земле

Потопчусь посылней,

Знаю, что любовь моя

Похоронится в ней;

Счастье жизни всей моей

Потоптала любовь

Так тихонечко.

Atan menudó.

Pisaré yo la tierra,

Por mas que esté dura,

Puesto que me abra en ella

Amor sepultura,

Pues ya mi buena ventura

Amor la pisó

Atan menudó

.....

Mi bien se ha pasado en buelo,

Y el poluo dexó

Atan menudó

Эту песню Островский сопровождает примечанием переводчика: «"Я песочек потопчу" – цыганская песня, бывшая в то время в моде. Смыслу в ней немного, как и в большинстве цыганских песен». Видимо, столь критическое отношение к содержанию песни повлияло на то, что ее текст не был переведен им полностью.

Но откуда в статье об испанских танцах столько информации, имен, сведений об истории и «географии» испанского народного танца, начиная со Средних веков? Ведь в этом очерке приведено больше сведений о танцах, чем в комментариях испанских специалистов XX века! И почему очерк так и не был опубликован? Очерк содержит названия наиболее популярных танцев и их краткие характеристики, касающиеся музыкального сопровождения, ритма, движений и состава танцовщиков, поэтической структуры сопровождающих их песен и т. п. На протяжении всего очерка последовательно разграничиваются народные танцы, как достояние испанской культуры и танцы придворные, причем как указывается в статье, и те и другие часто являются важным элементом презентации и структуры драматического произведения.

Впрочем, ряд сведений и самих названий танцев, приводимых в очерке, неточен. Так, предположение о том, что танцы в Испании исполнялись шутами, и что «составление плясовых песен относилось к области их искусства», в действительности, шуты – это ошибочная трактовка наименования хугларов (*juglare*), испанской разновидности трубадуров, бродячих музыкантов и певцов, которые зачастую иллюстрировали исполняемую песню одновременно и танцами. Непривычная орфография названий танцев или испанских топонимов в статье – очевидный результат посредничества иностранного источника:

Островский, по-видимому, воспроизводит орфографию (либо транскрибирует) заимствования в языке-посреднике, например, упоминая провинцию «Ла Манха», вместо уже известной русскому читателю «Ла Манчи» или описывая танец «сегидилла» – вместо «сегидильи» и т. п. Довольно спорным представляется и категорический вывод автора статьи о том, что на сегидильи «надо смотреть как на корни большей части тех национальных танцев, которые не ослеплены обожанием чужеземного и прославились за границей».

В очерке неоднократно подчеркивается «малопрстойный» характер свободных движений и поз народных танцев, комментируемых Островским в переводах интермедий Сервантеса, таких например, как *сарабанда*, *чакона* и *эскарраман*. Это «три особенно любимые, но и более всех сладострастные танцы, которые во второй половине 16-го столетия утверждались на всех сценах; из-за них особенно все театральные представления навлекали на себя обвинительный приговор строгих судей нравственности». Однако и это суждение не удивляет: сравним его с цитатами из «Писем» Боткина: «Андалузские танцы танцуются не ногами, а корпусом: что за обаяние в этих сладострастных перегибах стана!... /танец/ состоит из одних движений тела, выразительных, страстных, порывистых, при которых женские формы являются в такой чарующей красоте, что я, только смотря на *ola*, понял... нет, больше чем понял, – обожание тела [Боткин, с. 29]¹. В Европе этот танец показался бы ужасно безнравственным...» [Там же, с. 85].

Музыканты – танцоры и певцы или главные герои завершают большинство интермедий Сервантеса песнями, выполняющими роль, сходную с ролью морали в басне, и Островскому удалось блестяще воспроизвести их содержание и форму. Особую роль танцы играют в интермедии Сервантеса «Вдовый мошенник, именуемый Трамбагос», одним из главных действующих лиц которой является легендарный (или полуполулегендарный) разбойник и «цвет танцоров» – беглый каторжник Эскамарран, имя которого и получил упомянутый выше и наиболее преследуемый инквизицией, запрещенный в Испании танец «эскарраман». К сожалению, в процессе перевода этой чрезвычайно яркой,

---

¹ По поводу этого описания довольно язвительно пошутил в письме Василию Петровичу Боткину Виссарион Григорьевич Белинский (письмо от 2–6 дек. 1847 г.). Столь же категоричен и восторжен Боткин описывая мадридских *манолас*: «...соединение прелести и буйной дикости, целомудренной красоты форм и откровенной наглости, происходящей не от разврата, а от стремительно вспыхивающих страстей, не знающих никакого предела» [Боткин, с. 29].

многослойной интермедии из жизни воров, сутенеров и проституток Островский, по-видимому, осознал, что цензура никогда ее не пропустит, и так и не завершил свой перевод. Уже после его смерти он был доработан Б. А. Кржевским, и только в 1923 г. наконец опубликован.

Вот небольшой отрывок из песни, описывающей завершающие интермедию танцы Эскамаррана и *соискательниц руки* овдовевшего сутенера. Здесь вызывают интерес не только перечисленные танцы, но и восторженное, почти экзальтированное описание исполнительской манеры в оригинале и точность перевода Островского:

<i>Что за руки, что за плавность!</i>	<i>¡O, que dessmayar de manos!</i>
<i>Вдруг все вместе, вдруг все врозь!</i>	<i>¡O, que huir y que juntar!</i>
<i>И какие лабиринты –</i>	<i>¡O, que nuevos laberintos,</i>
<i>Есть и выход, есть и вход!</i>	<i>Donde ay, salir y ay entrar!</i>

*Что угодно вам, танцуйте,
Я умею все играть,
И канарьо, и гамбеты,
Деревенские могу.*

*Сарабанду, сампало,
И умею я играть
Наш король Альфонсо добрый...*

Все перечисленные танцы описываются в очерке, причем ярких или «говорящих» названий приводится гораздо больше, и я назову лишь некоторые: это тот самый *Polvillo, Gibadina, Alemanda, Turdiñon, Pavana, Piedegibao, Madama Orliens, el Rey Don Alonso el Bueno, Chacona, Gallarda, Perra Mora, Guineo, Gorróna, Juan Redondo, Pipironda, Hermano Bartolo...*

Танцы в очерке описываются так поэтично и живо, что они воочию предстают перед глазами читателя. Восхищаясь изяществом испанских танцоров, автор замечает: «...Наши прославленные оперные танцоры могли бы поучиться у них».

Кроме того следует подчеркнуть и то, что очерк содержит некоторые критические замечания по поводу переживаемой Европой политической ситуации, и что выводы, формально относящиеся к испанскому танцу, на самом деле позволяют автору сделать более широкое обобщение: «Условное образование, грозящее управлять обычаями всех стран нашей части света и поглотить в свое плоское однообразие всякую особенность, оттеснило в новейшее время и испанские национальные танцы». Нельзя не заметить в статье авторский пафос в отношении

защиты национальной культуры от засилья чужеземной. Об этом свидетельствует выраженное в конце очерка одобрение стремления испанцев «воскресить в народе лучшие из старых национальных обычаев» и ожидание того, что описанные в очерке танцы «станут общим достоянием нации и вытеснят с испанской почвы все чужестранные».

Так кто же все это написал? Островский привлек информацию из разных источников и сам пришел к таким выводам или это перевод работы какого-то одного, глубоко изучившего испанскую культуру XVI века исследователя?

И вот благодаря Интернет-ресурсу удивительного Фонда Гуттенберга, созданного для популяризации работ немецких исследователей и оцифровавшего за последние 10 лет наиболее значительные научные публикации, написанные на немецком языке за несколько веков, мне удалось найти первоисточник очерка. Это фундаментальная монография Адольфа Фридриха фон Шака «История литературы и драматического искусства в Испании» в 3 томах, опубликованная в 1845–1846 гг., а также ее прямой перевод на испанский язык, выполненный Эдуардо де Миером, изданный в Мадриде в 1886 г.

Конец XIII главы второго тома этой замечательной монографии и оказался оригиналом найденного мною очерка! С одной стороны, эта находка означает конец моей гипотезы об авторстве Островского (впрочем, изначально вызывающей много вопросов и сомнения), а с другой, перевод отрывка указанного сочинения подтверждает исследовательский талант, упорство и тщательность работы Островского-переводчика. Отыскать и перевести (очевидно, с немецкого) материал, который он затем использовал при переводе и составлении комментариев, и теперь уже неизвестно, планировал ли опубликовать – это дорогого стоит. В переводе Островского есть некоторые неточности, небольшие купюры, переводческие вставки-пояснения, заметна и русификация, присущая и самим переводам Интермедий, например, неоднократно повторяются слова «плясовая / плясовая песня» или обозначение формы испанского романса «песенкой». Но в целом перевод очерка воспроизводит очень живую, эмоционально-окрашенную авторскую манеру повествования, ярко и полно передает содержание и форму оригинала, авторы оригинала и перевода явно разделяют оценки народного творчества XVI века и состояния культуры XIX века.

Не менее яркой оказалась и личность автора монографии – Адольфа Фридриха фон Шака (1815–1884). Этот немецкий граф был

поэтом, писателем, переводчиком, историком литературы и искусства, меценатом и, наконец, почетным гражданином Мюнхена, основателем мюнхенской картинной Галереи Шака. Он учился в университетах Бонна, Гейдельберга и Берлина, был военным, после отставки путешествовал и долгое время прожил в Испании, изучая историю реконкисты, а еще переводил драматические произведения с испанского языка и арабскую поэзию. Ценность его работы «Поэзия и искусство арабов в Испании и Сицилии» (1865 года) признана во всем мире, а вот эта, обнаруженная мною работа, незаслуженно остается в тени. Трехтомная «История литературы и драматического искусства в Испании» скрупулезно точно воссоздает культурно-исторический контекст испанской литературы, искусства и духовной жизни за несколько веков, причем все положения с подлинно немецкой дотошностью подкрепляются ссылками и цитатами. Этот поистине титанический труд неравнодушного исследователя – еще одно свидетельство неопределимого вклада немецких ученых в мировую испанистику.

Я надеюсь, что это монография наряду с блестящими работами Байнхауэра, К. Фослера, Ленца и других немецких испанистов когда-нибудь все-таки станет доступна и русскому читателю. А пока – еще одной загадкой в наших исследованиях, посвященных культуре Испании, стало меньше.

Литература

1. А. Н. Островский. Материалы и исследования. Вып. 2. Шуя, 2008. С. 300–306.
2. Боткин В. П. Письма об Испании. Ленинград, 1976.
3. Оболенская Ю. Л. Интермедии Мигеля де Сервантеса в переводе А. Н. Островского: история создания и сопоставительный анализ // Древняя и новая Романия. №25. СПб., 2020. С. 358–373.
4. Оболенская Ю. Л. Мир испанского языка и культуры. М., 2018. С. 138–164.

Yulia L. Obolenskaya

Lomonosov Moscow State University
obolens7@yandex.ru

Abstract: *The article deals with the analysis of the article «About dance in Spain» and the history of its discovery and the establishment of authorship, as well as the place of the article in the legacy of A. N. Ostrovsky. Special attention is paid to the role of Spanish dances in Interludes by Miguel de Cervantes and their interpretation by Ostrovsky in his translation.*

Key words: *A. Ostrovsky; Interludes by Miguel de Cervantes; translations; Spanish dances*

УДК 82-21

Е. В. Огнева

МГУ имени М. В. Ломоносова

ФРАНЦУЗСКИЙ СОЛДАТ В РОМАНТИЧЕСКОЙ ИСПАНИИ. ОТ Ш. НОДЬЕ К Г. А. БЕККЕРУ

Аннотация: Статья посвящена обращению Шарля Нодье (1780–1844) и Густаво Адольфо Беккера (1836–1870) к общему культурному мифу. Сравнительный анализ новелл Ш. Нодье «Инес де лас Сьеррас» (1837) и Г. А. Беккера «Поцелуй» (1863) позволяет выявить как сходство, так и различие замысла и нарративных стратегий французского и испанского писателей. Так, топос, связанный с пребыванием солдата наполеоновских войск в Испании, у обоих романтиков вписан в контекст легенд о Дон Хуане. Однако переработка Беккером сюжета Нодье позволяет говорить о полемическом прочтении художественного материала, где на первый план выходит патриотическая тема. Тем не менее, несмотря на очевидную перестановку акцентов в трактовке легенды, общая основа концепции романтического воображения у обоих авторов представляется очевидной.

Ключевые слова: испанский романтизм; французский романтизм; Шарль Нодье; Густаво Адольфо Беккер; легенда о Дон Хуане

Литература иберо-романского романтизма, как известно, заявила о себе с некоторым опозданием. Можно сказать, что часы испанского и португальского романтизма отставали от часов английского, немецкого и французского лет на тридцать-сорок. И это обстоятельство позволило многим исследователям европейских межкультурных связей говорить о том, что в ряде случаев испанские романтики используют уже наработанные схемы, мотивы и сюжеты.

Однако когда речь заходит о самобытности иберо-романских культур, становится очевидно, что романтическая литература Испании отнюдь не подхватывала крошки с пиршественного стола Европы... Надо принять во внимание тот факт, что она произрастает с другими литературами из общих корней, ее питает общее для них романтическое мироощущение, что позволяет выработать и общие культуростроительные механизмы. Кроме того, испанские писатели черпали вдохновение из одних с французами и немцами источников, из единой сокровищницы классики. Более того, и это самое главное, испанская

романтическая проза и драма *возвращают себе то, что когда-то подарили человечеству*, сделав вклад в эту самую общую сокровищницу классики – но уже на совершенно новом уровне.

В 1837 году в Испании был опубликован анонимный перевод новеллы Шарля Нодье, французского романтика, слава которого в эти годы была огромной. Новелла была «из испанской жизни» и называлась «Инес де лас Сьеррас» (*Inès de las Sierras*). Впоследствии был сделан еще ряд переводов, да, впрочем, просвещенные испанцы читали ее в оригинале. Читал и перечитывал ее и Густаво Адольфо Беккер.

Решение темы «француз в Испании» здесь было, с одной стороны, традиционным, с другой – новаторским. Это вообще один из излюбленных топосов французской литературы – достаточно вспомнить еще «Записки о путешествии в Испанию» (*Relations du voyage en Espagne*, 1697) маркизы Мари Катрин д'Онуа, мемуары Лоры д'Абрантес, путевые заметки Проспера Мериме и Теофиля Готье. Впрочем, французская традиция, наследником которой является знаток литературы и эрудит Нодье, не исчерпывается заметками о путешествиях. Испанская тема в XVII–XVIII веках предоставляла французской словесности немало художественных возможностей для создания особого колорита волшебных сказок и галантных романов. Так, Нодье читал и «Инессу Кордовскую» (*Inès de Cordou*, 1696) Катрин Бернар, и «испанские» новеллы той же мадам д'Онуа («Дон Габриэль Понсе», «Дон Фернан Толедский», 1697), и «Испанскую новеллу» (*Nouvelle espagnole*, 1745) Франсуазы де Граффины...

Общим знаменателем «испанского текста» становится представление об испанце как *другом*, и эта инаковость его литературного образа моделируется на пересечении двух художественных координат. С одной стороны, всячески муссируются порожденные «черной легендой» об Испании представления о суевериях, религиозном фанатизме, необузданности ее жителей (см., например, [Жоконова, 2018, с. 495]), с другой – такие черты природы испанцев, как страстность, поэтическое восприятие мира, острота любовных переживаний.

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что французские романтики, современники Нодье, да и сам Нодье в том числе, были знакомы с испанскими легендами и преданиями (*tradiciones*) и их обработками, осуществляемыми испанскими современниками и собратьями по перу –

герцогом Ривасом и Хосе Соррильей. Нередко они обращались к одним и тем же источникам¹.

Видимо, ракурс восприятия Испании и испанцев маркизы д'Онуа – суеверных и страстных – оказался Нодье ближе всего. Верящий в страшные преданья проводник, ночевка в замке, предсказание ужасов, над которыми утром можно бы и посмеяться – такова и завязка сюжета в «Инес де ла Сьеррас». Однако французский романтик добавит еще один важный компонент – специфическое преломление легенды о Дон Хуане.

Он делает героев своими младшими современниками. Рассказчик вспоминает, как в 1812 году с двумя наполеоновскими офицерами, мечтателем Сержи и вольтерьянцем Бутрэ ему пришлось переночевать в заброшенном замке недалеко от Матаро. Замок – владение насмешника и соблазнителя, жившего двумя веками ранее. Образ Дон Хуана, который у Нодье носит имя Гисмондо де лас Сьеррас, корректируется, обрывает новыми зловещими чертами. Он не только развратник и богохульник, но и разбойник, преступник, похитивший и соблазвивший собственную племянницу Инес – и убивший ее ударом кинжала, когда несчастная просит его покаяться и не грешить в ночь перед Рождеством! Призрак Инес отныне будет являться и мстить святотатцу, выжигая ему сердце пылающей рукой. Явится он и французскому офицеру два века спустя. Этот готический опыт станет началом роковой романтической страсти. Умирая на поле боя в далеком краю, в бесславном конце наполеоновской кампании, Сержи воскликнет: «Я иду к тебе, Инес!».

История юности, полюбившего призрак Инес, заключена автором в «раму», его спутник расскажет ее много лет спустя, снабдив прозаическим объяснением и послесловием. И окажется, что Инес была живой девушкой, праправнучкой рода де лас Сьеррас. Вопрос о том, насколько Сержи оказывается жертвой ошибки (он верит, что полюбил призрак) и насколько сознательно Инес вводит его в заблуждение, Нодье оставляет открытым, передоверяя его решение нескольким нарративным инстанциям. Важно лишь, что Инес повторила судьбу своей прапрабабки, тоже став в юности жертвой Соблазнителя – поэтому она с гордостью

---

¹ Так, например, легенда Х. Соррильи «Сестра Маргарита» (Margarita la tornera, 1840) была известна Шарлю Нодье и получила в его творчестве оригинальную обработку [Плавский, 1978, с. 235].

демонстрирует Сержи не только фамильный браслет рода де лас Сьеррас, но и шрам от удара кинжалом.

Сержи, опьяненный легендой и сходством внешних деталей, мифологизировал эту встречу, о чем так и не узнал. Такое «объяснение чудесного», как и введение нескольких слушателей и собеседников, призваны вроде бы понизить градус романтического напряжения. Прием «диалогизации» используется Нодье для того, чтобы подвергнуть сомнению опыт рассказчика, обнажить дистанцию в пару десятков лет, отделяющую его от той испанской ночи; но, лишив происшествие в замке флера загадочности, писатель добивается парадоксального эффекта: значит, Дон Хуан, и его жертва – вечны, вневременны, а Инес де лас Сьеррас, девушка из плоти и крови, обречена повторять судьбу призрака из родового замка. И этот порочный круг способен разорвать лишь спаситель – влюбленный французский воин! Так или иначе, но Нодье противопоставляет скучному здравомыслию разумных персонажей то, что для Сержи самообман стал смыслом жизни, а настоящая Инес всю жизнь прождала своего рыцаря.

Шарль Нодье и Густаво Адольфо Беккер принадлежат к разным поколениям, но спектр «романтических» интересов у них общий. Француз и испанец оба с огромным интересом относились к преданьям прошлого, тайнам, которые хранят для нас его артефакты – руины, статуи, манускрипты. Беккер, написавший «Историю храмов Испании» (*Historia de los templos de España*, 1857) нередко черпал вдохновение из того, о чем повествуют эти «каменные книги», «история в камне» – а Нодье был признанным библиофилом, тонким знатоком старинных фолиантов и архивных раритетов¹.

Хорошо известна Г. А. Беккеру была чрезвычайно популярная у испанских писателей, разрабатывавших жанр литературной сказки и легенды, работа Ш. Нодье «О фантастическом в литературе» (*Du fantastique en littérature*, 1830). Отстаивая в ней право романтика на самый безудержный полет фантазии, на погружение в «мир чудесного», Нодье видел родственное начало «веры религиозного человека и воображения поэта». Людям практичным и трезвым, которые руководствуются в жизни правилами рационального мышления («Пусть

---

¹ Мрачный, подчас готический колорит «Легенд», повторяющийся мотив сна, беззащитности человека, наделенного способностью проникать в «мир мечты», позволил некоторым исследователям говорить о созвучии идей Беккера и Нодье. В этом же контексте иногда рассматривается и образ современности, отстающей под натиском могучей стихии «поэзии прошлого» (см. об этом [This-Rogatcheva, 2004]).

реальный мир принадлежит вам непреложно!») писатель противопоставлял «мир духовный..., в который не может проникнуть суэта толпы, идеал для тех, кто мечтает..., и предпочитает скорее иллюзию, чем сомнение» [Нодье, 1980, сс. 411–412].

Особенности романтического двоемирия Нодье были созвучны тому, о чем писал и Г. А. Беккер в своей «Introducción sinfónica» (1868), традиционно предваряющей посмертные издания его поэзии: восприимчивость, гиперчувствительность, накал творческой энергии способны создать особый мир. Человек, наделенный романтическим воображением, изнемогает под его бременем; вымыслы, порожденные его даром, могут быть мрачными (*oscuros*) и странными (*extraños*) [Véscquer, 1970, p. 20]. Именно таким мироощущением и наделяют Нодье и Беккер героев своих новелл.

Так, спустя почти три десятилетия Беккер создает свою знаменитую легенду «Поцелуй» (*El Beso*, 1863), которая позволит некоторым исследователям говорить о влиянии Нодье на испанского романтика, а канадский филолог Джозеф Гулсой безапелляционно назовет новеллу Беккера «обработкой» «Инес де лас Сьеррас»¹. Действительно, сюжетное сходство увидеть нетрудно: наполеоновские солдаты и офицеры располагаются на ночлег в разрушенной монастырской часовне в Толедо. Ночью во время пирушки юный капитан показывает соратникам надгробную скульптурную группу – командора и его супругу донью Эльвиру, шутя «ухаживает» за мраморной дамой и насмехается над мраморным супругом. Но желая поцеловать уста прекрасной статуи, получает смертельный удар «каменной десницы» командора.

Беккер выбирает принципиально иные нарративные стратегии. Он освобождает повествование от рамы, лишних участников. Диалогизация сведена к минимуму, французские солдаты, ставшие свидетелями происходящего, играют скорее роль античного хора, следящего за действиями безумца, «пробудившего» спящую легенду. Беккер не дает никаких прозаических объяснений – даже имени французу не дает, что весьма показательно! Эффект достигается предельной, по сравнению

---

¹ Дж. Гульсой вообще очень высоко оценивает возможность влияния этой новеллы Нодье на испанских романтиков, подчеркивая, что это воздействие могло быть как прямым (в случае с «Поцелуем»), так и опосредованным. Так, по его мнению, фантастическая новелла Нодье стала образцом для Гертрудис Гомес де Авельянеды при создании ее «Русалки из голубого озера» (*La Ondina del lago azul*, 1859), а «Русалка...» в свою очередь спровоцировала создание нескольких художественных вариаций Беккера, в числе которых канадский ученый называет его известную легенду «Зеленые глаза» (*Los ojos verdes*) [Gulsoy, 1967, pp. 105–106].

с текстом новеллы Нодье, концентрацией материала; наваждение, святотатство и наказание у Беккера лишены предьстории и послесловия. Хотя небольшая экспозиция явно, даже демонстративно отсылает нас к «Инес де лас Сьеррас»: солдатам не хватило места в обычных квартирах для постоя, и они отправляются ночевать в развалины. Причем приметы разрушения и тлена (сорванные с петель двери, зияющие провалы окон, кучи мусора) выписаны так, что даже текстуальные переключки с Нодье становятся явными. Только один акцент меняет всю картину: теперь перед нами не разрушенный замок, а оскверненный войной храм! Испанский писатель настраивает своего читателя не на развитие авантюрного сюжета, а на то, что дальнейшее произойдет в сакральном пространстве.

Полуразрушенная церковь становится сценой, где разыгрывается загадочное и узнаваемое действие. Беккер прибегает к одному из своих излюбленных приемов, делающих его «Легенды» столь эффектными и запоминающимися – к подчеркнутой театрализации происходящего. В данном случае это оправдано еще и тем, что прием актуализирует традицию, связанную с драматическим воплощением темы Дон Хуана – испанской и европейской.

Общее в новеллах – время и место, сама фигура «француза в Испании», француза-мечтателя, чьи обостренные чувства, открытость миру фантазии способны «войти в резонанс» с местной легендой. Это – точка соприкосновения концепций романтического воображения Нодье и Беккера, концепций, которые они разрабатывали в разное время и независимо друг от друга. В обоих случаях французский драгун – это человек, наделенный мощным воображением, которое буквально способно *оживить* вымысел, призрак, образ – то есть в полном смысле слова *преобразить* действительность. И в обоих случаях он сам станет жертвой этого преобразования. В Инес для Сержи «воплощались излюбленные мечты его безудержной фантазии» [Нодье, 2007, с. 155] – он стремится удержать ее – «так спящий боится проснуться, чтобы не расставаться с неповторимым очарованием сна» [Нодье, 2007, с. 150]. Беккер буквально повторит ключевые слова и образы – Эльвира явится французу как продолжение сна, с тем чтобы «herir su imaginación», подобно «un espíritu descendido en un rayo de luna» [Bécquer 1970, p. 292], его состояние характеризуется как «éxtasis» и «ardor» [Bécquer, 1970, p. 301]. Он идет к статуе, как загипнотизированный, и его настигает смерть.

Пожалуй, наиболее продуктивным для сопоставления новелл Нодье и Беккера, опирающихся на различные вариации культурного мифа о Насмешнике и Соблазнителе, может стать общая для французского и испанского романтиков тема «искушения искусством». Легенда о Дон Хуане и его жертве будит сокровенные струны в душе Сержи и драгунского капитана из «Поцелуя», наглядно представая перед ними в образе прекрасной женщины с портрета (у Нодье) или статуи (у Беккера).

Словно буквально воплощая в жизнь строки литературного манифеста Нодье, его герой поет гимн личности художника – творца прекрасной иллюзии: «О, никогда более страстный взгляд не проникал в мою душу, никогда с кисти художника не сходила такая живая, такая настоящая жизнь!» [Нодье, 2007, сс. 142–143]. Ему вторит и персонаж Беккера: «Indudablemente, el artista, que es casi un dios, da a su obra un soplo de vida...» [Bécquer, 1970, p. 300]¹. Пораженные женской красотой, оба героя «мысленно дорисовывают» увиденное; капитан из новеллы Беккера даже начинает различать краски, игру жизни во влекущем его мраморном изваянии доньи Эльвиры.

Беккер живописует странный процесс: что-то в душе капитана «резонирует» с образами легенды, статуя словно превращает его в игрушку, объект («un quimérico objeto, juguete de una alucinación» [Bécquer, 1970, p. 292]). Это опять же образы из литературного манифеста – вымыслы, сотворенные душой романтика, обретают жизнь и оказывают влияние на создателя! И вот уже, одержимый ревностью к статуе командора, «каменному сопернику» француз совершает акт нелепого вандализма, «угощая» супруга доньи Эльвиры вином и заливая им мрамор... Так – помрачением влюбленного – звучит у Беккера традиционный мотив рокового «приглашения на ужин», которым подписывает себе разговор этот новый Дон Хуан, Насмешник и Соблазнитель.

Совпадение художественных мотивов говорит, как мне кажется, о намеренном использовании Беккером французского материала. Более того, Беккер выстраивает *полемическую* версию истории, рассказанную Нодье. Если его французский предшественник воссоздал местную легенду, обратился к частному случаю, трагедии одного испанского рода, то автор «Поцелуя» принципиально изменил масштаб, расширив рамки

---

¹ Концепция романтического воображения, его одухотворяющей мощи у Беккера не случайно в «Поцелуе» актуализируется в связи с образом скульптурной группы. «La presencia de las artes plásticas en su obra contribuye a provocar en el sentimiento del poeta una unión mística con el espíritu universal», – пишет Э. Гильен Маркос [Guillén Marcos, 1999, p. 268].

культурного мифа и распространив его власть на события национальной истории. Командор у Беккера мстит не только за честь жены, но и за честь Испании, за разрушенные храмы и поруганные алтари. Испанский писатель демонстративно переставляет акценты, ведь в этой войне они с Нодье по разные стороны баррикад¹. У Нодье его Сержи – цивилизатор среди страстных дикарей, благожелательный европеец, рыцарь, готовый спасти и полюбить навек жертву зловещего Дон Хуана. У Беккера французский вояка – дерзкий оккупант, пусть и романтический мечтатель, наделенный умением видеть поэзию там, где другие видят только прозу. Это волшебное, но губительное, по Беккеру, умение. Оно сливается в душе персонажа с гонором победителя, завоевателя – и превращает безымянного капитана в очередное воплощение вечно возвращающегося Дон Хуана.

Так и сам Густаво Адольфо Беккер вновь *возвращает на родину* испанский культурный миф, прошедший французскую литературную обработку.

Литература

1. Киктева К. Д. Миф о Дон Хуане в литературе испанского романтизма. Автореферат канд. дисс. М., МГУ, 2018. 34 с.
2. Коконова В. Б. Роль смеха в «Записках о путешествии в Испанию» Мари Катрин д'Онуа // XVII век: Смех и слезы в литературе эпохи Просвещения. СПб, Алетейя, 2018. С. 493–499.
3. Нодье Ш. Инес де лас Сьеррас // Зеленые призраки. Французская готическая проза. СПб., Азбука-Классика, 2007. С. 119–198.
4. Нодье Ш. О фантастическом в литературе // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М., МГУ, 1980. С. 407–412.
5. Плавский З. И. Испанская литература XVII–сер. XIX вв. М., Высшая школа, 1978. 246 с.
6. Bécquer G. A. El Beso. En: Bécquer G. A. Rimas y Leyendas. La Habana, Instituto del libro, 1970. P. 235–302.
7. Guillén Marcos E. Teorías artísticas en la prosa de Bécquer // Cuadernos de arte de la Universidad de Granada, n. 30, 1999. P. 267–278.
8. Gulsoy J. La fuente común de «Los ojos verdes» y «El rayo de luna» de Gustavo Adolfo Bécquer // Bulletin of Hispanic studies, XLIV, 1967. P. 96–106.

---

¹ Представляется справедливым суждение К. Д. Киктёвой о том, что «Поцелуй» вводит новые темы в историю Насмешника (Дон Хуана – Е. О.). Речь идет прежде всего о теме испанского патриотизма и отстаивании национальной чести. Беккер создает в своей новелле атмосферу неправильности и греховности происходящего [Киктёва, 2018, сс. 31–32].

9. *This-Rogatcheva T.* Le fantastique et la Décadence dans les Légendes de Gustavo Adolfo Bécquer // Séminaire d'Histoire Littéraire: La naissance du fantastique en Europe – Histoire et Théorie. Université Paris XII Val-de-Marne, Paris, 2004. 16 p.

Elena V. Ogneva

Lomonosov Moscow State University

ognelen@hotmail.com

Abstract: *The article is devoted to the appeal of Charles Nodier (1780–1844) and Gustavo Adolfo Bécquer (1836–1870) to the common cultural myth. A comparative analysis of the novellas by Ch. Nodier «Inès de las Sierras» (1837) and G. A. Bécquer's «The Kiss» (1863) reveals both the similarities and differences of the concept and narrative strategies of the writers. Thus, the topos associated with the stay of a Napoleonic troops's soldier in Spain is woven by both writers in the context of the legends about Don Juan. However, Bécquer's interpretation of Nodier's plot allows us to speak of a polemical reading of the artistic material, where the patriotic theme comes to the fore. Nevertheless, despite the rearrangement of accents in the interpretation of the legend, the common basis of the concept of romantic imagination seems obvious for both authors.*

Key words: *Spanish Romanticism; French Romanticism; Charles Nodier; Gustavo Adolfo Bécquer; The Legend of Don Juan*

УДК 82–31

М. К. Согомоян

Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова**АРХЕТИПЫ В МЕКСИКАНСКОМ ПОПУЛЯРНОМ РОМАНЕ**

***Аннотация:** Фабульная специфика мексиканского популярного романа «Бандиты с Рио Фрио» Мануэля Пайно-и-Флореса предполагает не только многоступенчатую неоднозначную систему персонажей с парными и антагонистическими внутренними векторами (что объясняется славом различных литературных жанров и направлений), но и весьма колоритный ряд архетипов, отражающих национально-культурное своеобразие. Неоднородность жанра и многоаспектность романной фабулы обуславливают развернутость типологии и необходимость спектрального анализа рассматриваемых компонентов, поделенных на три категории: архетипы-персонажи, архетипы-сценарии и архетипы-ритуалы. Указанные категории являются безусловным наследием мексиканских реалий и топосов и подтверждением литературной многогранности популярной прозы.*

***Ключевые слова:** мексиканский популярный роман; национально-культурная специфика; сюжетобразующие элементы; маскулинные архетипы; фемининные архетипы; архетипы-персонажи; архетипы-сценарии; архетипы-ритуалы*

Создавая свой последний популярный и самый известный роман «Бандиты с Рио Фрио», Мануэль Пайно-и-Флорес ставил задачу не только превратить его в своеобразное художественно-документальное отражение конкретной эпохи, но и показать национальную специфику мексиканского общества и в определенной степени поэтизировать свою страну, дискриминированную и высмеиваемую европейцами: «Может ли хоть кто-нибудь, обладающий здравым рассудком, поверить, что Мексика когда-нибудь заслужит право именоваться цивилизованной страной до тех пор, пока чужестранцы, приезжающие сюда и наблюдающие за нами, не увидят ни трудящегося народа, ни безопасных дорог, ни чистых жителей без всех этих уродливых изъянов и пороков, которые так их позорят и унижают? <...> ...мы не из тех, кто желает видеть судьбу своей нации в руках необразованных людей, не обладающих ни умениями, ни способностями <...> ...возможно ли,

что в стране, чьи мостовые и дороги вымощены золотом и серебром, существуют лишения и такая нищета» [Раупо, 1973, р. 24–27].

В рамках ностальгического нарратива Мануэль Пайно строит романтическую вселенную, сталкивая представителей самых разнообразных сословий в полумистическом круговороте событий: период бурных политических переворотов, эпоха генерала Санта Анны, французская интервенция и правление императора Максимилиана даются как исторический фон для череды похищений, столкновений, ограблений, заговоров, интриг и убийств.

Стоит вспомнить ключевые художественные элементы, которые А. Ф. Кофман называет «мифологической инфраструктурой» латиноамериканской литературы [Кофман, с. 8–23] и которые следует взять за константы для латиноамериканского популярного романа, отразившие его неоднородную историю формирования и жанровую многослойность: сюда относятся постоянные образы, характеристики, мотивы, сюжетные ходы и типы героев.

Учитывая, что романист задумывал показать Мексику как череду портретов, обращает на себя внимание их необычный и явный колорит, детальная прорисовка каждого персонажа, их некая графичность, что позволяет рассматривать их как сложившиеся архетипы. Мануэль Пайно буквально начинает романную фабулу представителями всех слоев мексиканского общества, показывая в мельчайших подробностях жизненные аспекты каждого из них: несчастных и богачей, колдуний и судей, военных и политиков, журналистов и адвокатов, священнослужителей, азартных игроков и пройдох-адвокатов, трахирер и докторов; описывает тайны благородных семей и злключения беззащитных, нападения бандитов и подвиги ловких наездников чаррос, город и его живописные окрестности, мусорные кучи на окраинах и ремесленные мастерские, тортильерии и элегантные салоны, религиозные обряды и партии в карты, наслаждение оперой и народные гулянья во время казни, сиротские дома и тюрьмы, пулькерии и рынки, ювелирные мастерские и постоялые дворы, магазины испанцев и фруктовые лавки индейцев, поместья и ранчо, ярмарки и места клеймения скота, опасности и приключения во время путешествий на дилижансах и при спуске по озерам, ведущим в порт Сан Ласаро; соперничество республиканского правительства и губернаторов штатов, политические демонстрации, уличные беспорядки и вторжение командой [Согомонян, с. 276].

Для метанарратива (рассматриваемое в данной статье произведение является сплавом историко-политического, любовно-авантюрного и костюбристского романов) с многочисленными сюжетными линиями, которым являются «Бандиты с Рио Фрио», недостаточно было бы выбрать одну архетипическую классификацию, построенную на определенном принципе. Ввиду хронологического масштаба повествования, последующей динамики образов и национальной художественной специфики целесообразно применить несколько типологических подходов к описанию архетипического своеобразия романа Пайно.

Прежде всего, стоит разделить задействованные романистом архетипы на три группы: архетипы-персонажи, архетипы-сценарии и архетипы-ритуалы. Стоит отметить, что ввиду культурного мексиканского компонента архетипы-персонажи в анализируемом примере латиноамериканской художественной прозы выходят за однозначные рамки традиционных признаков и характерологических фреймов, нередко при этом сочетая в себе своего рода смесь, своеобразный сплав черт разных архетипов, функционируя также в неоднозначных сценариях, построенных на художественном «перехлесте» разных поведенческих моделей и составляющих фабулу, вобравшую в себя переплетенные архетипы-ритуалы.

Архетипы-персонажи в романе группируются по принципу полярности, антагонизма, комического отражения, также можно выделить сюжетообразующие архетипы и наложение нескольких архетипов в одном персонаже.

Таким образом, если рассматривать романские архетипы, основываясь на гендерном признаке, деля их на чисто мужские и женские, то наиболее яркими воплощениями фемининного можно назвать донью Паскуалу (измученную затянувшейся на 13 месяцев беременностью владелицу захудалого имения, с описания которого Пайно начинает свое повествование) – в ней заложен архетип Евы-матери, родоначальницы. Непорочный архетип Марии преломляется в образе Тулес, позже невинно зарезанной мужем столяром.

Воплощением третьего архетипа, точнее комбинирующим в себе два архетипа, является горделивая, независимая и пышногрудая красавица торговка фруктами на центральной площади Сесилия, чью источающую дивные ароматы лавку денно и ночью осаждают толпы мужчин поклонников. Отличающие героиню естественная соблазнительность, неженский ум и смекалка сближают ее с архетипами эротичной Елены и чувствительно-интуитивной Софии. Поэтому

неслучаен и подробный портрет Сесилии, где романист расставляет особые акценты, и антураж, в котором читатель впервые с ней сталкивается: «Она была красива, с приятным цветом кожи, с маленьким, но четко очерченным носом, глубокими черными глазами, имела объемистую бронзово-загорелую грудь, которая, когда нервно подпрыгивала, казалось, норовила выскочить наружу, вздымаясь и колыхаясь под тонкой шелковой блузой, красочно вышитой и живописно слегка забрызганной фруктовым соком. Шея ее была наподобие витрины унизана нитями кораллов, жемчужин и серебряных четок в форме розы, красными ленточками с золотыми медальонами, а в ушах висели большие серьги с превосходными драгоценными камнями. Восседая под навесом как королева фруктов среди гор апельсинов, лаймов, лимонов, бананов, мамеев и других сказочно сладких плодов Тьерры Кальенте, она никогда не отдыхала из-за огромного количества покупателей. У нее никогда не хватало рук, чтобы раздавать фрукты и брать монеты даже несмотря на помощь двух милых индейских девушек» [Рауно, 2007, р. 150–151]. «Сесилия, обладательница значительного богатства, красивая, не старше тридцати пяти лет, имела огромное количество воздыхателей... Сесилия подозревала, что большинство из них интересовались только ее телом или деньгами, поэтому все свои связи с ними ограничила чисто торговыми отношениями. Она также прекрасно понимала, как нужно разобраться с предложениями выйти замуж... она давала невезучим пощечину, а потом выгалкивала из своей лавки. <...> Помимо ножей для разрезания, необходимых для ее торговли, она имела привычку вооружаться заостренным с обоих концов большим кинжалом с серебряной рукояткой, инкрустированной золотом в бархатных ножнах, который она держала за поясом всегда наготове... <...> Несмотря на свой энергичный, мужской характер, Сесилия была сострадательна и щедра...» [Рауно, 2007, р. 158].

В качестве еще одного яркого женского архетипа – девы в беде – фигурирует графиня Мариана де Саус, живущая в вечном страхе перед своим деспотичным и жестоким отцом, доведшим до смерти собственную жену и одержимым фамильной честью; она претерпевает одно испытание судьбы за другим: боится раскрыть тайну своей неравной любви к Хуану Робреньо, сыну управляющего имением; вынуждена скрывать своего новорожденного сына от гнева его собственного деда, помешанного на старинной благородной родословной; мучается, узнав о решении отца выдать ее замуж за разорившегося маркиза

де Валье Алегре, мечтающего за счет знатной невесты выкупить заложенные имения.

В качестве воплощений маскулинных архетипов можно выделить капитана Хуана Робреньо, влюбившегося в единственную дочь испанского графа – архетип воина, – чье благородство не позволило случившемуся обезобразить его, даже когда не осталось выбора перед шантажом.

Архетип расчетливого купца в «Бандитах» претерпевает определенную социальную трансформацию – у Пайно амбициозными хитрыми персонажами являются два тезки-адвоката, Крисанто Бедолья и Крисанто Лампарилья, мечтающие приумножить свое состояние любыми средствами и интригами.

Архетипы крестьян представлены спектрально (как собирательный образ и как конкретные персонажи) через национальное преломление (это либо индейцы, либо креолы), т. к. Пайно стремился развернуто описать и показать в деталях жизнь простого мексиканского народа, страдающего от правительственных притеснений и абсурдных решений, но при этом пока еще не утратившего врожденной способности наслаждаться простыми радостями жизни.

Наиболее яркими персонажами, воплощающими архетип крестьянина/простого человека, являются хозяева ранчо Санта Мария де ла Ладрильера. Архетипичность дона Эспиридьона и доньи Паскуалы подчеркивается самим Мануэлем Пайно – автор не раз обращает внимание на типичность портретов и поведения супругов, типичность домашней обстановки и типичность их размеренного жизненного уклада: «Донья Паскуала не была ни уродлива, ни красива. У нее была темная кожа, черные волосы и такие же маленькие руки и ноги, как у большинства креолов, кроме того она получила некое подобие образования от священника. Нрав у нее был веселый и практичный. Толстый дон Эспиридьон был среднего роста, с прямыми и густыми черными волосами. И хотя ни на подбородке, ни на щеках борода у него не росла, его верхнюю толстую, сизую губу оттеняли, как казалось, неподвижные усы. Словом, он был индейцем, очень похожим на своих современников. <...> Ранчо ничем примечательным внимания ни привлекало. Ранчо, как и местные индейцы, были похожи друг на друга. Узкая тропинка, становящаяся совершенно непролазной в сезон дождей, вела к низенькому домику с белеными глинобитными стенами, состоявшему из гостиной, столовой, двух спален и маленькой конторы. Кухня находилась рядом с *корралем* и была сложена из тонких стволов и крыта сухой травой. В деревьях такие кухни называются

«дымовыми»: внутри *всегда* найдется два точильных камня, большой керамический горшок для кукурузного теста *нистамаль*, два-три сита для процеживания *атоле* и еще парочка утвари. <...> Напротив фасада дома с тремя зарешеченными окнами <...> располагался круг из уже крошащегося кирпича, которым мололи ячмень и кукурузные початки. Четыре скрюченных полусухих ивы обрамляли переднюю часть дома, в одном из углов опасно наклонился высокий старый тополь... Завершали пейзаж полуразвалившаяся повозка... рывшиеся в поисках насекомых куры, молодой осел... и три желтые собаки... <...> *Основу рациона, конечно, составляла кукуруза* во всех возможных видах блюд: *атоле, тортильи, чалупас, тамале* и т.д. Вдобавок к ним шли чили, томаты, молоко, мясо, хлеб и печенье. Донья Паскуала *каждую неделю* ходила за покупками по воскресеньям, и провизии хватало до понедельника, а иногда даже до вторника или среды. Хозяйка дома позволяла себе роскошное угощение из хорошего *горячего шоколада и сочных гордитас со шпиком* – привычку, усвоенную еще когда она жила у священника, и которую дон Эспиридьон с удовольствием перенял. *Жизнь их, по большей части, была спокойной и размеренной. Вставали они с первыми лучами солнца. Муж седлал лошадь и уезжал по делам: на пастбища, поля или в город, достаточно часто в сам Мехико. Возвращался он к ужину, а затем усаживался у двери на маленькую каменную скамейку и курил ароматные сигары из городской табачной лавки. <...> Донья Паскуала занималась уборкой дома, поддерживала огонь в кухонном очаге, кормила цыплят, чистила клетки, поливала растения в горшках, стирала и давала уроки наследнику Моктесумы»* [Раупо, 2007, р. 9–11].

Наиболее яркая сцена, изображающая крестьян и индейцев – день народного гулянья и общей трапезы, устроенных по случаю крупного религиозного праздника в честь Девы Гваделупской, – написанная в манере идиллического патриархального пейзажа среди живописных холмов, на которых расселся простой люд: «Снаружи храма кипела грандиозная активность: холм и прилегающие территории буквально были покрыты индейцами и жителями Мехико, закусывающими приготовленной на обед козлиной ногой с тортильями, острым соусом и хорошим пульке. Большинство собравшихся на свежем воздухе семей расселились радостными группами и поедали с большим аппетитом, отрывая зубами сочные куски жареной козлятины; их дети прыгали вокруг, зажав в кулачках такос с авокадо» [Раупо, 2007, р. 36–39].

Праздник, народное гулянье – один из ключевых архетипов-ритуалов в латиноамериканской литературе в целом. В «Бандитах с Рио Фрио» мексиканский романист показывает его в многогранном калейдоскопном преломлении: в качестве контраста торжественному религиозному празднику и своеобразной индейско-креольской пасторали Пайно изображает разудалую пирушку и пьяные драки в день Святого понедельника: шумные танцы, потасовки и поножовщина, смесь запахов пота, соломенных матрасов, горячих кукурузных лепешек и чорисо, пряной остроты перца и чили, табачного дыма, налитого из больших кувшинов пульке (названия сортов: «Храбрец», «Крикун», «Танцор», «Песня Андалусии»), перезвон гитары, свист, крики и неясное пение под мандолину создает атмосферу традиционного карнавала с характерной для него концентрированной спецификой латиноамериканской праздничной традиции, строящейся на взаимопереплетении иберийских, средиземноморских, креольских источников, а также на характерной широкой развернутости и открытости латиноамериканского «культурного бессознательного». Все это перерождается в возникающую неистовую динамику взаимодействия полюсов в достаточно ярко и остро обозначенных, утрированных формах, что приводит к следующему выводу: «это цивилизационная интеграция, самоидентификация, самоопределение, утверждение своих норм и ценностей, одним словом «ре-креация» своего миропорядка, в его целостности» [Земсков, с. 15].

Следующий архетип – монарх (правитель) – в произведении Пайно является неоднородным и дисперсно разделенным элементом. Власть в Мексике в результате переворота оказывается в руках диктатора генерала Санта Анны и его приспешника Релумбронна, местные губернаторы тратят деньги из республиканской казны по собственному разумению, Президент бездействует, выполняя всего лишь номинальную функцию, а подлинный властитель, законный наследник ацтекского трона Моктесума III влачит жалкое существование на грязном заднем дворе бедного имения среди захудалого скота.

Само название романа позволяет ввести еще один архетип, характерный для европейской литературы и также трансформированный в рамках мексиканских реалий, – это разбойник, бандит. Однако данный образ в романе многоаспектен и неоднозначен ввиду спрятанного в самой фабуле риторического вопроса – кто же является истинным преступником и бандитом: шайка Эваристо с большой дороги, банда Лос Дорадос во главе с Хуаном Робреньо-старшим (стоит отметить,

что два данных антагониста подчеркивают полярность воплощаемого архетипа) или властьпридержащие, притесняющие собственный народ ради своих интересов.

Параллельно с архетипом бандита, а иногда и переплетаясь с ним в единое сложное целое, на страницах романа возникает архетип злодея [Согомонян; Короткова], концентрированные черты которого впитывает в себя полуготический образ графа Диего де Сауса и безжалостный Эваристо Лекуона, зверски убивший свою жену.

Многие из известных архетипов Юнга в романе видоизменены и трактуются неоднозначно, имеют порой несколько воплощений либо одно, но нехарактерное и достаточно неожиданное. Кроме того, учитывая определенную долю мистичности и сказочности, также свойственные произведению Пайно, стоит подчеркнуть, что некоторые из фигурирующих в романном хронотопе архетипов, безусловно, сказочные либо наделены какими-то волшебными чертами. А учитывая национальную специфику мексиканского романа, вобравшую определенные черты креольской литературной традиции, эти архетипы переплетаются и с коренными американскими.

Так, например, архетип мага (волшебника) раздваивается в женских образах ацтекских колдуний-травниц – тетушки и племянницы, Марии Матьяны и Марии Хипилы, играющих одну из сюжетообразующих ролей, нагадавших беременной донье Паскуале необходимость жертвоприношения ребенка местной богине Тонатсин для собственных благополучных родов. В результате чего незаконнорожденный внук графа Диего де Сауса, Хуан-младший, чудом избежав смерти, оказывается в самом низу социальной лестницы, не зная тайны своего рождения. Мальчик является воплощением трех архетипов – ребенка, простодушного и искателя. Свой долгий путь, полный опасностей и приключений, проделанный в поисках истории рождения, он пройдет не один, а вместе с двумя друзьями детства – лишенным престола императором Моктесумой III и долгожданным сыном доньи Паскуалы и дона Эспиридьона – Гвадалупе Эспиридьоном (здесь проявляется архетип друга-наперника).

Архетип мудреца в романе Пайно неоднозначен – ему соответствует третий адвокат – Педро Мартин де Оланьета, дипломатично балансирующий между произволом власти и необходимостью восстановить справедливость. Вторая роль адвоката Оланьеты – опекать и наставлять юного наследника Моктесуму и внука-креола графа Диего Балтасара де Сауса.

Архетип возлюбленных помещен в один из ключевых сюжетов романа – в образах графини Марианы де Саус (дочери графа Диего) и Хуана Робреньо-старшего, сына управляющего графским имением, воплощающих неравную любовь, полную испытаний и препятствий.

Дополнить пестрый букет архетипов в романном пространстве «Бандитов с Рио Фрио», которые по количеству практически догоняют персонажей, следует еще следующими: сварливая женщина (старьевщица Настасита, выкравшая во время празднества в честь Марии Гваделупской Хуана-младшего для принесения его в жертву) и мать-земля – архетип, получивший отражение в образе прекрасной Сесилии, гордо восседающей среди гор фруктов в пестрой национальной шали ребосо и являющейся воплощением естественной красоты и олицетворением самой Мексики, ее культуры и традиций.

Архетипы пластично вплетены в систему образов и план повествования и не статичны ввиду динамики и диалектики персонажей.

Литература

1. Земсков В. Б. Введение // *Ibérica Americans: Праздник в ибероамериканской культуре*. Москва: ИМЛИ РАН, 2002. 400 с.
2. Кофман А. Ф. Латиноамериканский художественный образ мира. М.: Наследие, 1997. 320 с.
3. Согомонян М. К. «Бандиты с Рио Фрио»: национальный портрет Мексики // *Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования»*. 2015. №3 (44). С. 274–280.
4. Согомонян М. К., Короткова Л. А. Архетип злодея как культурный феномен латиноамериканского романа // *Актуальные проблемы общей теории языка, перевода, межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков: сборник статей*. Саранск: Издатель Афанасьев В. С., 2019. С. 30–36.
5. Payno M. *El Fistol del Diablo: Novela de costumbres mexicanas*. México: Editorial Porrúa, 1973. 894 p.
6. Payno M. *The bandits from Río Frío: A naturalistic and humorous novel of customs, crimes and horrors. Part 1*. Tucson: Wheatmark, 2007. 458 p.

Mariam K. Sogomonyan

Plekhanov Russian University of Economics
faber.castell2010@yandex.ru

Abstract: *Manuel Payno y Flores' Mexican popular novel «The Bandits from Río Frío» plot specificity implies not only mixed multifaceted character system involving double and antagonistic inner vectors (stemmed from conflating various literary genres*

---

and tendencies), but, equally, enriching set of archetypes to represent the national and cultural identity. Genre heterogeneity and novel multidimensional nature explain the extensive typology and the necessity to perform a spectral analysis of the considered elements categorized as character archetypes, scenario archetypes and ritual archetypes. The mentioned categories are the absolute heritage of Mexican realia and topoi and do prove the diversity of popular fiction.

Key words: *Mexican popular novel; national and cultural peculiarities; prominent elements; masculine archetypes; feminine archetypes; character archetypes; scenario archetypes; ritual archetypes*

УДК 75.03/75.045

Г. В. Томирдиаро
ФГБУК «Государственный Эрмитаж»**ЗАБЫТЫЙ ХУДОЖНИК НАТЮРМОРТА ЛУИС МЕЛЕНДЕС**

***Аннотация:** Имя Луиса Мелендеса редко встречается в отечественной искусствоведческой литературе. Долгое время оно не упоминалось в изданиях XX века, даже в специальных трудах, посвященных испанскому искусству, и в работах, посвященных собственно исследованию натюрморта. Между тем это крупный представитель испанской живописи XVIII столетия. Нашему отечественному зрителю и любителю искусства впервые в пределах нашей страны посчастливилось встретиться с двумя натюрмортами Луиса Мелендеса только в начале XXI-го века, на выставке «Прадо в Эрмитаже», которая проходила с 25 февраля по 29 мая 2011 г. Биографические данные о Л. Мелендесе и его жизни не отличаются изобилием, они разрозненны и отрывочны. Но работы художника сохранились в значительном количестве. В статье представлены основные факты биографии Л. Мелендеса и дан анализ художественный и образных особенностей его творчества в сравнении с произведениями жанра натюрморта других национальных школ.*

***Ключевые слова:** испанский натюрморт; Луис Мелендес; живопись Испании; изобразительное искусство Испании; искусство Испании XVIII в.*

Имя испанского художника XVIII в. Луиса Мелендеса (1716–1780) пока еще мало известно в нашей стране. Но и в самой Испании его творчество было открыто сравнительно недавно. В течение длительного времени, почти двух веков, начиная с ухода Луиса Мелендеса из жизни, продолжалось молчание о нем в литературе об искусстве. Если обратиться к книгам по испанской живописи XIX–XX вв., можно убедиться в том, что по отношению к Испании XVIII столетия в них говорилось только о Гойе. Читая лекции по испанскому искусству в лектории Государственного Эрмитажа, я проводила опросы среди моих слушателей. Спрашивала, кто слышал о таком художнике – Луисе Мелендесе. Как правило, результат был однозначным. Никто о нем не слышал. И это не удивительно. Работы Мелендеса отсутствуют как в Эрмитаже, так и вообще в музеях нашей страны. Между тем, это первоклассный мастер, заслуживающий к себе и к своему творчеству самого пристального внимания.

Основной заказ, выполненный Луисом Мелендесом и известный более остальных, – цикл работ для инфанта Астурийского, принца Карлоса, будущего короля Карла IV. Этот цикл состоял из 40 вещей и имел учебное значение. Король Карл III, заказчик цикла, хотел сделать своего сына более образованным, поэтому были заказаны картины, которые тогда в документах фигурировали под разными названиями – «Четыре элемента» или «Четыре сезона». Более распространенным является название «Дары природы Испании». Это работы, созданные в 1760–1770-е гг. Эти вещи в течение долгого времени были мало кому известны. Поскольку они были написаны для учебных целей, они долго оставались в помещениях королевских дворцов, потом перешли в Прадо, но хранились в запасниках. Этот цикл, такой важный для всей истории искусства Испании, оставался невостребованным, потому что последующие события в Европе – французская революция, казнь французского короля, французское нашествие в Испанию, ограбление испанских художественных сокровищ и вывоз их из Испании, бесконечные испанские революции, – были таковы, что, как это понятно, политическая и историческая обстановка не способствовали актуальности этих произведений. Они оставались в запасниках. А вообще большая часть художественного наследия Луиса Мелендеса хранится в музее Прадо, и возрождение интереса к Мелендесу тоже началось именно с появления его работ на экспозиции живописи в залах Прадо и на выставках из музея Прадо [Прадо]. В 2016 г., во время очередной туристической поездки по Испании я совершенно неожиданно для себя обнаружила в Прадо целый зал, посвященный Луису Мелендесу.

Л. Мелендес был открыт, по существу, на рубеже XX–XXI вв. Но и поныне в отечественной литературе по искусству, за редким исключением [Каптерева], имя Мелендеса практически не встречается [Виппер], а в зарубежной литературе чаще встречаются сообщения лишь о единичных работах художника и некоторых выставках, где его работы были представлены. Особенно это касается его произведений, созданных им до главного цикла для Астурийского принца, за исключением только Автопортрета художника, который находится в Лувре. Правда, в последние десятилетия в Испании появились специальные монографии, посвященные творчеству Л. Мелендеса [Garrido; Luna, 1982, 1995, 2008; Tufts, 1982, 1985].

О жизни художника информация пока что скудная и отрывочная. Известны только отдельные факты его биографии и работы,

созданные для инфанта Карлоса. Отец и дедушка Луиса Мелендеса были художниками. Они происходили из Астурии. Покинув Овьедо, они переехали в Мадрид, желая обрести более интенсивную жизнь в искусстве. Отец Мелендеса Франсиско Рибера. Фактически свои первые уроки в искусстве Луис Мелендес получил в мастерской отца.

Стиль его произведений необычен, и эта необычность проявляется в том, что он берет иногда очень простые или даже грубые предметы, но в результате получается очень изысканная и изящная композиция. Часто сразу не замечаешь эту игру контрастными по размеру формами. Огромная дыня первого плана задвинула остальные предметы на задний план. Они как бы частично поглощены полумраком, и дыня буквально царит в пространстве натюрморта.

Очень часто он использует динамичные композиции. Громоздятся одна на другую коробки круглые и прямоугольные, вставая вертикально перед моментом падения со стола. В другой композиции горделиво возвышается над окружающими зелеными сливами изящный белый сосуд с прихотливо изогнутыми ручками. Кажется, что он поворачивается из стороны в сторону, демонстрируя свои изящные формы и пропорции, блестящую поверхность своей поливы, словно молодая модница перед своими восхищенными подругами.

В работах Мелендеса предметы очень часто передаются в движении. Например, тарелки, помещенные в миску боком наискосок, кажется, сейчас потеряют равновесие, устойчивое положение и повалятся в свободное пространство. Фрукты и овощи готовы упасть со стола. Коробка, в которой изображены устрицы, в неустойчивой позиции вот-вот съедет со стола. Она находится на самом его краю. Груши и маленькие вишни наполовину повисли над угадываемым пространством. Виноградинки разлетаются в разные стороны как фейерверк. Надрезанные арбузы откатываются в разные стороны. Кажется, что огромные круглые овальные плотные гроздья винограда должны скатиться с поверхности стола. Маленькие вишенки раскатились по ней. В другой композиции деревянные коробки со сладостями громоздятся друг на друга, готовые рухнуть, потерять равновесие и упасть. Грубо разрезанные куски арбуза покачиваются в разные стороны. Персики в картине Бильбао соскальзывают со стола. В картине из Вальядолида глиняные мисочки, якобы небрежно поставленные на кувшин, могут потерять равновесие. Веточка с абрикосом парит над столом и уходит за пределы изображения. И как крылья разлетаются вверх и в разные стороны веточки с узкими зелеными листиками.

Любопытно, что Мелендес часто использует в своих композициях именно ветки, но почти никогда у него не бывает цветов.

Поразительно мастерство Мелендеса в использовании света, его замечательная способность передавать объемы отдельных предметов, которая позволила ему превращать простые кухонные предметы в мощные образы.

Стиль его работ особенный. Его манеру нельзя принять за принадлежащую каким-то другим художникам. При кажущейся простоте мотивов Мелендес никогда не повторяет одни и те же формы. Рассматривая репродукции его работ, убеждаемся, что он ни разу не повторяет один и тот же предмет. Если он включает в композицию бочку, она будет разной высоты, формы, разных пропорций, разного рисунка древесины, даже количество стяжек и перехватов будет разным, она будет отличаться от себе подобной по цвету основного объема предмета... Фрукты даже одного вида, не одинаковые. Дыня шероховатая, и гораздо более гладкая в другой композиции, они разные и по цвету поверхности. В другом месте дыня занимает более скромное место в картине. Слабо освещенная, помещенная в глубине, позади ярко-оранжевых апельсинов, она довольно значительных размеров, но при этом она даже может быть и не сразу замечена. Кажущаяся простота при подробном рассмотрении оказывается очень продуманной.

Мелендес часто прибегает к приему тесного расположения трех-четырех предметов. Сами они разнообразны по контрасту формы, цвета, компоновки, освещения. Вспомним почти незаметную с первого взгляда темную бутылку на заднем плане в картине из Вашингтона и ярко освещенный свет на первом плане в той же картине. Крупные вещи не всегда расположены на первом плане, как дыня в картине из Вальядолида или огромная корзина из Лондонского собрания. Она может быть и на втором плане.

Необычный вкус и мастерство художника сказалось в выборе вещей, в показе материала. Легкие веточки располагаются пирамидкой на тарелочке вокруг груши в центре картины и особо поражают красотой сочетания желтого и зеленого цвета.

У Луиса Мелендеса изображаются вещи, бывшие неоднократно в употреблении: помятые бока металлических котелков, старые глиняные кувшины преобразуются в прекрасные цветочные гармонии. Многочисленные предметы, простота, подчеркнутая демократичность, разнообразие форм, размеров, пропорций, цвета и материала, – можно

было бы фигурально выразить поведение предметов в картине, как удивительную естественность. Предметы не застыли, они живут.

Особенно хочется отметить, что натюрморты Луиса Мелендеса удивительно не похожи на натюрморты художников других стран. Вспомним картину Караваджо «Корзина с цветами». У итальянца Караваджо в натюрморте царит ликование, восхищение красотой и ликующим светом. На необычайно светлом фоне в центре – корзина, нарядная по абрису, изящная, яркие краски создают праздничное настроение. У фламандца Снайдерса в «Рыбной лавке» потрясает изобилие даров природы и удивление ее щедростью. У голландца Питера Класа в натюрморте ощущаются покой и тишина уютного голландского дома. У Хеды – тишина и торжественность; поражает величавая праздничность роскошного Кальфа. Наконец, Франция. Художник, с которым сравнивают Луиса Мелендеса – Шарден. Луиса Мелендеса называли испанским Шарденом. У Мелендеса свое неповторимое лицо. Ни мистики, ни символики мы здесь не обнаружим. Но какое внимание к самым простым вещам, этим кувшинам, корзинам, металлическим кастрюлям и глиняным мискам. Эти картины заставляют зрителя остановиться и затаить дыхание. У Луиса Мелендеса поражает в натюрмортах удивительная естественность того, что хочет показать художник: плоды, фрукты, посуда. Нет ничего, что было бы рассчитано на любование красотой. Грубоватые толстостенные тарелки, простая глиняная утварь, кастрюли и сковородки с помятыми боками, но при этом художник добивается пристального внимания зрителя благодаря своим удивительным приемам живописи – выбору предметов, их соседству в картине.

Каждая картина заставляет понять, что все это написано с необыкновенной любовью и что натюрморты художника наполнены удивительной радостью, наслаждением жизнью.

Постепенно накапливаются открываемые подробности жизни Луиса Мелендеса. Стало известно, что в поздние годы своей жизни он жил со своей женой Марией Редондо в Мадриде на улице Релох. На этой же улице проживали его брат художник, его сестра. Соблазнительно вспомнить, что в 1750–1770-е гг. там жил и Франсиско Гойя у своего зятя Байеу, и предположить, что художники могли быть знакомы. Конечно, велика была разница в возрасте. Гойя в это время только начинает свою творческую карьеру. Это время его первых портретов, первых картонов для королевских дворцов. А Мелендес в эти годы является уже признанным мастером. Никаких точных

данных, которые могли бы подтвердить факт знакомства художников, к сожалению, не существует, во всяком случае, на настоящий момент.

Сейчас наблюдается не просто переосмысление значения натюрморта в Испании. Мы можем вспомнить, что в целом ряде стран, несмотря на то, что отношение к натюрморту было как к второстепенному жанру, но тем не менее, натюрморт играл важную роль в развитии искусства. Что касается Испании, то всегда считалось, что испанский натюрморт мало развит. Вместе с тем, помимо художников XVI–XVII вв. (Санчеса Котана, Сурбарана) сейчас, с открытием Луиса Мелендеса, можно говорить о переосмыслении значимости натюрморта Испании. Появляется новая важная задача для искусствоведов – определение подлинного места и значения натюрморта в Испании.

Литература

1. *Bunnep B. P.* Проблемы и развитие натюрморта. СПб.: Азбука-классика, 2005. 384 с.
2. *Кантерева Т. П.* Испания. История искусства. М.: Белый город, 2003. 496 с.
3. Прадо в Эрмитаже. Каталог выставки. Мадрид-Санкт-Петербург, издательство Государственного Эрмитажа, 2011. 472 с.
4. *Garrido, Ch.* Luis Meléndez. La serie de bodegones para el Príncipe de Asturias: estudio técnico. Madrid: Museo Nacional del Prado, 2004. 393 p.
5. *Luna J. J.* El bodegon español en el Prado. De Van Hamen a Goya. Madrid: ed. del Museo Nacional del Prado, 2008. 175 p.
6. *Luna J. J.* Los alimentos de España en la pintura: Bodegones de Luis Melendez. Madrid: ed. Del Museo Nacional del Prado, 1995.
7. *Luna J. J.* Luis Melendez, bodegonista español del siglo XVIII. Exhibition catalogue. Madrid: ed. del Museo Nacional del Prado, 1982.
8. *Tufts E.* Luis Melendez: eighteenth-century master of the Spanish Still life: with catalogue Raisonné. Columbia: University of Missouri Press, 1985.
9. *Tufts E.* Luis Melendez. Still life painter sans pareil // Gazette de Beaux-Arts, 1982. P. 144–148.

Galina V. Tomirdiaro

Federal State Budgetary Institution of Culture «State Hermitage»

tomirgal@mail.ru

Abstract: *The name of Luis Melendez is rarely found in Russian art history literature. For a long time it was not mentioned in publications of the 20th century, even in special works devoted to Spanish art, and in works devoted to the study of still life itself. Meanwhile, this is a major representative of Spanish painting of the 18th century. For the first time in our country, our domestic spectator and art lover was lucky enough*

to meet two still life by Luis Melendez only at the beginning of the 21st century, at the Prado in the Hermitage exhibition, which took place from February 25 to May 29, 2011. Biographical information about L. Melendez and his life are not abundant, it is scattered and fragmentary. But the artist's works have survived in significant numbers. The article presents the main facts of the biography of L. Melendez and provides an analysis of the artistic and imaginative features of his work in comparison with works of the still life genre of other national schools.

Key words: *Spanish painting; Spanish still life; Luis Melendez; fine art of Spain; art of Spain of the 17th century*

УДК 821.134.2

А. А. Шамарина

МГУ имени М. В. Ломоносова

**СТРУКТУРА ЛИРИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА В ПОЭЗИИ
АНТониО МАЧАДО (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГ «ОДИНОЧЕСТВА»
И «ОДИНОЧЕСТВА, ГАЛЕРЕИ И ДРУГИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ»)**

***Аннотация:** Статья посвящена особенностям построения лирического сюжета в поэзии Антонио Мачадо – на примере стихотворений из книг «Одиночества» (Soledades, 1903) и «Одиночества, галереи и другие стихотворения» (Soledades, galerías y otros poemas, 1907). Вслед за В. Я. Малкиной лирический сюжет в стихотворениях Мачадо рассматривается с точки зрения таких критериев, как субъектная структура, лирическая ситуация, пространственно-временная организация, мотивная структура и лирическое событие.*

***Ключевые слова:** испанская литература XX века; испанская поэзия; Антонио Мачадо; лирический сюжет; лирический субъект; диалог; рефлексия*

Антонио Мачадо (1875–1939) – виднейший представитель «поколения 98 года», один из самых значимых поэтов Испании XX века. Это – поэт поистине непростой судьбы, поэт-философ, поэт-странник, пребывающий в непрерывном поиске новых поэтических ориентиров, тем и образов, поэт ищущий и рефлексирующий.

В этой статье будут рассмотрены основные принципы построения лирического сюжета в двух ранних книгах стихов поэта – «Одиночествах» (“Soledades”, 1903) и «Одиночествах, галереях и других стихотворениях» (“Soledades, galerías y otros poemas”, 1907). Книга «Одиночества» состоит из четырех частей («Отчаяние и монотонность» (“Desolaciones y monotonías”), «В дороге» (“Del camino”), «Апрельские псалмы» (“Salmodias de abril”) и «Настроения» (“Humosrismos”)), объединяющих в общей сложности сорок два стихотворения. Во время подготовки следующего издания Мачадо убирает тринадцать стихотворений, остальные в той или иной степени перерабатывает и добавляет новые, в результате чего оно существенно увеличивается

в объеме¹. Книга «Одиночества, галереи и другие стихотворения» состоит из шести частей («Одиночества» (“Soledades”), «В дороге» (“Del camino”), «Песни» (“Coplas y Canciones”), «Настроения, фантазии, зарисовки» (“Humorismos, fantasías, apuntes”), «Галереи» (“Galerías”) и «Разное» (“Varia”).

Центральной категорией для определения лирического сюжета является категория субъекта. Структура лирического субъекта в поэзии Антонио Мачадо была кратко охарактеризована нами в статье «Диалогизм поэзии Антонио Мачадо» [Шамарина]. Тема сюжета в лирике довольно неоднозначна сама по себе и привлекает к себе внимание целого ряда исследователей. [Малкина, 2008, с. 115]. Представляется правомерным определять лирический сюжет через лирическое событие: «Лирическое высказывание, по-видимому, всегда раскрывает определенное событие, совершающееся в сознании говорящего при участии (сопереживании) читателя, а иногда и других персонажей; в этом событии благодаря смене точки зрения говорящего преодолевается граница между изображаемым временем и пространством (этот аспект заметнее у Некрасова) и пространством-временем самого высказывания. Поскольку событие в лирике – всегда результат некоего процесса, возникает и вопрос о лирическом сюжете. Но коль скоро событие одно, то допустимо следующее предположение: поэтический сюжет – не ряд событий, а процесс “рождения”, возникновения единственного события» [Тамарченко, с. 353].

С. Н. Бройтман также связывает между собой понятия лирического субъекта, ситуации, сюжета и события: «В лирическом произведении соотнесены две ситуации: начальная (фиксированная) и конечная (меняющаяся), а лирическое событие – итог их подвижного отношения, состоящий в переходе субъекта речи от простой рефлексии к акту самосознания. Этот переход есть не что иное, как качественное изменение статуса лирического субъекта: бывший в начальной ситуации героем, укорененным внутри события и не имеющим на него точки зрения извне, лирический субъект в конечной ситуации самосознания реализует свою авторскую ипостась, позволяющую ему не только изнутри видеть событие, но и завершить его извне с внешнежизненно активной (М. М. Бахтин) позиции» [Бройтман, с. 111].

---

¹ Подробнее о формальных различиях двух книг см. статью: *Romero D. Variantes y modulaciones de las “Soledades” de Antonio Machado // Anales de Literatura Española. Alicante, 1994. Núm. 10. P. 193–205.*

На основе этих и других точек зрения В. Я. Малкина, заведующая кафедрой теоретической и прикладной поэтики РГГУ, говорит о том, что лирический сюжет «можно определить как систему событийно-ситуативных элементов лирического произведения, данную с позиции лирического субъекта в процессе развертывания его рефлексии» [Малкина, 2010, с. 11]. В статье «Лирический сюжет у В. Маяковского и А. Галича: “Кемп “Нит гедайге” и “Засыпая и просыпаясь”» В. Я. Малкина выделяет следующие критерии, необходимые для анализа лирического сюжета стихотворения: субъектная структура («Для лирики как рода литературы специфические субъектные отношения – отсутствие четких границ между субъектами – являются определяющими; в зависимости же от типа субъекта (повествователь – лирическое “я” – лирический герой – герой ролевой лирики) меняются границы семантического поля»), лирическая ситуация (понимаемая как «временное статическое положение, только не действующих лиц (как в эпосе и драме), а лирического субъекта»), пространственно-временная организация, мотивная структура и лирическое событие [Малкина, 2007].

В восприятии читателей «Одиночества» 1907 года постепенно вытесняют «Одиночества» 1903, в 1936 году войдя в первое полное собрание стихотворений Мачадо “*Poesías completas*”. По мнению автора, оба издания представляют собой единую книгу, но при том совершенно очевидно, что они отличаются друг от друга, и их отличия носят отнюдь не формальный характер. «Одиночества» 1907 года гораздо сложнее «Одиночеств» 1903 года, в том числе, по структуре своего лирического сюжета, что ярко иллюстрируют эволюцию творческой манеры Мачадо.

Лирический субъект обоих «Одиночеств» существует в пространстве диалога – в бахтинском понимании этого термина. Бахтин, говоря об особенностях лирики как рода литературы, подчеркивает ее внутреннюю диалогичность, утверждая, что «лирическая форма привносится извне и выражает не отношение переживающей души к себе самой, но ценностное отношение к ней другого как такового» [Бахтин, 2003, с. 229]. Показательно, что этой внутренней диалогичностью, “драматичностью”, Бахтин наделяет именно лирику, традиционно воспринимаемую в монологическом ключе: «Не является ли всякий писатель (даже чистый лирик) всегда “драматургом” в том смысле, что все слова он раздает чужим голосам, в том числе образу автора и другим авторским маскам? Может быть, всякое

безобъектное, одноголосое слово является наивным и негодным для подлинного творчества. Всякий подлинный творческий голос всегда может быть только вторым голосом в слове» [Бахтин, 1997, с. 314].

Сам Мачадо вспоминает, что, работая над первой книгой «Одинокость», он полагал, что «первоосновой поэзии является не звучание слова, не цвет, не линия, не совокупность ощущений, а глубокое трепетание духа, то, что вкладывает душа в свой отклик на соприкосновение с внешним миром, если только она откликается на это соприкосновение, то, что душа говорит своим собственным голосом, если она что-нибудь говорит» [Мачадо, 1975, с. 156–157]. С одной стороны, в такой позиции можно увидеть попытку дистанцироваться от эстетики Рубена Дарио, без сомнения, оказавшего на раннего Мачадо сильное влияние, а с другой – в словах Мачадо прослеживается внутренняя установка на диалогизм, ведь поэзия, с его точки зрения, – это не что иное, как голос души, вступающей в диалог с миром. При этом это утверждение оказывается верным как для «Одинокость» 1903 года, так и для «Одинокость, галерей и других стихотворений» 1907 года.

Лирический субъект поэзии Мачадо, в целом, и двух «Одинокость», в частности, – это субъект спрашивающий, слушающий, ведущий диалог. Правда, в «Одинокость» 1903 года формальным собеседником Мачадо редко оказывается человек. Люди здесь – это, в основном, крайне обобщенные, лишённые конкретики образы, например, играющие на улице дети (в стихотворении “Los cantos de los niños”). Образ Другого в поэзии Мачадо выкристаллизовывается не сразу. В «Одинокость» 1903 года появляется образ таинственной возлюбленной, и в книге 1907 года лирический субъект Мачадо будет часто обращаться именно к ней – что, конечно, в определенной степени предвосхищает стихотворения, которые впоследствии Мачадо посвятит Леонор, а затем Гиомар. А пока что собеседниками Мачадо оказываются, в первую очередь, явления природы и феномены вещного мира, имеющие для автора символическое значение. Так, в стихотворении «Вечер» (“Tarde”) это – фонтан, который инициирует диалог с лирическим героем книги. В поэзии Мачадо образ фонтана, и воды в целом, тесно связан с символикой времени, и здесь он тоже становится проводником в мир забытых воспоминаний:

La fuente cantaba: ¿Te recuerda, hermano,
un sueño lejano mi canto presente?
Fue una tarde lenta del lento verano.

Respondí a la fuente:

No recuerdo, hermana,

mas sé que tu copla presente es lejana. [Machado, 1968, p. 64]

Фонтан как собеседник также появляется в одноименном стихотворении “La Fuente”, не вошедшем в «Одиночества, галереи и другие стихотворения»:

Misterio de la fuente, en ti las horas

sus redes tejen de invisible hiedra;

cautivo en ti, mil tardes soñadoras

el símbolo adoré de agua y de piedra. [Machado, 1968, p. 73]

В таком же ключе написано стихотворение «О ночь, моя старинная подруга» (“¡Oh!, dime, noche amiga, amada vieja...”), имеющее форму диалога с ночью. В нем отчетливо звучат основные темы этого периода – одиночество, сон, забвение, прошлое:

Oh, dime, noche amiga, amada vieja,

que me traes el retablo de mis sueños

siempre desierto y desolado, y solo

con mi fantasma dentro,

mi pobre sombra triste

sobre la estepa y bajo el sol de fuego,

o soñando amarguras

en las voces de todos los misterios,

dime, si sabes, vieja amada, dime

si son más las lágrimas que vierto. [Machado, 1968, p. 101]

Структура диалога в поэзии Мачадо периода обоих «Одиночеств» тесно связана с тем, как в стихотворениях организованы пространственно-временные отношения. Чаще всего лирический сюжет у Мачадо будет разворачиваться вечером или ночью, а местом действия поэт не раз будет выбирать уединенный сад:

Era una tarde en el jardín umbrío,

donde blancas palomas arrullaban

un sueño inerte, en el ramaje frío.

Las fuentes melancólicas cantában. [Machado, 1968, p. 110]

Также хочется отметить еще одну важную особенность лирического субъекта Мачадо – его пассивность по отношению к внешнему миру: не лирическое «я» взаимодействует с миром, а внешний мир вынуждает лирическое «я» реагировать тем или иным образом. Действия

и поступки лирического героя часто обусловлены направленным на него внешним действием:

Como sonreía la rosa mañana
al sol del Oriente abrí mi ventana;
y en mi alcoba triste penetró el Oriente
en canto de alondras, en risa de fuente
y el suave perfume de flora temprana. [Machado, 1968, p. 119]

В уже упомянутом стихотворении «Вечер» Мачадо демонстративно избегает местоимения “yo”. Ключ, скрипя, сам поворачивается в за-мочной скважине, калитка с шумом открывается, и, словно в ответ, начинает «звучать» вечерняя тишина сада:

Rechinó en la vieja cancela mi llave;
con agrio ruido abrióse la puerta
de hierro mohoso y, al cerrarse, grave
sonó en el silencio de la tarde muerta. [Machado, 1968, p. 63–64]

Лирический субъект оказывается настолько пассивным, что даже его собственные действия отчуждаются им: не поэт произносит слова песни, а песня наделяет словами его губы:

El salmo verdadero
de tenue voz hoy torna
lento a mi corazón y da a mis labios
la palabra quebrada y temblorosa. [Machado, 1968, p. 88]

Также хочется отметить еще одну любопытную тенденцию – к субъектному синкретизму, черты которого можно найти и в книге 1903, и в книге 1907 годов: в обоих случаях с опорой на местоимение “algo”, которое свидетельствует о неполноте знаний субъекта как о самом себе, так и о мире вокруг:

...y algo, que es tierra en nuestra carne, siente
la humedad del jardín como un halago. [Machado, 1968, p. 90]

Субъект и мир оказываются слиты воедино: субъект лирического высказывания и есть мир, малой частью и свидетелем которого он является. В «Одиночествах, галереях и других стихотворениях» этот

мотив повторится в стихотворении «Площадь и апельсины...»¹ (“La plaza y los naranjos...”):

¡Y algo nuestro de ayer, que todavía
Vemos vagar por estas calles viejas! [Machado, 1975, p. 83]

В «Одиночествах» 1907 года Мачадо обращается к национальной песенной традиции, что приводит к тому, что его лирическое «я» ускользает от читателя, прячась в традиционно-фольклорной стихии. В первую очередь, речь идет о стихотворениях «У ограды сада» (“¡Verdes jardinillos...!”), песне о девушке, наполняющей кувшин водой, «Элегических строфах» (“Coplas elegíacas”) и «Советах» (“Consejos”):

Moneda que está en la mano
quizá se deba guardar;
la monedita del alma
se pierde si no se da. [Machado, 1975, p. 135]

Но эта тенденция к растворению лирического «я» – не единственный вектор развития лирического сюжета в книге 1907 года. Мачадо виртуозно играет с субъектной структурой – как, например, в стихотворении «Сквозь тучу – солнце, и радуга...» (“Desgarrada la nube...”), интересном также с точки зрения анализа лирической ситуации и пространственно-временных отношений [Шамарина, с. 222].

И. А Тертерян говорит о том, что в поэзии Мачадо (в данном случае она имеет ввиду, в первую очередь, книгу 1907 года) два сюжета – внешний, бытовой, и внутренний, лирический: «Скрытый, лирический сюжет – те “галереи”, в которые уводит дорога одинокого поэта, те слова, что шепчет ему струя фонтана, – можно назвать “поисками утраченного времени”. Поэт хочет вспомнить, воскресить, вернуть себе что-то ушедшее, ускользающее, наверное, даже небывшее. Детство, безоблачная радость, юношеская любовь, а вернее, ожидание любви, – в прошлом много смутного, недосказанного, полузабытого, но зато вспоминается оно с пронзительной яркостью, на миг – но болезненно счастливо! Но граница между реальным миром и очарованным, зыбким миром памяти и сна никогда не размывается полностью, реальность не превращается в призрачность. И этим уже

---

¹ Русские названия стихотворений книги «Одиночества, галереи и другие стихотворения» даются по изданию: *Machado A.* Полное собрание стихотворений: 1936. М., Наука, 2007.

предопределена будущая победа реальности над химерами сознания» [Тертерян, Осповат, с. 12].

Спуск в «галереи души», о котором говорит И. А. Тертерян, Мачадо предпринимает в «Одиночествах» 1907 года. Одновременно с этим поэт впервые смотрит на себя со стороны, глазами Другого: именно так в поэтическом универсуме Мачадо зарождается мифотворчество. Примером этого могут послужить стихотворения “El viajero” и “He andado muchos caminos”, открывающие книгу:

Está en la sala familiar, sombría,
y entre nosotros, el querido hermano
que en el sueño infantil de un claro día
vimos partir hacia un país lejano. [Machado, 1975, p. 81]

Показательно, что одной из главных составляющих личного мифа Мачадо станет мотив пути, странствия, поиска:

He andado muchos caminos,
he abierto muchas veredas,
he navegado en cien mares,
y atracado en cien riberas. [Machado, 1975, p. 82]

Лирический субъект – странник, ищущий свой путь, и этот путь, несомненно, это путь рефлексии. Лирический субъект рефлексии – о себе, своем прошлом, своем месте в этом мире. В стихотворении “Es una tarde cenicienta y mustia” («Землистый вечер, чахлый и осенний...») мы находим образцовую модель лирического сюжета, характерного для всей книги 1907 года. Как это часто бывает у Мачадо, пространственно-временная организация стихотворения задается уже в первом стихе. При этом внешнее сразу интериоризируется, и печальный осенний вечер тут же сравнивается с душой поэта:

Es una tarde cenicienta y mustia,
destartalada, como el alma mía. [Machado, 1975, p. 149]

Лирическая ситуация снова представлена диалогом: субъектная структура стихотворения базируется на двух местоимениях: “yo” и “tú”, которые – как выясняется в конце его первой смысловой части, перед отточиением – пребывают в диалоге. При этом “yo” – это лирическое «я» поэта, а в качестве собеседника, к которому это «я» обращается, выступает «старая тоска» (“vieja angustia”), с которой они знакомы с детства: “–Sí, yo era niño, y tú, mi compañera”. «Событийный» центр стихотворения – его вторая часть, по отношению к которой

первая выступает в качестве пролога. Именно здесь рефлексия лирического субъекта разворачивается на полную мощь, подкрепленная такими традиционными для ранней поэзии Мачадо мотивами одиночества, воспоминания, пути и поиска Бога:

...así voy yo, borracho melancólico,
guitarrista lunático, poeta,
у pobre hombre en sueños,
siempre buscando a Dios entre la niebla. [Machado, 1975, p. 149]

Забытый хозяином верный пес, ребенок, потерявшийся посреди шумного праздника, «гитарист-лунатик», «хмельной поэт», человек, ищущий Бога среди тумана, – вот кем видит себя Мачадо. Показательно, что именно сейчас, в период написания «Одиночество, галерей и других стихотворений» Мачадо впервые постулирует себя как поэта, а также утверждает, что исследование галерей человеческой души – это и есть основная задача и высшая цель настоящей поэзии:

En esas galerías <...>
allí el poeta sabe
el laborar eterno
mirar de las doradas
abejas de los sueños. [Machado, 1975, p. 141]

Вместе с тем Мачадо начинает чувствовать, что его собственный поэтический путь пролегает в несколько другой плоскости. В 1912 году выйдет прославившая его книга “Campos de Castilla”, позволившая Мачадо выйти за пределы своего собственного «я» и представляющая собой совершенно новый виток эволюции творческого пути поэта, где новым образам, темам, мотивам и формам будут соответствовать новые способы организации лирического сюжета.

Литература

1. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Собр. Соч.: В 7 т. Т. 1. М., 2003. С. 69–264.
2. Бахтин М. М. Проблема текста // Собр. Соч.: В 7 т. Т. 5. М., 1997. С. 306–327.
3. Бройтман С. Н. Лирика // Поэтика: слов, актуал. терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко]. М., 2008. С. 109–112.
4. Малкина В. Я. К проблеме определения лирического сюжета // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2010. №2 (45). С. 11–14.
5. Малкина В. Я. Лирический сюжет // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / под ред. Н. Д. Тамарченко. М., 2008. С. 114–115.

6. Малкина В. Я. Лирический сюжет у В. Маяковского и А. Галича: «Кемп “Нит гедайге”» и «Засыпая и просыпаясь» // Искусство поэтики – искусство поэзии. К 70-летию И. В. Фоменко: сб. научн. трудов. Тверь, 2007. С. 342–356. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21343100> (дата обращения: 22.12.2020).
7. Мачадо А. Избранное. М., 1975. Пер. В. С. Столбова. 352 с.
8. Мачадо А. Полное собрание стихотворений: 1936. М., Наука, 2007. 850 с.
9. Тамарченко Н. Д. Лирика // Теория литературы. В 2 т. / Под ред. Н. Д. Тамарченко. Т. 1: Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М., 2004. С. 333–361.
10. Тертерян И. А., Основат Л. С. Пять испанских поэтов. Испанские поэты XX века: Хуан Рамон Хименес, Антонио Мачадо, Федерико Гарсиа Лорка, Рафаэль Альберти, Мигель Эрнандес. М., 1977. 720 с.
11. Шамарина А. А. Диалогизм поэзии А. Мачадо // Вопросы иберо-романистики. М., 2013. Т. 12. С. 220–229.
12. Machado A. Poesías completas. La Habana: Editorial Arte y Literatura, 1975. 414 p.
13. Machado A. Soledades (Poesías). Madrid, Taurus, 1968. 144 p.
14. Romero D. Variantes y modulaciones de las “Soledades” de Antonio Machado // Anales de Literatura Española. Alicante, 1994. Núm. 10. P. 193–205.

Anastasia A. Shamarina

Lomonosov Moscow State University
al.anastasia@gmail.com

Abstract: *The paper examines the lyrical plot structure in the poetry of Antonio Machado, based on poems from his books Soledades (1903) and Soledades, galerías y otros poemas (1907). Following V. Ya. Malkina's approach, the lyrical plot is analysed in the categories of subject structure, lyrical situation, chronotopic structure, motif structure, and the lyrical event.*

Key words: *Spanish literature of the 20th century; Spanish poetry; Antonio Machado; lyrical plot; lyrical subject; dialogue; self-reflection*

Раздел II

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.134.1

А. В. Баканова
МГУ имени М. В. Ломоносова

СУБДИАЛЕКТ *SALAT* В КАТАЛАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: Субдиалект «*salat*» относится к центрально-каталанскому диалекту и распространен на территории нескольких областей Каталонии на побережье Коста-Брава, преимущественно Баш-Эмпорды и Алт-Эмпорды. Центрально-каталанский диалект входит в группу восточных диалектов каталанского языка и лежит в основе языкового стандарта. «*Parlar salat*», с диалектной точки зрения, представляет собой уникальное явление, своего рода, «субдиалект-мост» между каталанскими диалектами Пиренейского полуострова и диалектами Балеарских островов. Исторические условия переселения носителей каталанского языка из области Эмпорда на Балеарские острова в XIII в. и с Балеарских островов на территорию Валенсии в XVII в. определили некоторые общие черты данных субдиалектов. В первую очередь, речь идет об особой форме артикля – «*article salat*».

Ключевые слова: каталанский язык; диалект; субдиалект; артикль; языковой стандарт

Субдиалект *salat* относится к центрально-каталанскому диалекту и распространен на территории нескольких областей Каталонии на побережье Коста-Брава, преимущественно Баш-Эмпорды и Алт-Эмпорды. Центром данной территории с точки зрения полноты представленных диалектных черт считается г. Кадакес, к северу от которого начинается промежуточная, переходная к северо-каталанским диалектам область.

Каталанский субдиалект *salat* принято называть также *parlar salat*. Данный субдиалект распространен на территории, ограниченной единственной изоглоссой, соответствующей особой форме определенного артикля: *es, sa*, – в единственном числе, *es ses* – во множественном числе. *Parlar salat*, с диалектной точки зрения, представляет собой уникальное явление, своего рода, «субдиалект-мост» между каталанскими диалектами Пиренейского полуострова и диалектами Балеарских островов. Исторические условия переселения носителей каталанского языка из области Эмпорда на Балеарские острова в XIII в.

и с Балеарских островов на территорию Валенсии в XVII в. определили общие черты данных субдиалектов. В первую очередь, речь идет об особой форме артикля – «article salat». Историографы отмечают, что уже в XIII в. на побережье каталанской провинции Эмпорда использование данной формы артикля было широко распространено. В дальнейшем переселенцы с этих территорий перенесли особенности *parlar salat* на Майорку.

В XX в. употребление форм артикля *salat* все еще сохраняется на узкой полоске восточного побережья Каталонии между руслами рек Тер и Тордера, включающей следующие населенные пункты: Бегур, Палафружел, Льофриу, Мон-рас, Элс-Мазос-де-Палс, Паламос, Кастель д'Аро, Валь-Льобрега, Сан-Фелиу-де-Гишольс, Тосса, Льорет-де-Мар и другие. Однако ситуация на побережье отличается от узуса жителей Кадакеса. По мнению каталанского диалектолога Ж. Веня, если в г. Кадакес можно говорить об активном употреблении форм артикля *salat*, то на побережье его использование практически прекращается: «es troba amb plena vitalitat a Cadaqués mentre que és restringit el seu ús a una estreta zona costanera» [Veny, 2002, p. 37].

Формы определенного артикля на *-s* вместо форм определенного артикля на *-l* встречаются и в других каталанских землях: в муниципалитетах Тарбена и Валь-де-Гальинера, в Валенсии, и на территории Балеарских островов, за исключением муниципалитета Польенса на о. Майорка. В данной статье мы постараемся кратко охарактеризовать все три зоны употребления *ipse*-вого артикля в Каталонии, обращая внимание, прежде всего, на область распространения субдиалекта *salat*, а именно на территорию на побережье Коста-Брава.

Ipse-вый артикль в каталанском языке принято называть артикль *salat*, и это определение закрепилось и в названии субдиалекта. Как пишет Ж. Веня, своим живописным названием субдиалект *salat* обязан именно формам *ipse*-вого артикля: «L'ús d'aquest article fou batejat pintorescament amb el nom de *salat* (dels seus usuaris se'n diu que *salen*), nom que ha estat acceptat en la terminologia científica dialectològica» [Veny, 2002, p. 37].

Происхождение форм артикля *salat* от латинского *ipse* определяет их отличие от литературной каталанской нормы, где используются формы *el, la, els, les, l'*, произошедшие от латинских указательных местоимений *ille, illa*. Тысячелетнее противостояние между *ille* и *ipse* привело к победе первого практически на всей территории Романии, а *ipse*-вый артикль сместило на языковую периферию, где

продолжается процесс его постепенного вытеснения. Помимо каталанского языка, *ipse*-вый артикль можно встретить в окситанском, сардинском языках, южно-итальянских диалектах и на Сицилии. В каталанском языке латинское *ipse* сохраняет свое присутствие также в прилагательном *mateix* и местоимении *això*.

В грамматиках каталанского языка *ipse*-вый артикль, наряду с формами *lo / los*, рассматривается как вариант определенного артикля: «L'article definit té dues variants: l'article baleàric o salat i l'article masculí lo / los. Tots dos són propis de la parla espontànea i tenen un àmbit d'ús reduït que l'article definit general» [4, p. 174]. Встречается использование нескольких терминологических единиц для обозначения данного вида артикля – «балеарский артикль», по названию зоны наибольшего распространения, или «*article salat*», по названию, которое он получил на каталанском побережье: «L'article baleàric, també denominat *article salat*, és una variant de l'article definit que presenta un radical amb *s*, en lloc de radical amb *l* propi de l'article general. S'utilitza en els parlars baleàrics i, en menor grau, en altres zones, com ara en el parlar d'alguns indrets de Costa Brava o a Tàrbena (Marina Baixa)» [4, p. 174].

Первоначально артикль *salat* был распространен на всей каталано-говорящей территории Пиренейского полуострова, что подтверждается многочисленными топонимами. В XIII в. благодаря экспансионистской политике каталонского короля-завоевателя Жауме I Арагонского, который в 1229 г. предпринимает поход на Майорку, *ipse*-вый артикль попадает на территорию Балеарских островов. В более поздний период, в начале XVII в., он переносится переселенцами с Балеарских островов обратно на Пиренейский полуостров, на территорию Валенсии, где на настоящий момент сохраняется лишь в одном населенном пункте – Тарбене.

Таким образом, можно сказать, что *ipse*-вый артикль в каталанском языке, с точки зрения синхронии, образует треугольник с расположенными по его углам областями распространения: Эмпорда (Коста Брава) – Балеарские острова – Тарбена (Валенсия). В исторической перспективе, *ipse*-вый артикль как бы осуществляет два «завоевательных похода»: в XIII в. – с восточного побережья Испании на Майорку и в XVII в. – с Балеарских островов обратно на Пиренейский полуостров, на территорию современной Валенсии.

Центрально-каталанский диалект, к которому относится субдиалект *salat*, входит в группу восточных диалектов каталанского языка и лежит в основе языкового стандарта. С другими центрально-

каталанскими диалектами *parlar salat* объединяет более открытое произношение нейтрального [э] и использование разговорных форм.

В качестве особых черт субдиалекта *salat* выделяют некоторые явления в области фонетики, морфологии, лексики и синтаксиса. С точки зрения морфологии наиболее заметны изменения в системах артикля, местоимения и глагола. В первую очередь, речь идет об окончаниях глаголов первого лица настоящего времени на *-t*: *jo càntut, jo pènsot*. Также в Кадакесе можно встретить формы на *-i* (*jo canti, jo pensi*), появившиеся под влиянием северо-каталанских диалектов. Повсеместно исчезает звук [r] в инфинитивах глаголов перед местоименной клитикой: [cridà-te] вместо [cridar-te]. Некоторые наиболее частотные лексемы в звучащей речи изменяют свою форму за счет стяжения дифтонгов, например, *quant* звучит как [con], *guanyar* – [gonyar]. Прилагательные женского рода сохраняют окончание *-ua*: *blaua*. Определенный артикль мужского рода единственного числа при сочетании с предлогами образует форму на *-s*, например, *al* > *as*. Можно отметить также использование особых местоименных форм, например, *nosatros* вместо *nosaltres* и *vosatros* вместо *vosaltres*, а также *ma / me* вместо *em: el que em toque* > *lu ca ma toqui*. В разговорном синтаксисе часто можно встретить плеоназм местоименных форм и предлогов, как в примере: *molts rius* > *mols de rius*, а также особую форму отрицания с выражением *poc que*: *avui no vindrà* > *poc que vindrà, avui*.

Говоря о функционировании данных диалектных форм, в первую очередь артикля *salat*, можно обнаружить определенное сходство в балеарском и пиренейском узусе. Формы артикля *salat* используются носителями балеарских субдиалектов и носителями субдиалекта *salat* преимущественно для внутреннего устного общения, в то время как для общения вне зоны или с внешними каталаноговорящими коммуникантами сохраняется тенденция к использованию форм литературных: «L'article baleàric és propi de la parla espontània. En els registres formals, sobretot en la llengua escrita, a les Balears sempre s'ha usat l'article general» [4, p. 174].

Данную ситуацию можно сравнить с ситуацией в третьей зоне распространения *ipse-вого* артикля – в муниципалитете Тарбена (*Tàrbena*), провинция Аликанте, Валенсия. Районы Тарбены и Вальде-Гальинера (*Vall de Gallinera*) были заселены в XVII в. жителями Майорки. Исследователи объясняют перемещение трудоспособного населения с Майорки на валенсийские земли нехваткой рабочей силы после изгнания из Валенсии морисков (*moriscos*) и их потомков,

мусульман Аль-Андалуса, официально принявших христианство. В начале XVII в. территорию Валенсии покинуло более трети населения, которую составляли «новые христиане» и их многодетные семьи, занимавшиеся преимущественно сельским хозяйством.

После 1609 г. район Тарбены остается практически без жителей и без рабочих рук, вследствие чего местные власти предоставляют право проживания переселенцам с Майорки. Таким образом, политико-экономическая ситуация в регионе самым непосредственным образом повлияла на появление *ipse*-вого артикля в Валенсии.

Если говорить об особенностях современной социолингвистической ситуации в Тарбене, то следует отметить, что на данной территории лучше, чем в Валь-де-Галлинера, сохранились особенности майоркского субдиалекта, в том числе артикль *salat*, представленный в таблице.

Таблица 1. Формы определенного артикля в Тарбене

Фонетическое окружение	М.р. ед.ч.	М. р. мн.ч.	Ж.р. ед.ч.	Ж.р. мн.ч	Примеры
перед словом на согласный	as	as	sa	ses	- <i>as cavall</i> - <i>sa sarment</i>
перед словом на гласный	s'	as	s'	ses	- <i>s'home</i> - <i>as hòmens</i> - <i>ses arestes</i>
*в редких случаях встречается форма <i>so</i> после предлога <i>amb</i>					

Однако использование форм *ipse*-вого артикля на данной территории ограничивается, как уже отмечалось, преимущественно внутренним общением. Для общения с коммуникантами-носителями других языковых черт жители Тарбены прибегают к формам валенсийского артикля *el / la* и формам артикля перед именами *en / na*: «No és cap novetat que els parlants de Mallorca utilitzen l'article salat (*sa granera*, en comptes de *la granera*, o *es xiquet*, en lloc d'*el xiquet*). Però poca gent sap que a Tàrbena també parlen així. Primer, perquè és un poble menut i relativament apartat de la Marina Baixa. I segon, perquè els seus veïns sempre han intentat amagar-ho als forasters per a evitar ser objecte de burla» [Cerdà].

Каталанский собиратель фольклора Жоан-Льюис Мунжо-и-Маскаро (*Joan-Lluís Monjo i Mascaró*) также обращает внимание на то, что жители Тарбены стремятся избегать в своей речи локальных особенностей произношения: «una de les característiques principals del registre de la cançó de Tàrbena és precisament la tendència d'evitar els localismes lingüístics, com els articles salats *es i sa*, els demostratius *aquestaqueix*, o

l'article personal en (en Joan, per exemple), i substituir-los principalment per formes valencianes generals». Однако, ему все же удается зафиксировать некоторые тексты с артиклем *salat*, как например: *Ja t'ha dit més de mil voltes / que no m'entres as corral, / que tinc ses gallines soltes / i m'astoraràs es gall*.

Интересно, что жители Тарбены несколько иначе именуют свою речь – не «*parlar salat*», а «*parlar de sa*». Боязнь стать объектом насмешки со стороны носителей других языковых черт, по мнению исследователей, побуждает жителей Тарбены скрывать данную диалектную особенность и использовать нормативные формы артикля, что высмеивается в местном фольклоре и в популярных анекдотах, например, говорят, что оркестр Тарбены не знает ноты ля (*la*): «*La banda de música de Tàrbena toca desafinada perquè no té la nota la*».

Наибольшее сходство формы артикля в «*parlar de sa*» имеют с *балеарским артиклем*, что, как уже отмечалось, является следствием переселения жителей островов в валенсийскую Тарбену в XVII в.

Таблица 2. Формы определенного артикля в балеарском диалекте

Фонетическое окружение	М.р. ед.ч.	М. р. мн.ч.	Ж.р. ед.ч.	Ж.р. мн.ч	Примеры
перед словом на согласный	es (er)	es (et)	sa	ses (set)	-er mul, -set sabates, -et joves
перед словом на гласный	s'	es (ets)	s'	ses	-es hòmens (eiv) – -ets homos (mall, men)
после предлога amb	so (es)	sos (es)	sa	ses	-amb es càvec / -amb so càvec (eiv)

Нельзя не отметить бóльшую вариативность артикля на Балеарских островах, где формы артикля на Майорке и Менорке зачастую отличаются от более специфических форм на Ибиссе. Ше-вую форму определенного артикля также можно встретить в балеарском диалекте, как и в *parlar salat*, но интересным представляется тот факт, что ее использование различно. Если балеарцы скажут *la mar / la setmana que ve / es sol / sa lluna / s'hivern*, то жители Эмпорды – *sa mar / sa setmana que ve / el sol / la lluna / l'hivern*.

Для речи жителей Майорки и Менорки характерно изменение конечного -s в формах *es, ses* под влиянием начального звука

следующего слова, например: *et joves* вместо *'es joves'*, *er mul* вместо *'es mul'*, *set sebates* вместо *'ses sabates'*. По мнению исследователей, именно здесь берет начало распространенная на этих островах форма *ets* перед словами, начинающимися на гласный. Данный процесс имел следующие этапы: *et sants*, *et joves* > *ets sants**, *ets joves**, а далее переосмысленный артикль *ets* начинает употребляться и с другими словами: *ets homos*, *ets estels*. Подобная ассимиляция, однако, отсутствует в речи жителей Ибицы.

Северное побережье Майорки, муниципалитет Польенса (*Pollença*), представляет собой уникальную, с лингвистической точки зрения, территорию, где в ходу особые формы *ille*-вого артикля: *u cap* *'el cap'*, *us caps* *'els caps'*, *us homos* *'els homes'*, но при этом Польенса является единственным местом на Балеарских островах, где отсутствует *ipse*-вый артикль, что является предметом гордости местных жителей.

Если продолжать сравнивать особенности функционирования *ipse*-вого артикля на пиренейской территории и на Балеарских островах, то можно отметить, что, в отличие от активного островного узуса, на территории Эмпорды артикль *salat* постепенно потерял свои позиции, сохранившись лишь в речи людей старшего возраста или отдельных социальных групп, занятых в сельском хозяйстве или рыболовстве. Особое положение занимает г. Кадакес, представляющий в этом отношении своего рода *анклав*, в котором артикль *salat* более активно употребляется: «*es manté amb vigència el susdit sistema*» [Veny, 2002, p. 38].

С исторической точки зрения использование артикля *salat* на территории каталанской Эмпорды особенно распространено в средние века, что зафиксировали первые письменные документы. Еще одним подтверждением данного факта является топонимия, сохранившая многочисленные географические названия с этой формой: *Sant Joan Despi* (*Sant Joan Despi* от *des Pi*), Соливелля (*Solivella* от *s'Olivella*), Сан-Льоренс-Саваль (*Sant Llorenç Savall* от *sa Vall*), Серра-да-Санферм (*Serra-de-Senferm* от *s'Enferm*), Сан-Эстеве-Сесровирес (*Sant Esteve Sesrovires* от *ses Rovires*), Сан-Марти-Сесгейолес (*Sant Martí Sesgueioles* от *ses esglesioles*) и многие другие.

На территории Валенсии также встречаются подобные топонимы, как, например, *Silla* от *s'Il·la*. Особенно любопытным представляется случай с гидронимом *El Terri*. Здесь мы имеем дело со случаем лингвистической гиперкоррекции или народной этимологии. Изначальное

название *Estèrri(a)* было переосмыслено как сочетание с артиклем *es*, который впоследствии был заменен на форму артикля *el*.

Особые формы каталанского артикля *salat* в научной литературе получают освещение, в первую очередь, на материале балеарского диалекта каталанского языка как сохранившего активный узус. Несмотря на тенденцию к взаимозаменяемости терминов «балеарский артикль» и «артикль *salat*», ipse-вый артикль на Балеарских островах и в Эмпорде имеет как формальные, так и узуальные различия. В Таблице 3 приводятся формы артикля в субдиалекте *salat*, которые предлагается сравнить с рассмотренными выше формами балеарского артикля. Основные отличия балеарского артикля от пиренейских форм *salat* можно наблюдать в мужском роде единственного и множественного числа и в особой позиции после предлога *amb*.

Таблица 3. Формы определенного артикля в субдиалекте *salat*

Фонетическое окружение	М.р. ед.ч.	М. р. мн.ч.	Ж.р. ед.ч.	Ж.р. мн.ч	Примеры
перед словом на согласный	<i>es</i>	<i>es</i>	<i>sa</i>	<i>ses</i>	<i>-es carro – es carros</i> <i>-sa cartera –</i> <i>ses carteres</i>
перед словом на гласный	<i>s'</i>	<i>ses</i>	<i>s'</i>	<i>ses</i>	<i>-s'a(r)bre –</i> <i>s'a(r)bres</i> <i>-s'oliva – ses olives</i>

Таким образом, еще раз подчеркнем, что ipse-вый артикль имеет несколько конкретных реализации в разных каталаноговорящих областях, сохраняя на сегодняшний день наиболее активную позицию и богатство форм, в первую очередь, на Балеарских островах. Несмотря на то, что, и с лингвистической, и с исторической точки зрения, ipse-вый артикль представляет собой чрезвычайно любопытное явление, связанные с его функционированием аспекты – до сих пор малоисследованная область в каталанской лингвистике.

Как и артикль *salat*, субдиалект *salat* долго остается малоизученным феноменом. Ситуация начинает меняться, когда в 2004 г. в Университете Барселоны (UB) под руководством Марии-Пилар Перей (*Perea, Maria-Pilar*) начинает работать проект «Arxiu audiovisual del parlar salat de la Costa Brava», целью которого становится общение с информантами-носителями субдиалекта *salat* и фиксация особенностей их речи.

Основополагающей в данной области является работа балеарского филолога и религиозного деятеля Антони М. Алковера (*Antoni Maria Alcover*), автора словаря *Diccionari català-valencià-balear* [Alcover]. В выполненном более века назад исследовании он впервые подробно изучил функционирование форм ipse-вого артикля в речи жителей каталанского побережья.

В схожем научном ключе выстроена диссертационная работа Нурии Бускет Изарт (*Núria Busquet Isart*), в которой автор исследует ситуацию с использованием артикля *salat* в тридцати двух населенных пунктах на севере-востоке Каталонии. В своей работе «*El parlar salat: descripció, àmbit geogràfic i ús*», 2011 г., автор говорит о недостаточной изученности данного субдиалекта и о печальных изменениях в его использовании на протяжении XX в.: «*Aquest subdialecte experimenta un procés molt acusat de recessió des de mitjan segle XX*»; «*Aquesta varietat ha estat poc estudiada i no té un abast gaire definit*» [Busquet Isart].

Выводы, которые напрашиваются по материалам данного исследования, довольно пессимистичны. Современный узус характеризуется тем, что артикль *salat* преимущественно сохраняется лишь в речи людей старшего поколения или в профессиональной речи, связанной с морским промыслом. Основными факторами, повлекшими за собой его исчезновения в речи молодежи, остаются социальные преобразования, развитие туризма и потеря общественного престижа данными формами определенного артикля. Можно сказать, что уже начиная с пятидесятих годов прошлого века этот вид артикля начинает постепенно исчезать из речи жителей Эмпорды и практически полностью исчезает в настоящее время. Единственным оплотом субдиалекта *salat* остается город Кадакес, но и в нем прерывается процесс передачи данной языковой особенности новым поколениям: «*En definitiva, en la tesi, es replanteja l'actual divisió dialectal de la llengua catalana ja que es verifica que el subdialecte estudiat no existeix*» [Busquet Isart].

Важным выводом работы может служить также тот факт, что исчезновение в речи современных жителей каталанского побережья ipse-вого артикля ставит под сомнение сохранение самого субдиалекта *salat*, чьей отличительной характеристикой он является: «*sense l'article salat, no hi ha cap altra característica local que permeti diferenciar el parlar estudiat de les varietats limítrofes*» [Busquet Isart]. В таком случае ответственность ложится на жителей Балеарских островов, в речи которых, как мы уже отмечали, артикль *salat* используется с большей частотностью, а, значит, имеет шансы на сохранение.

Литература

1. *Alcover, A. M., Moll, F. de B.* Diccionari català-valencià-balear. <https://dcvb.iec.cat/> (дата обращения: 20.01.2021).
2. *Busquet Isart, N.* El parlar salat: descripció, àmbit geogràfic i ús. Barcelona, 2011. 280 p.
3. *Cerdà, P.* El valencià més salat fa 400 anys. <https://www.levantemv.com/cultura/panorama/2010/07/17/valencia-mes-salat-fa-40013132342.html> (дата обращения: 20.01.2021)
4. Gramàtica bàsica i d'ús de la llengua catalana. Barcelona, 2019. 578 p.
5. *Monjo i Mascaró, J. L.* El Cançoner Popular De Tàrbena. Alicante, 2009. 326 p.
6. *Veny, J.* Contacte i contrast de llengües i dialectes. Valencia, 2006. 272 p.
7. *Veny, J.* Els parlars catalans. Mallorca, 2002. 173 p.

Anna V. Bakanova

Lomonosov Moscow State University
asia_sim@mail.ru

Abstract: *The salat subdialect belongs to the Central Catalan dialect and is distributed on the territory of several regions of Catalonia on the Costa Brava, mainly Baix Emporda and Alt Emporda. «Parlar salat» is a unique phenomenon, a kind of «subdialect bridge» between the Catalan dialects of the Iberian Peninsula and the dialects of the Balearic Islands. The historical conditions of the migration of Catalan speakers from the Emporda region to the Balearic Islands in the XIII century and from the Balearic Islands to the territory of Valencia in the XVII century determined some common features of these subdialects, like a special form of the definite article – «article salat».*

Key words: *Catalan language; dialect; subdialect; definite article; standard language*

УДК 811`2.134.1

Е. А. Гринина, Г. С. Романова
МГИМО(У) МИД России

ЭКСКУРС В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В АНДОРРЕ: ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

***Аннотация:** Статья посвящена социолингвистической ситуации в Андорре, государству, где каталанский является одним из официальных языков, наряду с испанским и французским. Его используют как язык повседневного общения примерно 60% населения страны.*

Это небольшое государство добилось суверенитета еще в средние века, но до 1993 года находилось под двойным протекторатом Франции и Испании. Важнейшей отраслью экономики Андорры является туризм, и каталанский язык как основа её культуры приобретает все большее значение, что отражено в языковой политике страны.

Цель статьи – показать, как социолингвистическая ситуация в Андорре отражается на жизни общества. Также в статье упоминается первый русский, посетивший эту страну – поэт Максимилиан Волошин, выразивший свои впечатления в стихах, прозе и рисунках.

***Ключевые слова:** социолингвистика; языковая политика; каталанский язык; Андорра; Pariatges; Максимилиан Волошин*

Андорра – это единственное государство, где каталанский язык является одним из официальных языков, наряду с испанским и французским. Что же представляет собой Андорра и как сложилась столь непростая для такой небольшой страны социолингвистическая ситуация?

География

Андорру, которая расположена в долине реки Валира, в Восточных Пиренеях, называют самым большим из пяти «карликовых» государств Европы: протяженность её границ составляет 118 км (страна вытянута с севера на юг на 25 км, с запада на восток на 29 км), а её площадь составляет 464 км², при этом, более половины её площади – 296 км² – занимают горные спуски и каньоны [БРЭ].

Исторический экскурс

История этой затерянной в горах территории датируется концом VIII – началом IX веков. Первое упоминание андорранской общины встречается в 778 году, однако наиболее достоверные сведения не только о существовании, но и о суверенитете датированы 805 годом, когда Карл Великий даровал жителям Андорры Великую хартию свободы в благодарность за помощь в борьбе с сарацинами. [La historia d'Andorra].

Поскольку Андорра находится в окружении двух могущественных соседей, которые претендовали на владение этой территорией, это определило её дальнейшую историю. После продолжительного периода борьбы в 1278 году между епископом уржелским из Каталонии и окситанским графом, который, согласно французской традиции, именуется Фуа (*Foix*), но скорее всего, его фамилия должна звучать как Фуш, потому что он был окситанцем, был заключен договор о совместном управлении, получивший название **Акт-пареаж** (*Pariatges*). Так возникает Княжество Андорра, которое никогда не имело своего собственного князя, а управлялось двумя соправителями, обладающими равными полномочиями. При этом управление на местах всегда осуществлялось общинами (*parroquies*). Выстроенная таким образом вертикаль власти, по мнению историков, приводила к тому, что интересы небольших групп населения никогда не игнорировались [Vela Palomares, 2005, p. 285–298].

Такое положение вещей сохраняется до сих пор. Согласно конституции, принятой в 1993 году, Андорра – это суверенное государство (парламентское княжество) [La constitución d'Andorra]. Им управляют двое князей-соправителей от Испании и Франции, за которыми закреплены функции главы государства, и однопалатный парламент (*Consell General*). Вплоть до 1993 года основным законом государства Андорра являлся документ, принятый в 1278 году *Pariatges* [Pariatges], согласно которому страна выплачивала ежегодную дань своим соседям. Для Франции предназначались 960 франков, а для Уржелского епископа – 12 головок сыра, 12 куропаток, 12 кашпунов, 6 окороков, а также 460 песет. Сегодня средневековые традиции ушли в прошлое, и статус князей-соправителей в качестве главы государства носит чисто формальный характер, а реальная власть в стране принадлежит премьер-министру, стоящему во главе правительства, которое назначается после выборов в однопалатный парламент, исходя из их результатов.

Социолингвистическая ситуация

Заглянув вглубь веков, нам становится понятно, как испанский и французский оказались официальными языками в стране, коренные жители которой изначально являлись каталаноговорящими. Последнее красноречиво подтверждают результаты социологических опросов.

По данным Института андорранских исследований (*Institut d'Estudis Andorrans*) 2018 года, население Андорры составляет 76,2 тыс. чел. Из них примерно 40% населения считают родным языком каталанский, 35% – испанский, свыше 5% – французский; при этом каталанский используют как язык повседневного общения примерно 60% населения страны [Viquipèdia].

По мнению андорранских социологов, коренные жители составляют только треть населения Андорры. Остальные две трети – иностранцы, преимущественно выходцы из разных районов Испании, а также Франции и Португалии. Однако, большая часть мигрантов – это каталанцы, поэтому каталанский язык является родным для большей части населения страны. Данные проведенных социологических исследований [ASOLC] красноречиво об этом свидетельствуют:

понимают каталанский язык	96,0%
говорят на каталанском языке	78,9%
читают на каталанском языке	89,7%
пишут на каталанском языке	61,1%

Серьезное социологическое исследование, проведенное известным каталанским социолингвистом Жуакимом Торресом Пла по поручению Главного управления языковой политики Правительства Каталонии (*La Direcció General de Política Lingüística de la Generalitat de Catalunya*), показало, что за период с 1995 по 2014 год, когда был проведен опрос, результаты которого доступны [Coneixements, 2014], использование каталанского языка как средства общения в андорранском обществе значительно выросло [Torres Pla, 2019]. Этому, безусловно, способствовала грамотная лингвистическая политика.

Языковая политика.

Статус каталанского языка как языка государственного и официального прописан на законодательном уровне. И это не только Конституция 1993 года, согласно которой официальным языком государства является каталанский: «*La llengua oficial de l'Estat és el català*» (La Constitució, el títol 1, article 2). [BOPA, 1993].

В области образования были приняты четыре закона (*Llei qualificada d'educació* (1993), *Llei d'ordenament del sistema educatiu andorrà* (1994), *Llei d'universitats* (1997), *Llei d'ordenament de l'ús de la llengua oficial* (2000)), в которых подчеркивается, что каталанский язык является основным средством общения в системе образования Андорры:

❖ *«Impulsar el català com a llengua pròpia del país». «El català és la llengua pròpia del sistema educatiu andorrà»* [Llei 1993].

❖ *«Es tendeix a ús privilegiat del català com a llengua de comunicació». «El català, llengua oficial de l'Estat i mitjà de comunicació i integració». «La formació andorrana s'imparteix necessàriament en català»* [Llei 1994].

❖ *«La llengua oficial és el català la qual és vehicular»* [Llei 1997].

На практике школьная система образования была перестроена таким образом, чтобы обеспечить каталанскому языку привилегированное положение, при этом другие языки не подвергались дискриминации. Так, еще в 1972 году была запущена программа «андорризации» образовательной системы [La educació], в которой основной упор делался на изучение каталанского языка, истории, географии и политического устройства страны. Школы для носителей испанского и французского языков также существуют, но зарплату учителям в них выплачивают Испания и Франция. Родители вправе выбирать язык, на котором будет обучаться их ребенок. Средняя школа является обязательной и бесплатной для детей и подростков от 6 до 16 лет.

Что касается высшего образования, то в отличие от других европейских стран, имеющих широкую сеть университетов, начиная со средних веков, Университет Андорры был открыт лишь в 1997 году [La educació]. Помимо него, существуют две высшие школы (в области медицины и информационных технологий). Удаленность от крупных научных центров, внутренние ресурсы княжества и малое количество студентов препятствуют дальнейшему развитию сети высшего образования и научной сферы.

Однако, в 1976 году был создан Институт андорранских исследований как центр содействия в области образования и научно-исследовательской деятельности с целью укрепления суверенитета страны. Со временем сфера деятельности этого учреждения значительно расширилась, вобрав в себя самую разнообразную тематику, включая экономику, социологию, геологию, экологию и многое другое. Институт имеет культурные представительства в Барселоне и Тулузе, основная

задача которых заключается в создании имиджа Андорры за рубежом. Однако, по мнению интеллектуальной элиты Андорры, этой организации сегодня требуется перестроить свою работу так, чтобы отвечать национальным интересам государства [Pol i Solé].

Языком средств массовой информации также является каталанский. В стране выходят 6 ежедневных газет (все на каталанском языке): «*Diari d'Andorra*» (с 1991), «*El Periòdic d'Andorra*» (с 1997), «*Bondia*» (с 2004) и др. Национальное телевидение начало свою работу в 1995 году, ранее в стране были доступны лишь французские и испанские телеканалы. Действует государственная телерадиокомпания RTVA (*Ràdio i Televisió d'Andorra*; основана в 2000). Большинство программ – на каталанском языке [Viquipèdia].

Андорре посчастливилось не заниматься вопросами кодификации каталанского языка, поскольку у них была возможность воспользоваться наработками, сделанными в Каталонии. Так, в январе 2017 года Совет Министров Андорры (*Consell de Ministres*) принял в качестве грамматических и орфографических норм те, что были созданы Институтом каталанских исследований (*Institut d'Estudis Catalans, IEC*), а именно, *Gramàtica de la llengua catalana* и *l'Ortografia catalana* [El Periòdic].

Что связывает Андорру с Россией?

Наши соотечественники не обошли вниманием Андорру. Так, в 1934 году свою кандидатуру на престол князя выдвинул русский эмигрант Борис Скосырев. Подготовив свой проект конституции страны, он предложил превратить Андорру в зону с благоприятным налоговым режимом наподобие Монако, Люксембурга и Лихтенштейна. 7 июля 1934 года Скосырев был провозглашен королем Борисом I, но его власть продержалась всего две недели. Франко-испанское со-правление было восстановлено [Viquipèdia].

С тех пор прошло много лет и событий, но некоторые планы неудавшегося русского монарха в Андорре осуществились, она ввела налоговые льготы и стала меккой горного туризма. Отдавая должное россиянам, чье присутствие весьма заметно среди горнолыжников, в Андорре вспомнили гораздо более давние времена и первого отважного россиянина, посетившего их страну в самом начале XX века. Этим первооткрывателем стал известный поэт и художник Максимилиан Волошин, и Министерство иностранных дел Андорры, при содействии посольства России, издало двуязычный сборник его произведений, опубликовав

оригинал и переводы его стихов на каталанский язык в серии *L'Andorra dels viatgers (Els russos)*.

Среди русских путешественников по Андорре он был первопроходцем: находясь в 1901 году в Париже, он решил уехать куда-нибудь от пыльного душного лета, подговорил трех знакомых русских художников, и они купили билет до Тулузы. Дальнейший, и весьма опасный путь через пиренейский перевал они проделали пешком, с трудом найдя проводника, готового ночью провести их по горам. Это приключение поэт описывает в очерке «Андорра» [Andorra i el poeta, 2016, p. 201–210].

Художественными вехами, отметившими начало и конец этого путешествия, стали два стихотворения: «В вагоне» и поэма «Тангейзер».

Первое стихотворение описывает начало этого путешествия, создавая резкий контраст между шумным и суетным напором технического прогресса и безмолвным величием природы, среди которой он вскоре окажется:

<p><i>Снова дорога. И с силой магической Все это вновь охватило меня: Грохот, носильщики, свет электрический, Крики, прощанья, свистки, суетня.</i> [Andorra i el poeta, 2016, p. 319]</p>	<p>De nou de camí. I amb una força màgica De nou tot aixó m'arranca el bull: Renous, el mosso, la llum eléctrica, Cridória, els comiats, el xiulet, trull...¹ [Ibid., p.157]</p>
--	---

Поэт пишет эти строки, направляясь в Андорру, но его лирический герой видит в конце своего пути Россию, просторы которой так же пустынные и величественны.

Второе произведение Волошина посвящено трубадуру XIII века Танзейзеру, прославленному оперой Вагнера и никогда не бывавшему в Андорре. Но Волошин в поэме, находясь под впечатлением своего ночного перехода через Пиренеи, чрезвычайно точно описал пейзаж, где появился крест «и исчез венерин грот», так что переводчик на каталанский утверждает, что «пейзаж этот настолько точен, что я осмелился бы назвать конкретное место Андорры той эпохи: участок

¹ Здесь и далее переводы стихотворения М. Волошина на каталанский язык сделаны Лайей Мартинес Лопес (Laia Martínez i López).

старого пути от Андорра-ла-Велья до Эскалдес, ровно в месте, где вышлся Большой крест»:

Полный мрак. Раскаты грома... И исчез Венерин грот. И певец один на воле, И простор лугов окрест, И у ног его долина, Перед ним высокий крест. [Andorra i el poeta, 2016, p. 321]	Féu la fosca. El tro espetega... I la Gruta s'ha esfondrat, I el cantaire, un a fora, I l'ampladadels purs marjals, I als peus la vall s'hi desplega, La creu alta al seu davant. [Ibid., p. 159]
---	---

Имеет ли какую-либо связь выбор немецкого трубадура, который жил именно в ту эпоху, когда в Андорре был подписан **Акт-пареаж** – неизвестно, но эмоционально-художественная связь несомненна.

Что знал молодой русский поэт об Андорре начала XX века до своей поездки? Только то, что он почерпнул из гимназического учебника Смирновского: «Андорра... Находится в Пиренеях... Занимает площадь в 36 кв км и имеет 6000 жителей»/ Из путеводителя Бедкера он узнает следующее: «Андорра-Вьелла – деревушка в 700 обитателей... Красиво расположена... Постройки бедны и достопримечательностей никаких не имеет, кроме первобытных нравов своих обитателей, государственного устройства да скромного дворца, который служит местом заседания Государственного совета и местом ночлега для его членов... Республика Андорра – маленькое независимое государство... Жителей около 6 тысяч. Главное занятие жителей – контрабанда» [Andorra i el poeta, 2016, p. 213].

Что первопроходец Волошин пишет о стране по возвращении в Париж в письмах друзьям и в статье для «Русской мысли», с которой он сотрудничал?

В письме А. М. Петровой: «Теперь я пишу Вам из самой трущобы Пиреней – из республики Андорры, в которой живу в настоящее время... Вчера я был в гостях у президента республики, господина с коричневым носом, обритыми по-испански усами и бородой и с огромными разноцветными заплатами на разных частях туалета. Надо прибавить, что он же местный трактирщик» [Andorra i el poeta, 2016, p. 213].

В статье для «Русской мысли» он пишет: «Государство очень любопытное. Есть 2 политических партии: консервативная – испанская и либеральная – французская. Главная разница между ними в том, что последняя хочет провести колесную дорогу, а первая нет. Со времен

Карла Великого реформ не было никаких. Войн и свержения династий тоже не было, так что отечественная история не существует. Газет нет и не было, литераторов тоже, но зато почти все грамотны и школы бесплатные. Войска нет. Это ли не идеальная республика?» [Andorra i el poeta, 2016, p. 214].

Второе путешествие поэта в Андорру было кратким, оно продлилось всего лишь два дня, но эта крошечная страна «с местными жителями, которые (включая президента) ни на каком европейском языке, кроме «андорро-испанского жаргона, говорить не могут» [Andorra i el poeta, 2016, p. 227], упоминается затем в его краткой автобиографии среди мест, в наибольшей степени способствовавших его формированию как человека и художника: «В эти годы – я только впитывающая губка... странствую по странам, музеям, библиотекам: Рим, Испания, Балеары, Корсика, Сардиния, Андорра... Лувр, Прадо, Ватикан, Уффици, Национальная библиотека» [Andorra i el poeta, 2016, p. 272].

Заключение

В заключении хотелось бы подчеркнуть, что современная Андорра – это богатая страна с доходом на душу населения свыше 20 тысяч долларов в год и отсутствующей безработицей. Важнейшей отраслью экономики Андорры является туризм, который и обеспечивает это благополучие: каждый год туда приезжает до девяти миллионов туристов. А низкие налоги и отсутствие таможенных пошлин делает эту страну очень привлекательной для международного бизнеса, в том числе и российского. Таким образом, современная Андорра все более открывается миру как международный курорт, а её история и социолингвистическая ситуация вызывают живой интерес и заслуживают внимательного изучения.

Литература

1. БРЭ. Андорра. Большая Российская энциклопедия. <https://bigenc.ru/geography/text/5595660> (дата обращения: 24.01.2021).
2. Andorra i el poeta. Андорра и поэт. Andorra, 1901. Maximilian Voloixin. Максимилиан Волошин. Andorra, 2016.
3. ASOLC. Associació de Sociolingüistes de Llengua Catalana. La situació sociolingüística als territoris de parla catalana a l'inici del segle XXI. <http://www.ub.edu/slc/socio/situacioactualcatala> (дата обращения: 25.01.2021).
4. BOPA. Butlletí Oficial del Principat d'Andorra, 1993, № 24. <http://www.comuna.cat/apropiacion-catalunya/Cdu946-DC46.pdf> (дата обращения: 25.01.2021).

5. Coneixements i usos lingüístics de la població d'Andorra 2014 (1995–2014). Institut d'Estudis Andorrans. Centre de Recerca Sociològica. https://oibc.oei.es/uploads/attachments/350/Coneixements_i_usos_llengua_2014.pdf (дата обращения: 28.01.2021).
6. El Periòdic. Política Lingüística adopta la nova gramàtica del català // El Periòdic, 05.01.2017. <https://www.elperiodic.ad/noticia/55712/politica-linguistica-adopta-la-nova-gramatica-del-catala> (дата обращения: 30.01.2021).
7. La historia d'Andorra amb fotos. – El Copríncipat d'Andorra ara fa molt de temps. <https://www.andorraantiga.com/> (дата обращения: 24.01.2021).
8. La constitució d'Andorra http://www.consellgeneral.ad/ca/accessos-directes/constitucio-i-reglament/copy_of_la-constitucio-del-principat-d-andorra (дата обращения: 25.01.2021).
9. La educació en Andorra en 2021. <https://andorrainsiders.com/educacion-en-andorra-sistema-educativo/> (дата обращения: 28.01.2021).
10. Llei d'ordenament del sistema educatiu andorrà (1994). ВОРА, 1994, №48. <https://ad.vlex.com/vid/d-ordenament-sistema-9-311348714> (дата обращения: 24.01.2021).
11. Llei d'universitats (1997). ВОРА, 1997, №53. <https://ad.vlex.com/vid/llei-d-universitats-311135446> (дата обращения: 24.01.2021).
12. Llei qualificada d'educació (1993). ВОРА, 1993, №51. http://www.consellgeneral.ad/fitxers/documents/lleis-1989-2002/copy_of_llei-qualificada-deducacio-del-3-de-setembre-de-1993.pdf/view (дата обращения: 24.01.2021).
13. Pariatges Andorra 1278-1288. Edició commemorativa del seu set - cents aniversari. Andorra, Govern D'andorra, 1988. 123 p.
14. *Pol i Solé, A.* Refundar l'Institut d'Estudis Andorrans // El Periòdic, 12.07.2016. <https://www.elperiodic.ad/opinio/article/52640/refundar-linstitut-destudis-andorrans> (дата обращения: 30.01.2021).
15. *Torres Pla, J.* Presència social de les llengües a Andorra (1995-2014) // Revista de Llengua i Dret, 2019, №72, p. 127–145. <https://doi.org/10.2436/rld.i72.2019.329> (дата обращения: 25.01.2021).
16. *Vela Palomares, S.* Andorra a la baixa Edat Mitjana (segles XIV–XV). L'estat de la qüestió // Annals. Institut d'Estudis Andorrans, 1991. P. 285–298.
17. Viquipèdia. Andorra – Viquipèdia, l'enciclopèdia lliure. <https://ca.wikipedia.org/wiki/Andorra> (дата обращения: 24.01.2021).

**Elena A. Grinina,
Galina S. Romanova**

Moscow State University of International Relations
(MGIMO University)
eagrinnina@yandex.ru
gromanova.home@gmail.com

Abstract: *This paper is dedicated to the sociolinguistic situation in Andorra. The small mountain country achieved the independence in the Middle Age, but until 1993 had been under a double protectorate of Spain and France. It is the only State having Catalan as one of the official languages. About 60% of all the andorrans use Catalan as everyday language.*

Tourism, being the main sector in the economy of Andorra, makes culture and its vehicle – Catalan language, increase the importance, influencing the statal language policy. We also pay a tribute to the poet Maximillian Voloshin – the first Russian who visited Andorra and reflected his impressions in some of his compositions.

Key words: *Sociolinguistics; language policy; Catalan; Andorra; Pariatges; Maximillian Voloshin*

УДК 811.134.3

Д. Л. Гуревич
МГУ имени М. В. Ломоносова**СТРАТЕГИИ ЭРГАТИВИЗАЦИИ И ПАССИВИЗАЦИИ
У ГЛАГОЛОВ ИЗМЕНЕНИЯ СОСТОЯНИЯ
В ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ**

***Аннотация:** Глаголы изменения состояния в португальском языке представляют собой обширный класс предикатов, обладающих рядом общих семантико-синтаксических черт. Общим семантическим компонентом для глаголов типа *desqualificar, quebrar, assustar* является значение состояния, наступившего вследствие воздействия. Обязательным формальным условием для возникновения семантики изменения состояния является семантическая роль «пациенс», которая приписывается дополнению либо подлежащему. Общей синтаксической чертой для этих глаголов является их способность выражать изменение состояния в активном залоге (каузативные модели), в пассивном залоге (пассивные модели) и в эргативной конструкции (инаккузативные модели). Приоритетное использование той или иной модели не является хаотическим, а зависит от степени встречаемости одушевленного подлежащего в активном залоге, что приводит к распределению глаголов на три класса – строго агентивных, факультативно агентивных и строго неагентивных.*

***Ключевые слова:** португальский язык; глаголы изменения состояния; каузативная модель; инаккузативная модель; пассивный залог; агентивность*

1. Введение

Среди различных классификаций глаголов, построенных по аспектуальному либо семантическому принципу, можно выделить так называемые глаголы изменения состояния. Понятие «состояние», наряду с понятиями «действие» и «свойство», относятся к разным типам денотативных ситуаций, описываемых, соответственно, разными типами предикатов – статальными (бытийными), акциональными (предикатами действия), копулятивными (связочными и предикатами характеристики). В свою очередь «денотативная ситуация», или «ситуация», служит родовым названием и для состояний, и для событий, и для процессов [Comrie, p. 13], что, в принципе, открывает возможность для универсального подхода к анализу предикатов различных акциональных и/или семантических типов. Такой анализ обычно строится на первичности

одного из двух следующих критериев, либо на их комбинации. Первый критерий опирается на соотношение внешнего (дейктического) и внутреннего (внутриситуативного) времени, что предполагает соотнесенность, но не обусловленность внешнего и внутреннего времени за счет друг друга [Comrie, p. 5]; это – аспектуальный критерий, опирающийся на базовое противопоставление динамических и стативных ситуаций, длительных и точечных, предельных и непредельных и позволяющий выделить устойчивые аспектуальные классы, как, например, в широко известных классификациях З. Вендлера [Vendler, 1967] или Ю. С. Маслова [Падучева, 2009] (см. подробный обзор таких классификаций в [Татевосов, 2015, с. 8–13.]). Второй критерий учитывает набор тематических (семантических) ролей, задаваемых предикатом, прежде всего такими как агенс и пациенс, и их соотнесение с грамматическим подлежащим, а также связанный с ролью агенса феномен контролируемости; это – семантический критерий, позволяющий выделить классы глаголов, противопоставленные по своим семантико-синтаксическим характеристикам, как, например, в классификации М. В. Всеволодовой, предложенной для русского языка [Всеволодова, 2000, с. 234–267] (см. более подробно типы классификаций в [Селиверстова, 1982, с. 7–157]). Комбинация аспектуального и семантического критериев позволяет связать аспектуальный класс с синтаксическими возможностями предиката, задающего синтаксические функции актантам с фиксированным распределением между ними семантических ролей.

При таком подходе «состояние» рассматривается как нединамическая (стативная) ситуация, описываемая стательными предикатом, при которой с субъектом (носителем состояния) изменений не происходит, но они могли произойти в прошлом, при этом субъект (носитель состояния) не является агенсом, хотя является грамматическим подлежащим:

- (1) *O atleta está desqualificado*
- (2) *A neve está derretida*
- (3) *O Pedro está preocupado*

С предикатом состояния связан глагол, обозначающий достижение этого состояния, поскольку существует некая динамическая ситуация, обусловившая наступление возникшего состояния [Красухин, 2003, с. 77; Циммерлинг, 2017, с. 17]. Изменение состояния, таким образом, является следствием воздействия динамической ситуации, в рамках которой целенаправленно действует агенс, контролер ситуации, или

нецеленаправленно действует причина, в любом случае приводящие к наступлению нового состояния (стативной ситуации), как это происходит в:

(4) *O árbitro desqualificou o atleta* [агенс] → *O atleta está desqualificado*

(5) *O sol derreteu a neve* [причина] → *A neve está derretida*

(6) *A carta da Maria preocupou o Pedro* [причина] → *O Pedro está preocupado*

Семантика изменения состояния, несмотря на то, что охватывает широкий круг глаголов, причем как переходных (*derreter*; *preocupar*), так и непереходных (*crescer*; *desaparecer*), не привела к формированию грамматической категории в том смысле, что эта семантика не имеет устойчивой, универсальной, морфологически и синтаксически стандартной, не зависящей от типа лексемы языковой манифестации, обслуживающей только рассматриваемое здесь значение, как это происходит, например, с грамматическими формами, обслуживающими категорию времени, лица или наклонения. Это замечание справедливо для иберо-романских языков и для португальского языка, в частности. Так, в португальском языке, в его бразильском варианте, существует целая парадигма морфосинтаксических средств, могущих передавать значение изменения состояния, однако эти средства не являются одинаково приемлемыми для любого глагола изменения состояния (некоторые из них аграмматичны), а среди приемлемых не все обладают более или менее сопоставимой частотностью:

(7) *A neve derreteu* [грамматично, частотно]

(8) **O Pedro preocupou (a si próprio)* [аграмматично, не встречается]

(9) **A neve se derreteu* [аграмматично, не встречается]

(10) *O Pedro se preocupou* [грамматично, частотно]

(11) *A neve ficou derretida* [грамматично, не частотно]

(12) *O Pedro ficou preocupado* [грамматично, очень частотно]

(13) *A neve foi derretida (pelo sol)* [грамматично, частотно]

(14) **O Pedro foi preocupado (pela Maria)* [аграмматично, не встречается]

Возникает закономерный вопрос: существуют ли критерии, регулирующие частотность и приемлемость различных моделей, передающих значение изменения состояния? Попыткой ответа на этот вопрос является данная статья.

2. Семантико-синтаксические особенности глаголов изменения состояния

Глаголы изменения состояния обладают характерной особенностью, отличающей их от глаголов остальных типов. Они, как и остальные глаголы, поддаются декомпозиции, но состоят не из одного, а из двух самостоятельно существующих смысловых компонентов, в принципе не зависящих друг от друга: воздействия и результата воздействия, где воздействие – динамическая ситуация, а результат воздействия – стативная ситуация (ср. пример (5) и (5')):

(5') *O sol agiu de certa maneira [=aqueceu] e a neve está / ficou derretida*
 [динамическая ситуация] [стативная ситуация]

Подобная методика декомпозиции предикатов, предложенная, в частности, в [Jakendoff, 1990; Levin, Rappaport, 2005] и примененная к португальскому языку в [Godoy, 2012; Cançado, 2013], предполагает набор универсальных метапредикатов (типа «действовать», «двигаться», «причинять» и др.) и набор константных значений с конкретной лексической семантикой (типа «таять», «беспокоить»). Таким образом, португальский глагол *preocupar* может быть представлен как «причинять / вызывать состояние беспокойства», где метапредикатом первой, динамической, ситуации является “*causar o estado*” («причинить состояние»), а метапредикатом второй, стативной, ситуации является “*tornar-se / ficar preocupado*” («оказаться в состоянии беспокойства»).

Два смысловых компонента (динамический и стативный), составляющие семантику глаголов изменения состояния, коррелируют с обеими классификациями предикатов. По аспектуальной классификации З. Вендлера, эти глаголы относятся к классу свершений (accomplishments) или достижений (achievements), по семантико-синтаксической классификации, они относятся к классу глаголов, имеющих в обязательном порядке семантическую роль пациенса и могущих иметь, факультативно, также роли агенса либо причины. Глаголы изменения состояния, имеющие и роль агенса или причины, и роль пациенса, являются переходными (*abrir, quebrar, desqualificar, preocupar*); глаголы, имеющие только роль пациенса, являются непереходными (*nascer; aparecer*). Грамматическая функция подлежащего может быть приписана любой из перечисленных семантических ролей:

(15) *O menino* [подлежащее – агенс] *abriu a porta* [пациенс]

(16) *Uma rajada de vento* [подлежащее – причина] *abriu a porta* [пациенс]

(17) *A notícia* [подлежащее – причина] *preocupou o Pedro*

(18) *A porta abriu / A porta se abriu* [подлежащее – пациенс]

(19) *Apareceu um fantasma* [подлежащее – пациенс]

Таким образом, изменение состояния оказывается тесно связанным с аспектуальной характеристикой и с набором семантических ролей, задающих актантную сетку предиката. Необходимыми условиями являются аспектуальное значение предельности, которое исключает бесконечное развитие динамической ситуации и обуславливает наступление последующего состояния, и семантическая роль пациенса, единственная из семантических ролей, коррелирующая с понятием трансформации в результате воздействия (претерпеванием).

Обязательное наличие пациенса как носителя измененного состояния накладывает ограничения на включение в список глаголов изменения состояния как переходных, так и непереходных глаголов. В соответствии с теорией расщепленной непереходности (split intransitivity) [Perlmutter, 1978], непереходные глаголы, имеющие на поверхностном синтаксическом уровне только один актант – подлежащее, – распадаются на две группы в зависимости от того, какая семантическая роль приписывается подлежащему. Если подлежащее – агенс (*dançar, rir, telefonar*), такие глаголы относятся к неэргативному типу. Если подлежащее – пациенс (*cair, nascer, aparecer*), такие глаголы относятся к неаккузативному типу. Таким образом, к глаголам изменения состояния из непереходных относятся только неаккузативные глаголы. Ср. грамматичность в (20) и (21) и аграмматичность в (22) и (23):

(20) *As folhas estão caídas*

(21) *O menino ficou nascido*

(22) **A menina está telefonada*

(23) **O menino ficou rido*

Аналогично, среди переходных глаголов к глаголам изменения состояния можно отнести те, у которых подлежащее и дополнение представлены парой тематической ролей «агенс / причина – пациенс» (*derreter; quebrar*). Глаголы с другой раскладкой тематических ролей при синтаксических актантах не входят в группу глаголов изменения состояния. Например, глагол *piscar* в сочетании *piscar o olho* «подмигнуть (глазом)», несмотря на наличие прямого дополнения (*olho*), не является глаголом изменения состояния, поскольку дополнение *olho* обладает тематической ролью инструмента; равно как и глагол *cursar* в сочетании *cursar a filosofia* «изучать курс философии», где прямое

дополнение *filosofia* реализует роль темы. Ср. грамматичность в (24) и (25) и аграмматичность в (26) и (27):

(24) *O gelo está deretido*

(25) *O vidro está quebrado*

(26) **O olho está piscado*

(27) **A filosofia está cursada*

Семантика изменения состояния тесно связана с семантикой пассива, поскольку пассивизация напрямую указывает на трансформацию, которую претерпевает носитель изменений и косвенно указывает на свершившееся изменение:

(28) *O menino estragou o computador* $\leftarrow \rightarrow$ *O computador foi estragado pelo menino*

(28') *O computador está / ficou estragado para sempre*

В португальском языке существует, не считая модели с пассивирующим значением морфологического элемента *se*, как минимум, три модели пассивных конструкций аналитического типа: *ser* + причастие, *ficar* + причастие, *estar* + причастие. Первая соотносится с действием (*passiva de ação; passiva verbal*), две другие соотносятся с состоянием, наступившим в результате действия (*passiva de estado; passiva resultativa*). Основное отличие пассива действия (*ser*) от пассива состояния (*estar; ficar*) заключается в наличии или отсутствии параметра агентивности (другие отличия между этими типами пассива отмечены в [Duarte, 201, p 441; Martins, Nunes, 2016, p 320]). Так, пассив действия (*ser* + причастие) предполагает наличие агентивности, поэтому всегда допускает агентивное дополнение, тогда как пассив состояния нет. Ср. грамматичность в (29) и аграмматичность в (30):

(29) *O computador foi estragado (pelo menino)*

(30) *O computador ficou estragado (*pelo menino)*

Наконец, еще одной особенностью переходных глаголов изменения состояния является их способность к эргативизации, то есть к маркированию изменения состояния без внешнего участника, когда двухэлементная семантико-синтаксическая сетка предиката «подлежащее – агентс / причина» + «дополнение – пациенс» заменяется одноэлементной сеткой «подлежащее – пациенс», как это происходит при сопоставлении примера (31) и примеров (32) – (33):

(31) *O menino quebrou o vaso*

(32) *O vaso quebrou*

(33) *O vaso se quebrou*

Примеры (32) и (33) не противопоставлены ни семантически, ни грамматически, они полностью синонимичны, по крайней мере, внутри бразильского варианта португальского языка. Глаголы типа *quebrar* относятся к группе лабильных [Летучий, 2009; Vivanco, 2017], когда одна и та же морфологическая форма глагола может иметь и переходное значение, как в примере (31), и непереходное, как в примере (32). Маркирование непереходного значения с помощью прономинального элемента *se* является, таким образом, факультативным, следовательно, его наличие или отсутствие регулируется не грамматической правильностью или ошибочностью, а зависит от частотности [Гуревич, 2018].

Краткий обзор семантико-синтаксических особенностей глаголов изменения состояния позволяет сформулировать гипотезу: существует зависимость между агентивностью глагола (подлежащее – агенс), типом эргативизации (наличие или отсутствие *se*) и типом предпочтительной пассивной конструкции (*ser* либо *ficar*).

3. Критерии отбора и характеристика материала

Для дальнейшего анализа было введено теоретическое ограничение, состоящее в следующем: были отобраны только те глаголы изменения состояния, которые имеют переходное и непереходное значение и при этом образуют так называемое каузативное чередование (*abrir – arbrir-se*, *preocupar – preocupar-se*), где прономинальный элемент *se* является показателем непереходного (конкретно, инаккузативного) значения, когда изменение состояния происходит без указания внешней причины («само по себе»). Вследствие данного ограничения не были включены переходные глаголы, не имеющие инаккузативных реализаций, а имеющие только каузативную (активную, агентивную) модель (типа *construir*, *comprar*), для таких глаголов отсутствие прономинальной формы указывает исключительно на активное значение глагола, а наличие прономинальной формы указывает на пассивное или безличное значение, но не на инаккузативное. Также не были включены непереходные глаголы, не имеющие активных (каузативных) моделей (*cair*, *nascer*, *(des)aparecer*) и, как следствие, также не допускающие каузативного чередования.

Анализируемые глаголы изменения состояния были разбиты на три группы, в соответствии с классификацией, предложенной в [Cançado, 2013]: глаголы строго агентивные, факультативно агентивные и строго неагентивные. В основе такой классификации лежит

семантическая роль подлежащего. Если подлежащее может быть только агенсом, то глагол является строго агентивным (*desqualificar*), если подлежащее может быть агенсом либо причиной / инструментом, то глагол является факультативно агентивным (*abrir*), если подлежащее может быть только причиной, то глагол является строго неагентивным (*preocupar*). Термин «агентивность» указывает на способность актора в роли подлежащего самостоятельно, без дополнительных средств, совершать интересующее действие и на способность контролировать такое действие. Так, например, глагол *desqualificar* («дисквалифицировать») является агентивным, а глагол *assustar* («испугать») не является агентивным. Необходимо уточнить, что неагентивность не означает, что одушевленное существительное не может быть подлежащим. Неагентивность означает, что одушевленное существительное не может воздействовать «само по себе», оно нуждается в помощи средств или инструментов (причин), ведущих к воздействию. Эти инструменты (причины) необязательно эксплицируются, но всегда допускают экспликацию, и именно семантическая роль инструмента / причины выступает реальной действующей силой, а одушевленное существительное в позиции подлежащего является псевдо-инструментом (темой):

(34) *O menino assustou o gato (com o grito) → O menino assustou o gato porque gritou → O grito do menino assustou o gato*

Напротив, агентивность означает, что одушевленное существительное в качестве подлежащего может действовать «само по себе», потому что обладает некими неотъемлемыми свойствами, позволяющими действовать таким образом. Ср. грамматичность (35) и аграмматичность (36):

(35) *O árbitro desqualificou o atleta → O árbitro desqualificou o atleta porque era árbitro*

(36) *O menino assustou o gato *porque era menino*

Аналогично, строго агентивные глаголы допускают в функции подлежащего формально неодушевленные существительные, всегда артефакты, имеющие обычно социально значимую силу (законы, нормы, кодексы, статьи, издания СМИ и т. п.). При строго агентивных глаголах реальный актор действует с помощью таких норм и средств, формально как бы «скрываясь» за ними, а неодушевленное подлежащее можно считать псевдо-агенсом:

(37) *Foi o Direito Romano, que institucionalizou os princípios básicos da vida em sociedade e da existência do Estado → Foram os romanos antigos que através do direito romano institucionalizaram os princípios básicos...*

Всего было рассмотрено 79 глаголов, из них 22 глагола строго агентивных, 30 глаголов факультативно агентивных и 27 глаголов строго неагентивных. К группе строго агентивных относятся глаголы институциональных действий, требующие для своей реализации наличие социальной структуры (*beatificar, desqualificar, emancipar*, etc); к группе факультативно агентивных относятся преимущественно глаголы изменения физического состояния объекта (*abrir, aquecer, congelar*, etc.); к группе строго агентивных относятся так называемые психологические глаголы, указывающие на эмоционально-психическое состояние человека. Каждый глагол был проанализирован по степени встречаемости в следующих грамматических контекстах: 1) активный залог (каузативное употребление, переходное) с одушевленным подлежащим; 2) активный залог (каузативное употребление, переходное) с неодушевленным подлежащим; 3) иначекаузативное употребление (непереходное) без прономинального элемента *se*; 4) иначекаузативное употребление (непереходное) с прономинальным элементом *se*; 5) пассивный залог, в конструкции пассива состояния (*ficar* + причастие); 6) пассивный залог, в конструкции пассива действия (*ser* + причастие). Все контексты были заимствованы из электронного корпуса бразильского варианта португальского языка CORPUSDOPORTUGUES.

4. Результаты исследования

Приведенные в этом разделе данные организованы следующим образом: глаголы разбиты по группам в соответствии с параметром агентивности; для каждой группы указано количество контекстов в каузативном / иначекаузативном употреблении с уточнением по каждому типу и количество контекстов в пассивном употреблении из расчета на такое же количество контекстов. Такой статистический подход позволяет оценить процентное соотношение пассивных и иначекаузативных конструкций для каждой группы глаголов. Разница в количестве контекстов объясняется большей или меньшей частотностью глаголов. После таблиц в качестве иллюстрации приведены типовые контексты для глагола в каждой группе.

ТАБЛИЦА 1
СТРОГО АГЕНТИВНЫЕ

beatificar, consagrar, convalidar, desqualificar, emancipar, estatizar, federalizar, formalizar, institucionalizar, legalizar, legitimar, militarizar, nacionalizar, oficializar, privatizar, profissionalizar, qualificar, regulamentar, regularizar, sacralizar, unificar, validar

Количество контекстов с каузативным и иначекаузативным употреблением 2004

Каузативные употребления 1885 94%		Иначекаузативные употребления 119 6%	
Подлежащее АГЕНС (одуш)	Подлежащее ПСЕВДО- АГЕНС (неодуш)	Непрономи- нальные употребления НЕТ <i>SE</i>	Прономиналь- ные употребления ЕСТЬ <i>SE</i>
1791 95% от каузативных	94 5% от каузативных	10 1% от общего кол-ва контек- стов	109 5% от общего кол-ва контек- стов

Количество контекстов с пассивным употреблением 689
(при выборке в 2004 контекста)

FICAR+PART	SER+PART
13 0,6% из расчета на 2004 контекста	676 33% из расчета на 2004 контекста

(38) *Ptolomeu, por conselho de Aristéias emancipou 100 mil escravos* [каузат., одуш.]

(39) *A revolução feminista em nada emancipou as mulheres* [каузат., неодуш.]

(40) *É uma religião na qual a culpa se emancipou de todo pecado* [иначекауз., прономин.]

(41) *Desde que emancipou Malibu perdeu 6 milhas de costa* [иначекауз., непрономин.]

(42) *O município de Amambai foi emancipado de Ponta Porã* [пассив, ser]

ТАБЛИЦА 2
ФАКУЛЬТАТИВНО АГЕНТИВНЫЕ

abrir, afundar, apagar, aquecer, aumentar, bloquear, colar, congelar, contaminar, derreter, desligar, diminuir, dobrar, encolher, esfriar, espalhar, esquentar, estabilizar, estragar, extinguir, fechar, fundir, juntar, quebrar, queimar, rasgar, recuperar, romper, secar, separar

Количество контекстов с каузативным и иначекаузативным употреблением 4500

Каузативные употребления 2618 59%		Иначекаузативные употребления 1882 41%	
Подлежащее АГЕНС (одуш.)	Подлежащее ПРИЧИНА / ИНСТР (неодуш.)	Непрономи- нальные употребления НЕТ <i>SE</i>	Прономиналь- ные употребления ЕСТЬ <i>SE</i>
1778 68% от каузатив- ных	840 32% от каузатив- ных	1426 32% от общего кол- ва контекстов	456 10% от общего кол- ва контекстов

**Количество контекстов с пассивным употреблением 563
(при выборке в 4500 контекстов)**

FICAR+PART	SER+PART
30	533
0,6% из расчета на 4500 контекстов	12% из расчета на 4500 контекстов

(43) *O homem demonizado **quebrou** as algemas com que estava preso* [каузат., одуш.]

(44) *O **palha** que **quebrou** as costas do camelo* [каузат., неодуш.]

(45) *Quando cheguei no meio a **ponte se quebrou** e quase me afoguei* [иначекауз., прономин.]

(46) *A **mascara** caiu e **quebrou*** [иначекауз., непрономин.]

(47) *O meu **cabelo** na frente **ficou** muito **quebrado*** [пассив, ficar]

(48) *Um **osso** do antebraço **foi quebrado*** [пассив, ser]

ТАБЛИЦА 3
СТРОГО НЕАГЕНТИВНЫЕ

aborrecer, acanhar, apavorar, assustar, cansar, chatear, confundir, constranger, contentar, comover, decepcionar, entristecer, espantar, desanimar, desesperar, emocionar, empolgar, encantar, enfiurecer, fascinar, impressionar, indignar, irritar, magoar, preocupar, revoltar, surpreender

Количество контекстов с каузативным и инаккузативным употреблением 3839

Каузативные употребления 2302 60%		Инаккузативные употребления 1537 40%	
Подлежащее ПСЕВДО- ИНСТРУМЕНТ (одуш.)	Подлежащее ПРИЧИНА / ИНСТР (неодуш.)	Непрономи- нальные употребления НЕТ <i>SE</i>	Прономиналь- ные употребления ЕСТЬ <i>SE</i>
542 23% от каузативных	1760 77% от каузативных	134 3% от общего кол- ва контекстов	1403 37% от общего кол- ва контекстов

**Количество контекстов с пассивным употреблением 971
(при выборке в 3839 контекстов)**

FICAR+PART	SER+PART
864	107
22% из расчета на 3839 контекстов	2,8% из расчета на 3839 контекстов

(49) *O Diabo de Jersey apavorou uma criança* [каузат., одуш.]

(50) *A ideia dum encontro entre Elvis e os Beatles simplesmente apavorou muita gente* [каузат., неодуш.]

(51) *A minha professora de literatura se apavorou quando leu aquilo* [инаккуз., прономин.]

(52) *Ele apavorou com isso e cometeu um erro* [инаккуз., непрономин.]

(53) *O carteiro ficou apavorado com o tamanho do cachorro* [пассив, ficar]

Как показывает анализ приведенных данных, у строго агентивных глаголов практически отсутствуют иначекаузативные употребления (6%), процент пассивных конструкций с *ser* максимальный (33%), процент пассивных конструкций с *ficar* минимальный (0,6%). В каузативном употреблении подлежащее представлено почти исключительно одушевленным агенсом. Иначекаузативное значение выражается почти с некоторым преобладанием прономинальной формы (5% всех употреблений).

У факультативно агентивных глаголов каузативное и иначекаузативное употребление распределились более равномерно (59% и 41%, соответственно), процент пассивных конструкций с *ser* составляет 12%, процент пассивных конструкций с *ficar* – 0,6%. В каузативном употреблении одушевленное подлежащее – агенс преобладает над неодушевленным (68%). Иначекаузативное значение выражается с явным преобладанием непрономинальной формой (32% всех употреблений).

У строго неагентивных глаголов каузативное и иначекаузативное употребление также распределены достаточно равномерно (60% и 40%, соответственно), процент пассивных конструкций с *ser* крайне низок (2,8%), процент пассивных конструкций с *ficar* максимальный (0,6%). В каузативном употреблении преобладает неодушевленное подлежащее инструмент / причина (77%). Иначекаузативное значение выражается почти исключительно прономинальной формой (37% всех употреблений).

5. Выводы

Проведенное исследование показывает, что тип агентивности у глаголов изменения состояния коррелирует с распределением частотности употреблений между каузативной (активной), иначекаузативной и пассивной конструкциями. Строго агентивные глаголы имеют самый высокий процент пассивных конструкций с глаголом *ser* (33%), факультативно агентивные глаголы имеют средний процент (12%), строго неагентивные глаголы имеют самый низкий процент (2,8%). Напротив, пассивная конструкция с глаголом *ficar* характерна почти исключительно для глаголов строго неагентивного типа (22%) и имеет низкие показатели для двух типов (по 0,6% у каждого из них). С этой закономерностью коррелируют показатели иначекаузативного употребления в прономинальной форме: самый низкий показатель у строго агентивных глаголов (5%), средний – у факультативно агентивных глаголов (10%), самый высокой у строго неагентивных глаголов (37%). Общее количество пассивных употреблений (*ser* и *ficar* вместе взятые)

оказывается более высоким у глаголов с преобладанием прономинальной формы в инаккузативном употреблении – строго агентивные и строго неагентивные глаголы, и менее высоким у глаголов с преобладанием непрономинальной формы в инаккузативном употреблении – факультативно агентивные глаголы.

В целом можно сказать, что у глаголов изменения состояния частотность употребления прономинальной формы в инаккузативном значении и пассива с *ser* находятся в обратной пропорции, а непрономинальная форма характерна только для одного подкласса глаголов изменения состояния, для глаголов с факультативной волитивностью. Глаголы с максимально высокой агентивностью имеют самый низкий процент прономинальных употреблений в инаккузативном значении и самый высокий процент пассивных конструкций с *ser*; глаголы с минимальной агентивностью имеют самый высокий процент прономинальных употреблений в инаккузативном значении и самый низкий процент пассивных конструкций с *ser*.

Литература

1. *Всеволодова М. В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Изд-во Московского университета, 2000. 502 с.
2. *Гуревич Д. Л.* Абсолютные конструкции в португальском языке Бразилии // Казанская наука, 2018. №11. С. 104–106.
3. *Красухин К. Г.* Предикаты состояния. // Вестник МГУЛ – Лесной вестник, 2003. №4. С. 77–86.
4. *Летучий А. Б.* Типология лабильных глаголов // Вопросы языкознания, 2009. №4. С. 41–71.
5. *Падучева Е. В.* Лексическая аспектуальность и классификация предикатов по Маслову – Вендлеру // Вопросы языкознания, 2009. №6. С. 3–20.
6. *Селиверстова О. Н.* (отв. ред.). Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. 365 с.
7. *Татевосов С. Г.* Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. М.: Языки славянской культуры, 2015. 368 с.
8. *Циммерлинг А. В.* Внутри и снаружи: к типологии предикатов состояния // Арутюнова Н.Д. (отв. ред.) Логический анализ языка. Человек в интерьере. Внутренняя и внешняя жизнь человека в языке. М.: Издательский дом Языки славянской культуры, 2017. С. 17–41.
9. *Cançado M., Godoy L., Amaral L.* Catálogo de verbos do português brasileiro. Vol. 1. Verbos de mudança. Belo Horizonte: Ed. UFMG, 2013. 404 p.
10. *Comrie B.* Aspect. Cambridge University Press, 1976. 142 p.
11. CORPUSDOPORTIGUES. URL: <https://www.corpusdoportugues.org>. (дата обращения 15.01.2021).

12. Duarte I. Construções ativas, passivas, incoativas e médias // Raposo E. P. B., Bacelar do Nascimento M. F. et al. Gramática do português, Vol 1. Lisboa: Fundação Calouste Gulbenkian, 2013. P. 427–458.
13. Godoy L. A reflexivização no português brasileiro e a decomposição semântica de predicados. Tese (doutorado). Faculdade de Letras. Universidade Federal de Minas Gerais, 2012. 154 p.
14. Jakendoff R. Semantic structures. Cambridge: MIT Press, 1990. 322 p.
15. Levin B., Rappaport Hovav M. Argument realization. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 278 p.
16. Martins A. M., Nunes J. Passives and Se Constructions // Wetzels W. L.; Menuzzi S.; Costa J. (Eds.). The Handbook of Portuguese Linguistics. USA: Wiley-Blackwell, 2016. 595 p.
17. Perlmutter D. M. Impersonal passives and the unaccusative hypothesis. Annual meeting of the Berkeley Linguistics Society. V. 4. 1978. P. 157–190.
18. Vendler Z. Linguistics in Philosophy. Cornell University Press, 1967. 211 p.
19. Vivanco M. La conceptualización de los eventos de cambio de estado y la alternancia lábil en español // ELUA, 2017. N. 31. P. 327–347.

Dmitry L. Gurevich

Lomonosov Moscow State University

caipira@yandex.ru

Abstract: *Verbs denoting change of state in Portuguese are a large group of verbs that share a number of syntactic and semantic features. The element common to the verbs like desqualificar, quebrar, assustar is the idea of change of state as a result of the corresponding action. The necessary formal prerequisite for the development of change-of-state semantics is the semantic role of “patient” that is ascribed either to the complement or to the predicate. The common syntactic feature of these verbs is their ability to express change of state in active voice (causative models), passive voice (passive models) and in ergative construction (unaccusative models). The preference for a certain model is not arbitrary: it depends on the frequency with which animate subject occurs in active constructions. Thus, the verbs in question fall into three categories: strictly agentive, optionally agentive and strictly unagentive.*

Key words: *Portuguese; change-of-state verbs; causative model; unaccusative model; passive voice; agentivity*

УДК 811.134

М. В. Зеликов
РГПУ имени А. И. Герцена

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КАТЕГОРИИ ИБЕРО-РОМАНСКОЙ ПАРТИТИВНОСТИ

Аннотация: Возможность существования партитивного выражения объекта конструкции с предлогом *de* (артиклевый и безартиклевый) в языках и диалектах Пиренейского п-ва (в диахронии) была отмечена еще В. Ф. Шницмаревым. Особенности современной парадигмы партитивных отношений языков и диалектов иберо-романского ареала составляют: 1) модели партитивного оформления именного компонента сказуемого; 2) существование форм партитивных местоимений в астурийском; 3) использование безличных моделей с производными латинского *habere*.

Ключевые слова: партитивность; генитивность; диахрония; синхрония; диалектология; языки в действии

Партитивность определяется как существенная субкатегория универсальной понятийной категории принадлежности (посессивности), составляющей, в свою очередь, одну из категориальных особенностей глоттогенеза¹. Указывая на грамматические отношения части и целого (на значения части по отношению к целому, то есть парциальности), она также выражает неотторжимую принадлежность [ЛЭС, с. 389; Якушин, 1985], как одно из проявлений *генитивности*, покрывающей существенный фрагмент экспликации субъектно-объектных отношений предложения-высказывания. Стандартным способом выражения партитивности (парциальности), функционирующей как морфо-синтаксический ресурс в языках мира, является партитив-падеж – морфологически самостоятельный (в финно-угорских, в баскском

---

¹ Так, в частности, являющаяся разновидностью более общей категории реляционности, посессивность, еще задолго до прозрений лингвистического когнитивизма, являлась «ярким примером того, что называют эгоцентрической моделью мира, антропоцентризмом языка» [ТФГ, с. 102]. Об обладании как о важнейшем условии становления человеческой личности см. [Романов, 1978]. Ср.: *быть / быть у кого-то = иметь*. О многочисленных экспликациях онтологического тождества *бытие = обладание* в иберо-романских языках см. в [Зеликов, Иванова, 2020].

и др. языках) и несамостоятельный (функциональный), как, например, в русском, в котором он омонимичен собственно родительному (*купи черного*), либо дательному (*купи сыру*) [ЛЭС, с. 356, 396]¹. Средства неморфологических экспликаций выражения партитивности являются находящиеся в фокусе нашего внимания предлогные и местоименные модели иберо-романских языков. Факт отрицания наличия у них категории партитивности [ССГРЯ, с. 109, 154]² и, в частности, в испанском («формальной категории партитивности») [ЯМ, с. 428], в котором они действительно существуют [Mallén, 1990], обусловлен сразу несколькими причинами. Одной из них, как мы уже отмечали ранее [Зеликов, 2003а, с. 31], является фокусирование основного внимания на изучении лишь одной ее манифестации, выражаемой моделью с использованием артикля. Так или иначе, это диктует положение о том, что отсутствие функционирования «партитивного артикля» указывает на отсутствие категории партитивности в языковой системе вообще³. Между тем, еще В. Ф. Шишмарев, писавший, что в испанском артиклевые партитивные модели (ср. *dandos del agua* (Cid, 2798) «дайте нам воды») «к XVI веку вымерли» [Шишмарев, 1941, с. 135]⁴, также отметил, что «основным элементом... оборота (с «партитивным артиклем») является (предлог) *de*» [Шишмарев, 1952, с. 52] и использование в нем семантически иррелевантной и в сущности избыточной артиклевой формы ничего собственно не меняет. Ср. абсолютную идентичность ит. *No bevuto del / *de vino* «Я выпил вина / вино». Подробнее см. в [Зеликов, 2003а, с. 31–32]. В испанском в этом случае появление партитивного оборота возможно, в частности, в сложном предложении с уточняющим придаточным относительным. Ср.: *Bebió el vino, no*

---

¹ Ср. также датив «Это ж надо! А *трезвону* подняли!» [Галич, с. 104] вместо аккузатива подняли *трезвон*.

² Также, вопреки заявленному в этой монографии, партитивность в южнофранцузском ареале отмечается не только для провансальского, но и для гасконского. Помимо беспредложных моделей типа *Se bós bi?* [Rohlf, 1935, p. 121] «Не хочешь ли вина?» ср. также *Aqueth òme qu'a de granis ostaus* «У этого человека есть большие дома» [ЯМ, с. 329], букв. «больших домов».

³ Так, например, в статье, посвященной языковому состоянию современного галисийского языка, освещение проблемы партитивности сводится только к сообщению о том, что «партитивный артикль отсутствует» [ЯМ, с. 529]. Тем не менее, о наличии партитивности, выражаемой безартиклевыми моделями, свидетельствуют примеры, о которых см. в этой статье ниже.

⁴ Однако на возможность слияния *de* с артиклем указывает относящийся к середине XVI века текст «Ласарильо»: ...*partía conmigo del caldo* (Lazarillo, I) = совр. *compartía el caldo conmigo* «делил со мной бульон».

Vebió del vino que llevaban «Выпил вина, которое приносили»¹. Другим следствием недостаточного внимания к фиксации феноменов безартиклевой иберо-романской партитивности, в отечественной пиренеистике является то, что ее примеры, содержащиеся в оригинальных текстах, зарубежными авторами учебников и учебных пособий обычно никак не комментируются. Так, например, все партитивные образования, встречающиеся в каталанских текстах учебника Р. Латорре и Гайа [Latorre i Gaia, 1978] и сопровождаемые переводами в параллельных испанских текстах, несмотря на очевидное структурное несоответствие, которое может быть отмечено при сопоставлении обоих языков, не объясняются. Ср.: кат. *L'Eloy sempre ha anat molt de gust a l'escola* ≠ исп. *Eloy siempre ha ido gustoso* (также *con mucho gusto* – М. З.) *a la escuela* [ibid, p. 126–128] «Элой всегда ходил в школу с большим удовольствием»; кат. *Hola, quant de temps sense veure'ls* ≠ исп. ¡Hola! ¡Cuánto tiempo sin verlos! [ibid, p. 159–161] «Привет! Как долго я вас не видел!» и мн. др. (подробнее – в [Зеликов, 2003а, с. 32]). Основная причина неудовлетворительного состояния вопроса об изучении категории партитивности в языках и диалектах иберо-романского ареала лежит в недостаточном внимании в работах отечественных грамматистов к фактам *диахронии*, *диалектологии*, а также к конкретному материалу «языков в действии». Как показывает анализ данных, имеющих отношение к первому аспекту, в латыни значение партитивного генитива (не имевшего автономной морфологической формы) выражалось флексиями родительного падежа: *Hispania postrema omnium provinciarum perdomita est* (Liv., 28, 12) «Из всех провинций Испания покорена была последней» [Соболевский, 1948, с. 159]. Тем не менее, «разговорные» формы, указывающие на возможность использования аналитических моделей с *de*, отмечаются уже у Плавта: *de meo* [Grandgent, 1908, p. 43] «моего»². Об использовании

¹ Тем не менее, о партитивном артикле, как именно о центральном элементе категории, свидетельствует, например, замечание о том, что «его функции в провансальском выполняет предлог *de*... что и дает повод говорить о присутствии категории партитивности у провансальского имени» [ССГРЯ, с. 154]. Нельзя не отметить при этом, что использование артикля без предлога повода говорить о присутствии категории партитивности в каком-либо романском языке, разумеется, не предоставляет...

² В народной латыни они составляют основной способ выражения партитивности. Ср.: *de pomis* = 'some apples' [ibid] «несколько яблок»; *Date nobis de oleo vestro* (Vulgata, San Matteo, 25) [Silva Dias, 1970, p. 136] «Дайте нам вашего масла». Понятно, что ни о каком вспоможении артиклем, находившемся только в стадии формирования, эти образования не нуждались.

обеих разновидностей партитивного оборота – с артиклем и без него – свидетельствуют многочисленные примеры, содержащиеся в средневековых памятниках романских языков Пиренейского п-ва. Ср.: *dio les de oro e de plata* (I Cronica general) «дал им золота и серебра» [Шишмарев, 1941, с. 135]; *diolo de las espuelas* (FG, 254) «пришпорил его», *non tengo de trigo* (ibid, 234) «нет у меня зерна»; *yo vos dare del trigo* (LA, 86с) «я дам вам зерна», *los dos* (ibid, 206с), восходящее к имеющему «партитивное значение» *dos de los tres* [Monedero, 1987, p. 158] «двое из трех»; ...*tant eran de bellidas* (Oria, XXXIII^d), букв. «...такие они были от красавиц» и др. То же – в старопортугальском: *Deram-lhes ali de comer pa o...* «Им дали отведать хлеба» [Зененко, 2001, с. 15]; *depois... deyttem-lhe do mell e do sall e do azeite* [Silva Dias, 1970, p. 103] «затем... положите туда меда, соли и масла». О каталанских примерах см. также в [Ласа, 1984]. О несомненном своеобразии феномена иберо-романской партитивности свидетельствует *диалектологический* материал. В наибольшей степени это относится к астурийскому. Так, помимо «обычных» моделей партитивного артикля (ср.: *Nel cai hai delles botes* [DBLA, p. 43] «В порту много лодок») также отмечается слияние *de* с различными местоимениями¹. С личными: *dél, della, dello, dellu* (распространенные во всем леонском регионе: *dai dellu* [Alvar, 1960, p. 23] «дай это (букв. *этого*)»); характерную особенность астурийского составляют партитивные образования с неопределенными и притяжательными местоимениями. В числе первых – *dal(u, u), dengún(o, a)* «никто», *dalgún* «некто, нечто», *daquí* «что-то», *daquién* «кто / какой-нибудь», соответствующие обычным кастильским формам без *de* (*ningún, -o, -a; algún, -o, -a; algo, alguien*). Ср.: *La policia cachéolu por si tenía dalguna cosa escondida* [DBLA, p. 48] «Полицейская обыскала его, чтобы посмотреть не прячет ли он чего-нибудь»; *Fui ver si atopaba daqué y dala cosa vi per alli* [ibid, p. 79] «Я пошел найти что-нибудь и ничего там не увидел»; *Que venga dalgún* [ibid] «Пусть кто-нибудь придет»; *Dame daqué pa dir al cine* [ibid] «Дай мне что-нибудь, чтобы пойти в кино». Особой самобытностью отличаются партитивные притяжательные местоимения. В отличие от хорошо известных португальских (*o amigo dele / dela* «его / ее друг» вместо *o seu / a sua amigo / amiga* «его друг / ее подруга») и арагонских форм (*o libro d'ella* вместо *o suyo*

¹ Конструкции слияния *de* с указательными местоимениями хорошо известны в старопанском и старопортугальском. Ср.: *Comed, conde deste pan e beved deste vino* (Cid, 1025); *Não quiseram daquilo quase nada* «Из этого (угощения) они почти ничего не хотели отведать» [Зененко, 2001, с. 15].

libro или o libro suyo «ее книга») [Gimeno Monterde, 1991, p. 16]¹, имеющих любопытное структурное сходство с баскским притяжательным местоимением 3-го лица ед. ч. bere «его, ее» (букв. = исп. *de él*, но ≠ *su*) в астурийском предлог *de*, помимо форм 3-го лица регулярно также сопровождает формы 1-го и 2-го: *de mio / miou, de to, de nuestro, de vuestro, de so*. Ср.: *D'esta cárcova p'allá ye'l prau de mio* [DBLA, p. 54] «От этого межевого знака простирается мой луг». Эти образования аналитического посессива, известные уже в староастурийских памятниках [García Arias, 1979–1980], Г. Алонсо Мехидо рассматривает как отличные от обычных посессивных моделей (*El nenu mio* «Мой ребенок»), видя в них реликт генитивных словосочетаний местоимений с предлогом [Alonso Megido 1983, p. 21]. О партитиве в бабле см. также [Cano González, 1985]. В арагонском (как и в каталанском) партиитивность, помимо предложных моделей, выражается адвербиальной частицей *ne* (< лат. *inde*): *no en tengo, do-me-ne* «у меня этого нет, дай мне это» [ЯМ, с. 556]; *Conejos, mi marido en mata muchos* [Lacas Carrascosa 2010, p. 197] «Кролики, мой муж их убивает многих»².

Как представляется, конкретному исследованию понятийной субкатегории партиитивности в отечественной иберо-романистике помешало появление в середине 50-х гг. XX века статьи Е. Д. Панфилова [Панфилов, 1954]. Автор, довольствуясь анализом нескольких предложных моделей (в их числе тривиальных образований с *de*), практически нивелировал способность предлогов выражать (синтаксически) падежные отношения. В настоящее время нельзя без сожаления констатировать, что материал известных теоретических и практических грамматик удовлетворительному изучению проблемы партиитивности, арсенал которой существованием оборотов с *de ne* ограничивается, не способствует. Так, в частности, в теоретической грамматике испанского языка ее рассмотрению, как и других понятийных категорий, внимание не уделяется³. Содержание практических грамматик

¹ В кастильском модель *el amigo de él* является факультативной.

² Значение частицы *en* в этом примере идентично итальянской *ne*, также участвующей в образовании партиитивных высказываний. Ср.: *Ne arriveranno molti* «Их придет много».

³ Авторы ограничиваются приведением материала из «Испанской грамматики» М. Криадо де Валь о трех способах выражения значения партиитивности [Васильева-Шведе, Степанов, 1972, с. 197], которая, в испанском, безусловно, является категорией не грамматической, а понятийной. Кроме того, как отмечают сами авторы, в этой теоретической грамматике «типизированные конструкции разговорного синтаксиса не рассматриваются» [они же, 1981, с. 56]. В появившейся в конце XX века

составляет описание нормативных литературных примеров, даже в малой мере не отражающих функционирование разговорных языков – сферы существования феномена партитивности¹, остающегося без экспликации и в работах *генеративного направления* в грамматике, авторы которых оперируют фактами, имеющими недостаточное и поверхностное отношение к эмпирическим данным «языков в действии».

В большинстве случаев морфологические и синтаксические формы партитива используются для выражения объекта, выражаемого преимущественно неисчисляемыми существительными. Ср.: *De todo hay en el mundo* «Все есть (букв. *всего* есть) на свете» у Сервантеса (NE, 32); ...*pero romeros comen de todo* (PJ, 297) «...но паломники едят *все(го)*». Модель с обобщающим местоимением в функции объекта² можно отметить и в других языках полуострова: порт. ...*onde pode haver de tudo* «где может быть *все(го)*» в переводе романа «Улей» К. Х. Селы (Colmeia, 54) – исп. ...*donde puede haber de todo* (Colmena, 60); галис. *Onde se dan tomates dáse de todo* (Rivas, 26) «Где дают помидоры, дают *все(го)*», *Nos barcos hai de todo* (ibid, 120) «В лодках есть *все(го)*». Особенно примечательным является ее безусловно некалькированное с испанского присутствие в баскском. Так, *denetarik* «всего» (от *den* «все») полностью соответствует исп. *de todo*. Ср. в переводе вопросно-ответного единства *Zer jarri duzue fruta entsaladan?* – *Denetarik...* – *¿Qué han puesto en la ensalada de frutas?* – *De todo...* [Beaumont, Lascano, 1998, p. 134–135] «Что (букв. чего) вы положите в салат? – Всего...». Исп. партитивная безличная конструкция с глаголом действия *hacer de noche* (также *es de noche* – аккумулят. *hacer noche*) полностью соответствует каталанской: ...*ya se había hecho de noche* – ...*ja s'havia fet de nit* (Roig, 106) «...уже наступила ночь». Ср. также модели с объектным инфинитивом: исп. *doy de beber a alguien*, порт. *dou de beber a alguem* «даю кому-нибудь попить»,

---

теоретической грамматике португальского языка о партитивности говорить только в связи с опущением артикля [Неустроева, 1997, с. 56].

¹ Безусловно удачным исключением является приведение примера употребления *de* (с артиклем) с неисчисляемым существительным «указывающего на часть от целого»: *El hombre bebió del agua*. Сопровождаемый адекватным переводом: «Человек *отпил* воды» [Виноградов, 1990, с. 249], он, таким образом, представляет импликацию категории партитивности (частичности) в испанском. В более ранней монографии [Деев, 1973], посвященной системному рассмотрению испанских предлогов, о возможности ее выражения оборотами с *de* ничего не сообщается.

² Она приводится, но не определяется в качестве партитивной в «Новом синтаксисе испанского языка» (Aquí ocurre *de todo* [Hernández Alonso, 1995, p. 106] «Здесь случается *все*»).

которые в латыни выражались флективно и без предлога (*do alicui bibere*)¹. В некоторых финно-угорских языках, помимо прямого объекта морфологически самостоятельный партитив также выражает субъект и атрибут [ЛЭС, 396]. В иберо-романских языках и диалектах это осуществляется при помощи соответствующих синтаксических конструкций, отмечаемых преимущественно в каталано-арагонском ареале. На «партитивизацию» субъекта указывают кат. *Tot d'esperctadors van enviar la gespa en senyal de protesta* (Bassas Onieva, 12) «Все зрители (букв. *все зрители*) выбежали на газон в знак протеста»; с адвербиальной частицей *en* «их»: *N'han arribat dos* [Fabra, p. 677] «Их пришло двое»; то же – в астурийском: *Delles nénes ponen cintes nel pelo* [DBLA, p. 62] «Девочки вплетают ленты в волосы», *Cresta-ye carne de color roxo que tienen delles aves na cabeza* [ibid, p. 72] «Гребешок – это плоть красного цвета, на голове у птиц». Примерами частичного выражения адъективного и адвербиального атрибута являются кат. ...*els cristians sempre fan de bons...* (HC, 16) «...христиане всегда хорошие...», *Per demostrar com era de ric...* (Roig, 71) «Чтобы показать каким он был богатым...», *Però tu no saps com era de feliç...* (ibid, 198) «Однако ты не знаешь, какой он был счастливый...»; ...*va venir d'America, i va fer molt de mal a tot el continent* (Carol, 56) «...он прибыл из Америки и сделал много плохого всему континенту»; галис. *Miroume con algo de estrañeza* (Rivas, 36) «Она посмотрела на меня как-то странно».

Феномен партитивности в иберо-романских языках, эксплицируемый синтаксическим функционированием падежной системы (см.: [Goldin, 1968]) глубоко связан с вопросом о *синкретических* отношениях в процессе формирования *предикативного* ядра предложения-высказывания². Так, используя в качестве свободного (прямого) дополнения глагола, генитив имел значение партитивного объекта [Леман, 1988, с. 383]. Это происходило в связи с тем, что в древних индоевропейских языках генитив выступал в функции прямого дополнения, объектом являлось вещество, а действию подвергалась лишь часть его. Ср. русск. *пить воды* [Савченко, 1974, р. 340] = *пить воду*. В предложении *Bebo un vaso de vino* («Пью (один) стакан

¹ О существовании моделей с исчисляемыми существительными свидетельствуют примеры, отмеченные в русских говорах типа *Дай ручки / конфетины* (вместо *ручку / конфету*). Обе возможности существуют в баскском: *Ez hartü tirula-rik agren* «Не кладите лука» и *Maddulenek ez du liburu-rik hartu* «Магдалена не взяла (никакой) книги.

² См.: [Зеликов, 2005, с. 190–194].

вина»), как справедливо считает М. Алонсо, генитивно-партитивные отношения формируются не существительным (*vaso de vino*), а, как это явствует при восстановлении глубинного предложения, глаголом: *Bebo de vino un vaso* («Пью вина (один) стакан») [Alonso, 1968, p. 81]. Как показывает анализ конкретного материала разговорных языков, в некоторых случаях использование партитивных конструкций вместо аккузативных является семантически релевантным. Ср.: исп. *Fuí a la tienda y compré de todo* «Я пошла в лавку и *всего* накупила» ≠ ...*(lo) compré todo* «...купила *все*». Кроме того, обычно они маркируются определенной экспрессивностью. Ср.: *Hacer de todo* «Наделать всего» и *Hacer todo* «(С)делать все». Также при инверсионном выделении партитивного объекта: *De hierba no hay mucha, la verdad* (Jarama, 30) «Травы тут, по правде, не ахти» и *No hay mucha hierba* «Травы тут не много». Такими же экспрессивными являются эллиптические модели типа ¡*Qué de + NS!*: ¡*Qué de cosas!* «Вот дела!» ← ¡*Qué cantidad de cosas!* «Какое количество дел!». Об их функционировании, также как и вариантах *La de + NS* и *Una de + NS* см. в [Зеликов, 2005, с. 235, 325].

Существенную особенность выражения партитива в иберо-романском ареале составляют также указывающие на аккузативно-генитивную контаминацию безличные конструкции, компонентами которых являются производные латинского глагола *HABERE* в бытийном значении («быть, иметься»)¹ и косвенные местоимения мн. числа родительного падежа *los, las* (*их* в обоих случаях), занимающие обычно начальную позицию подлежащего и вступающие в омонимические отношения с моделями *c de*: *Hay poetas que... que les venden sus obras, como los hay para ciegos* (NE, 32) = ...*hay de ellos*... «Есть поэты, которые... продают им свои труды, как есть (букв. *есть их*), (поэты) для слепых»². Ср. также в пикареске Ф. Лопеса Убеды «Плутовка Хустина» (1605 г.): ...*allí hay de mozas tan pecadoras como yo* (PJ, 298) = *allí hay de ellas*... «...там есть девушки такие же грешные (букв. ... *девушек таких же грешных*), как я». То же – в каталанском: *N hi ha quatre* [Fabra, p. 677] (= исп. *Los / las*

¹ О бытийных глагольных высказываниях, содержащих идею партитивности см. в [ТФГ, с. 78].

² В региональном испанском в этом случае начальную позицию может занимать *haber*. Ср. в Галисии: *Haylas* [Weinhauer, 1985, p. 413] = *Hay de ellas* «Есть их». Использование неударенных форм (*los, les*) в функции ударенных (*a ellos*) в говорах и диалектах романских языков Пиренейского п-ва – явление обычное. Ср. в арагонском: *Vi u se los / les dije* = *Vi u se lo dije a ellos* «Увидел и сказал им об этом».

hay cuatro) «Их есть четверо», ...cap no era igual, que n`hi havia de ver-mells, que portaven vent o pluja (Roca, 29) = исп. ...los había de rojos «...все (облака) были разные, среди них были красные, приносящие ветер и дождь»¹. Безличные партитивные иберо-романские модели находят любопытную параллель в баскском. Одну из особенностей конструкций морфологического партитива в этом дороманском языке² составляют образования, глагольно-предикатным ядром которых является IZAN, преимущественно соответствующий испанским формам с haber. Ср.: Etxe onetan gizon bat bakar-rik da «В этом доме есть только один человек (букв. ...человека одного только есть); Ur-rik ba al-da emen? «Воды здесь есть?» В ответной реплике испанского соответствия этой вопросительной фразы ¿Hay (de) agua aquí? косвенное местоимение стоит в форме ед. числа: Sí / No la hay «Да есть / Нет ее». Форма ед. числа косвенного местоимения III л. le используется вместо los (также les) при контаминации генитива с дативом. Ср. в диалоге говорящих по-испански галисийских персонажей из романа К. Х. Селы «Улей»: Hay algunas personas que tienen muy mal carácter... – ¡Huy! Le hay algunos... (Colmena, 263–264) «Есть такие с очень плохим характером... – Уй! Бывают некоторые... (букв. Ему есть некоторые...)»³. Другим соответствием безличных оборотов с los (las) является предложная модель с entre, указывающая на контаминацию генитива с аблативом: Entre ellos / ellas hay muchos / muchas «Среди них есть многие»⁴. Ср. также партитивно-аблативную конструкцию с безличным глаголом importar, обычно имплицитующим прямое дополнение: ¿Qué le puede importar de ese rollo? (Jarama) = ...importar ese rollo... «Что ему до этого занудства?». О возведении латинский партитивного генитива к более древней синкретической форме генитива-аблатива, выражавшего происхождение см. [Одри, 1988, с. 106]. Известно, что испанское партитивное

¹ Об особенностях партитивных моделей с en в каталанском см: [Зеликов, 2005, с. 350–352].

² Ср. выражение благодарности, имеющее выражение в партитивной форме: esker-rik asko! “muchas gracias”, букв. de gracias mucho. Партитивно обычно оформляются отрицательные, вопросительные, восклицательные, условные и некоторые другие конструкции. Ср.: Ez da agiri txori-rik «Не появляется птиц» (то же – в русском, отрицание содержит указание на аномалию: У него нет руки [ТФГ, с. 129]); Etorri al-da gizon-ik? «Пришел человек (букв. человека)?»; Betarrik ba-nuke...! «Если бы было время!»

³ О дативно-генитивном синкретизме свидетельствуют такие примеры как ...la venganza que pueden tomar los hombres de las mujeres (PJ, 346) = ...a las mujeres «месть, которую могут иметь проявлять по отношению к женщинам мужчины» и мн. др. Ср. в северных русских говорах: поехать к сестре / к сестры.

⁴ О контаминации генитивно-партитивных моделей с аблативными в латыни см. [Alonso, 1968, p. 82].

словосочетание *tratar de loco* трактовал как синонимичное адвербиально-аблативному *tratar como loco* «обращаться как с сумасшедшим», приводя в качестве структурно-типологической параллели баскское партитивное *bi gizon oni-k*, букв. *два человека из хороших* еще В. Ф. Шишмарев [Шишмарев, 1941, с. 39]. О синкретизме генитивных образований с аблативными свидетельствуют многочисленные партитивно-инструментальные иберо-романские образования, особенно хорошо представленные в разговорном испанском. Это модели *ir (estar, andar, hacer) de + NS*, которые можно разделить на субъектные (*hacer de maestro* «работать учителем») и объектные (*andar / estar bien / mal de periódicos* «иметь много / мало газет»; порт. *E como vamos de rezas?* (Machado de Assis) «Как у нас с молитвами?»), подробнее см в: [Зеликов, 2003а, с. 35; 2005, с. 192–194]. На партитивно-инструментальную контаминацию указывают и диалектальные *Estoy de / con frío* «Мне холодно», *Estoy de / con hambre* «Хочу есть» и др.¹.

Источники

- Галич* = А. Галич. Возвращение. Стихи. Песни. Воспоминания. Л. 1990.
Cid = *Cantar del Cid*. Madrid. 1987.
Lazarillo = *La vida de Lazarillo de Tormes*. Madrid. 1984.
FG = *Poema de Fernán González*. Madrid. 1978.
LA = *Libro de Apolonio*. Madrid. 1978.
Oria = Gonzalo de Berceo. *Poema de Santa Oria*. Madrid. 1981.
NE = Miguel de Cervantes Saavedra. *Novelas ejemplares*. Moscú. 1976.
PJ = F. López de Ubeda. *La pícaro Justina*. La Habana. 1977.
Colmeia = C. J. Cela. *A colmeia*. Lisboa. 2002.
Colmena = C. J. Cela. *La colmena*. СПб. 2008.
Rivas = M. Rivas. *A man dos paños*. Vigo. 2000.
Roig = M. Roig. *El temps de les cireres*. Barcelona. 1998.
Bassas Onieva = A. Bassas Onieva. *Petita història del Barça*. Barcelona. 2004.
HC = T. Duran. *Història dels Catalans*. Barcelona. 1987.
Carol = M. Carol. *Un estiu a l'Empordà*. Barcelona. 2014.
Jarama = R. Sánchez Ferlosio. *El Jarama*. Madrid. 1973.
Roca = M.M. Roca. *L'àngel del vespre*. Barcelona. 1998.

¹ Об этих и других конструкциях, существующих в условиях билингвизма, обусловленного интерференцией с баскским, см. [Зеликов, 2001, с. 20–21]. Они, как и другие особенности партитивно-генитивных образований в баскском, кельтских и иберо-романских языках, объясняемые как одна из субстратных характеристик языков атлантического ареала [Lewy, 1964, p. 34; Зеликов, 2003b, с. 30–31], требуют специального рассмотрения.

Литература

1. *Васильева-Шведе О. К., Степанов Г. В.* Теоретическая грамматика испанского языка. Морфология и синтаксис частей речи. М.: Высшая школа, 1972, 342 с.
2. *Васильева-Шведе О. К., Степанов Г. В.* Теоретическая грамматика испанского языка. Синтаксис предложения. М.: Высшая школа, 1981, 303 с.
3. *Виноградов В. С.* Грамматика испанского языка. Практический курс. М.: Высшая школа, 1990, 432 с.
4. *Деев М. Н.* Предлоги современного испанского языка. М.: Высшая школа, 1973, 176 с.
5. *Зеликов М. В.* Генитивно-релятивные отношения суффикса -ко- в контексте кельтско-баскских соответствий / Язык и культура кельтов. Материалы IX коллоквиума (СПб, 12. 2001), СПб: Наука, 2003b, с. 26–37.
6. *Зеликов М. В.* Компрессия как фактор структуры и функционирования иберо-романских языков. Лингвистические исследования. СПбГУ: Фил. фак. СПбГУ, 2005, 447 с.
7. *Зеликов М. В.* Партитив как составляющее полной парадигмы генитивных отношений иберо-романских языков // Вестник 1' 2003 Института иностранных языков. СПб, 2003a, с. 31–41.
8. *Зеликов М. В.* Реликт глагольно-именного синкретизма как особенность структуры простого иберо-романского предложения / Материалы XXX междунар. Методической конференции преподавателей и аспирантов. СПб.: Фил. Фак. СПбГУ, Вып. 19, История языка, 2001, с. 19–22.
9. *Зеликов М. В., Иванова А. В.* Функционирование глагола обладания в иберо-романских языках // Вестник СПбГУ. Язык и литературу 2020, 17, 2, с. 232–253.
10. *Зененко Г. П.* Характерные особенности старопортугальского языка на материале письма Перу Ваш де Каминья к королю Мфнуэлу I / Мир Лузофонии. Материалы междунар. научн. Конференции (СПб, 1998), СПб, 2001: СПбГУ, с. 13–18.
11. *Леман В. П.* Из книги «Протоиндоевропейский синтаксис» / Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988, 21, с. 351–408.
12. ЛЭС = Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990, 783 с.
13. *Неустроева Г. К.* Теоретическая грамматика португальского языка. Морфология. Учебное пособие. СПб: СПбГУ, 1997, 200 с.
14. *Одри Ж.* Индоевропейский язык / Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988, 21, с. 24–121.
15. *Панфилов Е. Д.* К вопросу о так называемом аналитическом склонении // Вопросы языкознания. 1954, 1, с. 47–54.
16. *Романов В. Н.* Древнеиндийские представления о царе и царстве // Вестник древней истории. 1978, 4, с. 26–33.

17. *Савченко А. Н.* Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М.: Высшая школа, 1974, 410 с.
18. *Соболевский С. В.* Грамматика латинского языка. Морфология. Синтаксис. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1948, 431 с.
19. ССГРЯ = Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. М.: Наука, 1972, 410 с.
20. ТФГ = Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб: Наука, 1996, 229 с.
21. *Шушмарев В. Ф.* Историческая грамматика французского языка. М.–Л.: АН СССР, 1952, 268 с.
22. *Шушмарев В. Ф.* Очерки по истории языков Испании. М.–Л.: АН СССР, 1941, 325 с.
23. *Якушин Б. В.* Гипотезы о происхождении языка. М.: Наука, 1985, 137 с.
24. ЯМ = Языки мира. Романские языки. М.: Academia, 2001. 718 с.
25. *Alonso M.* Gramática del español contemporáneo. Madrid: Guadarrama, 1968, 595 p.
26. *Alonso Megido G.* Grupos sintagmáticos sin /de/ n'asturianu // Lletres asturianas. 1983, 8, p. 15–26.
27. *Alvar M.* Textos Hispánicos Dialectales. Antología Histórica // Revista de Filología Española. Anejo 73, 460 p.
28. *Beaumont J.-Ch., Lazcano R.* Iniciación al Euskara. Chennevières-sur-Marne Cedex: Assiml, 1998, 369 p.
29. *Beinhauer W.* El español colloquial. Madrid: Gredos, 1985, 556 с.
30. *Cano González A. M.* En torno al partitivo en bable / Actos del Congreso Internacional de la lingüística románica. 1985, 16, 2, p. 499–515.
31. DBLA = *Manzano P., Rodríguez U.* Diccionariu Básicu de la Llingua Asturiana. Xixón: Trea, S.L., 2001, 286 p.
32. Fabra = *Fabra P.* Diccionari General de la Llengua Catalana. Barcelona: Edhasa, 1986, 1787 p.
33. *García Arias X. U.* Deux remarques de syntax diachronique sur asturien, a propos de la construction “nom + de + possessif (el nenu de miou) et de la distinction de cas entre les pronoms me / mi, te / ti // Archivum. 1979-1980, 29–30, p. 535–545.
34. *Gimeno Monterde Ch.* Primers Trangos. Breu introduzion a l'aragones. Zaragoza: Nogarà, 1991, 56 p.
35. *Goldin M. G.* Spanish case and function. Washington: Georgetown Univ. Press. 1968, 83 p.
36. *Grandgent C. H.* An introduction to Vulgar Latin. Boston: D.C. Heath & Company, 1908, 219 p.
37. *Hernández Alonso C.* Nueva sintaxis de la lengua Española (Sintaxis onomasiológica del contenido a la expression). Salamanca: Colegio de España, 1995, 238 p.

38. *Laca B.* Acerca de la sintaxis del de “partitivo” en catalán // *Romanische Jahrbuch.* 1989, 40, S. 247–264.
39. *Lacas Carrascosa M. P.* El habla de Arcolea de Cinca. Breve caracterización lingüística y vocabulario // *Archivo de Filología Aragonesa.* 2010, 66, p. 193–216.
40. *Latorre i Gaia R.* Primer curso de catalán. Barcelona: Barcino, 1978, 240 p.
41. *Lewy E.* Der Bau der europäischen Sprachen. Tübingen: Max Nimeyer, 1964, 108 s.
42. *Mallén E.* Spanish partitive constructions // *Revue roumaine de linguistique.* 1990, 35, 1, p. 33–52.
43. *Monedero C.* Notas al “Libro de Apolonio”. Libro de Apolonio. Madrid: Clásicos Castalia, 1987, p. 95–294.
44. *Rohlf G.* Le Gascon // *Zeitschrift für Romanische Philologie.* 1935, Supplementa, H. 85, 189 p.
45. *Silva Dias A. da.* Syntaxe histórica portuguesa. Lisboa: Livraria Clásica, 1970, 442 p.

Mikhail V. Zélikov

Herzen State Pedagogical University of Russia

zelikovmv@yandex.ru

***Abstract:** The possibility of a partitive expression of the object by means of the construction with the preposition de (with or without article) in the languages and dialects of the Pyrenean Peninsula (in diachrony) was observed by V. F. Shishmarev. The features of the modern paradigm of partitive relations in the languages and dialects of the Ibero-Romance area are as follows: 1) models using a partitive pattern in the nominal component of the predicate; 2) the existence of forms of partitive pronouns in Asturian; 3) the use of impersonal models with derivatives of Latin habere.*

***Key words:** partitivity; genitivity; diachrony; synchrony; dialectology; languages in action*

УДК 811.134

К.В. Кичигин
МГУ имени М. В. Ломоносова**О КОНТАКТНЫХ РАЗНОВИДНОСТЯХ КЕЧУА,
СЛОЖИВШИХСЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА
НА ТЕРРИТОРИИ БОЛИВИИ**

Аннотация: В данной статье анализируется контактная ситуация, в которой находятся испанский язык и язык кечуа на территории Боливии. Отмечается наличие континуума кечуа-испанский язык с промежуточными разновидностями, характеризующимися разным количеством заимствований грамматического, лексического и прагматического плана, а также различными функционально-стилистическими особенностями (распространение той или иной контактной разновидности в научном, публицистическом и других стилях).

Ключевые слова: кечуа; испанский язык; контактные разновидности

Кечуа распространен в странах Андского региона: Эквадор, Перу, Боливия, Аргентина, Колумбия. Для части стран язык является официальным. Количество говорящих по данным Ethnologue.com за 2020 год составляет более 7 миллионов. Кечуа находится во взаимодействии с испанским языком с XVI века. С одной стороны, кечуа оказывает влияние на испанский язык. Это приводит к дифференциации испанского языка на территориях в указанных странах, появлению новых разновидностей испанской речи (андский испанский, амазонский испанский). С другой стороны, испанские элементы проникают в структуру языка кечуа, что, в свою очередь, приводит к появлению контактных разновидностей испанизированного кечуа.

В целом для описания феномена взаимоотношения языков между собой в ситуации контакта используются шкалы, которые описывают иерархии заимствования тех или иных элементов языковых структур в зависимости от ряда факторов лингвистического и экстралингвистического характера. Так, например, существует иерархия заимствования функциональных и грамматических элементов, в соответствии с которой при начальном контакте заимствуются более свободные, грамматически менее связанные, единицы (предлоги, союзы,

квантификаторы), а при более тесном контакте – клитики, субординаторы и детерминанты [Gómez Rendón, 2008, p. 72]. Как результат образуются промежуточные контактные разновидности языков (характеризующиеся тем или иным количеством инородных элементов), а сама контактная ситуация и существование в ней языков описывается как континуум: на крайних концах располагаются языки в своем «чистом» виде, а между ними – промежуточные разновидности.

Подобные шкалы известны для описания различных языковых ситуаций контакта, в том числе и с участием кечуа. Так, например, в [Sharpeck, 2011, p. 134] приводится шкала, которая описывает контактную ситуацию, в которой находятся испанский язык, распространенный на территории Эквадора, и одна из разновидностей кечуа (кичуа), распространенная на той же территории. На одном конце располагается нормативный кичуа Эквадора, имеющий небольшое (в сравнении с остальными разновидностями) количество испанских заимствований. Затем следует разновидность кичуа центральной части региона, имеющая некоторое количество лексических, грамматических и прагматических заимствований. Посередине находятся смешанные разновидности. Одной из таких разновидностей является то, что получило в научной литературе название *Media Lengua* (смешанный язык): в наиболее крайней форме своего проявления он обладает грамматикой языка кечуа и лексическим / фонетическим наполнением испанского языка.

Chagrawata sembrangapaka cabashpa laderawakunataka cabashpa planadawataka arashpa. Mingaywata azishpaka, borregowata matashpami comidawata almuersowata ese pion gentewakunamanka. Mingaywata azishpami comichikarkanchi. Diaymantami ya vuelta madurakpika trigowataka cortankarkanchi pionwan, chichagowan, motigowan. Cibadawatapash, trigowatapash cortankarkanchi.

[Jesse Stories, 2013, p. 15]

Ближе к другому краю шкалы находится андская разновидность испанского языка (с определенной долей заимствований / интерферентных элементов из кечуа) и собственно нормативный испанский язык Эквадора.

С положением в иерархии / континууме коррелируют как лингвистические (наличие и количество тех или иных системных единиц), так и социолингвистические факторы. Так, например, промежуточные (смешанные) разновидности кечуа и испанского языка в Эквадоре встречаются в речи билингов и жителей небольших городов и деревень или мигрантов

больших городах, более стандартизованные разновидности, в свою очередь, отмечаются в речи монолингвов и жителей больших городов.

Помимо Эквадора, подобные континуумы наблюдаются и в других странах распространения языка кечуа и испанского. Тем не менее научной литературы, посвященной их системному описанию, не так много. Особый интерес представляет языковая ситуация и особенности языкового контакта испанского языка и кечуа в Боливии. Особенности контактных разновидностей кечуа и испанского языка в этом регионе подробно описаны в научной литературе, однако системного описания языковая ситуация контакта (континуум) до сих пор не получила. Кроме того, при описании континуума переходных форм в целом не рассматривался такой фактор, как стилистическая принадлежность той или иной разновидности, что, как нам кажется, также является важной характеристикой феномена контакта и существования континуума переходных форм.

В данной статье мы представим в самом общем виде описание континуума кечуа-испанский язык (а точнее, половины этого континуума «кечуа – смешанная разновидность кечуа-испанский») в отношении количества заимствований и стилистической дифференциации. В качестве материала мы использовали магистерские диссертации, написанные на языке кечуа в университете Майор де Сан Симон, Кочабамба, Боливия (авторские тексты, а также транскрипты устных интервью, представленных в этих работах); тексты периодического издания «Conosur Ñawraqman», Боливия, ориентированного на освещение быта крестьянского населения и рабочего класса и представляющего как авторские статьи, так и выдержки из интервью с жителями регионов; новостные телевизионные программы «Abya Yala Chaskikuna» и «BTV Noticias Quechua», в которых представлены как устные тексты репортажей, так и интервью с носителями контактных разновидностей языка кечуа Боливии.

Разновидности кечуа в отношении степени проникновения заимствований / интерферентных единиц из испанского языка можно в первом приближении охарактеризовать следующим образом. На крайней шкале располагается наиболее «чистая» (в некоторой степени искусственная) письменная разновидность кечуа с наименьшим количеством заимствований. Подобный вариант представлен в текстах авторов научных диссертаций и в фольклорных текстах, которые встречаются в конце каждого выпуска газеты Ñawraqman. Подобные тексты целенаправленно создавались авторами для сохранения языка кечуа и для продвижения

«очищенного» его варианта (расширение сферы распространения на такие функциональные стили, как научный, в случае текстов диссертации, и создание фольклорных текстов (близких и понятных носителям, а также важных для сохранения их культуры) в случае фольклорных текстов). В данных текстах отмечается минимальное присутствие испанских заимствований (ограничиваются некоторым набором реалий, адаптированных заимствований и некоторой научной терминологией).

qhichwa runaqa jatun llaqtaman riymananta mayjinata t'ipirikunchik. Jatun llaqtapiri kastillanumanta muyurisqa tarikunchik: mikhuna wasiman yaykunchik kastillanu, jampina wasiman chayanchik kastillanu, qhawana wasiman rinchik kastillanu, llikaman yaykunchik kastillanu, p'anqata kicharinchik kastillanu,... Riqsisqawan tinkunchik chaypis kastillanupipuni **parlarqunchik**, ima qillqatapis kastillanupipuni qillqarqunchik. Chaytaq, jatun llaqtapiqa kastillanu similla sumaq chulajina pulliranta kaypi jaqaypi wayrarichikuchkan; qhichwa simiri wakcha warmijina qullqita mañakuchkan.

[Ayaviri, 2015, с. 4]

Qhasilla Mama Marinaqa ch'aqwaku k'ankataqa:

Ch'in kay, nichkaptinpis, k'anqaqa ch'aqwallasqapuni.

Qoqoroqoo, qoqoroqoo nuqaqa tukuyta rikuni, nispa machu machuyarichkan nin.

Uk p'unchay ch'aqwaku k'anqaqa:

Jaqayqa Demetrio q'umir **cebollasta** apamuchkan, wayk'una wasiman apaykuchkan, chaytapis nuqaqa rikuni. Amaliaq p'unchaynin chayamuchkan, raymita ruwaringanku

[Conosur Ñawraqman, N°164, с. 8]

Следующая разновидность (ближе к центру континуума) встречается в письменной форме в текстах статей периодического издания Ñawraqman, а также в устной форме в информационных текстах новостной передачи Chaskikuna. Для данной разновидности характерно большее (по сравнению с предыдущей) количество заимствований из испанского языка, в основном лексического характера. При этом подобные заимствования ограничиваются определенными лексико-семантическими полями (юриспруденция, электоральные мероприятия и так далее).

Jamuq **domingo** 18 p'unchay **octubre** killapi Elecciones Generales 2020 ruwakunqa, chaypi imata aqllasun? 130 diputadas y diputados, 60 **plurinominales** kanku, kaykunaqa llusinku may chhika **votostaq presidentepaq** kan, chayman jina; **uninominales** kanku, kaykuna llusin

mayoría votos válidosman jina, kanku **especiales** , kaykunaqa kanku pisi Naciones y Pueblos Indígena Originario Campesinos qanchis **departamentos**pi Bolivia suyupi. Cochabambapaq aqllakunqa 4 **senadores**, 19 **diputados** 9 **plurinominales**, 9 **uninominales**, 1 **indígena pueblos** Yuquí y Yuracaré, jaqay **municipios** de Villa Tunari, Chimoré, Puerto Villarroel. **Autonomía** Raqaupampa mana chikllanqachu [Conosur Ñawpaqman, N°177, c. 3]

pasaq semenaspi kay **denominado abogado torturador** Jhasmani Torrico kamachirqa que **consorcion**pi karqanku **actor fiscal departamental** kay cochabamba llaqtamanta hinamantatas **representate viceministerio transparencia** nisqa chayraku... kamachirqa que chay **abogado** rwan **declaracionista** mana **presentaspa** huq **probata** [Chaskikuna. Noticiero en quechua]

Третья разновидность встречается преимущественно в устной форме в речи жителей Боливии (носителей кечуа) и представлена устными текстами из интервью информационной программы BTV Noticias Quechua и текстами-транскриптами интервью газеты Ñawpaqman. Для данной разновидности характерно не только большое присутствие лексических заимствований (специальной сферы), но и заимствований прагматического и грамматического плана: союзы, дискурсивные и модальные маркеры. Кроме того, отмечаются и единичные случаи переключения кода, а также заимствования целых клауз.

Nuqayku **papa productores** kayku, jallp'api llank'aq, **contrabando** waq suyusmanta **papa, granos, fruta, cebolla** yaykumuchkan. Kay **ampliado prohibinan** kanman, **precios justos** puquykunamanta kananpaq [Conosur Ñawpaqman, N°177, c. 5]

afectanqa a la **poblacion...** más que **todo...** **obras** kasqhuna **ejecutasqa** kacharqa wakin llankunaspa wakin taqrikachan ya **programas**aña **lamentablemente** kay **baja de petroleo** **afectan** kay bolivia suyuta y noqaniman **campañera** **transitoria** **presidentata** **en vez que** **didicunan** **campañapi** mashin maskanantian **países** **vecinos** imaynapitaq **mejorasqa** kallatin maynapitaq kallatin sumaq wisirayti man kay **petroleo** [BTV Noticias Quechua]

Наконец, в середине континуума располагается устная форма языка кечуа, распространенная в регионах Потоси и Кочабамба, которая характеризуется большим количеством случаев переключения кода, наличием испанских лексем из разных лексико-семантических полей (специальная и бытовая лексика), использования испанских

корней с морфемами кечуа (как в случае с крайней формой Media Lengua, упомянутой выше), дискурсивными маркерами, частым переключением кода (на уровне синтагм и предложений).

Entiendeni que es algo sagrado, porque ñuqa qhawani **culturanchikmantapacha juk idioma distinto si** ñuqa **valorani** chay; **pero** ma **valorani** chayri **entonces** qhawasaq **como cualquier idioma. Entonces, seguramente** chay cocajina pikchiyanki wikch'upunki, chinkapunqa **¿no ve? Entonces, chay iskay partesman** qhawana **¿no?; sinoqa como cualquier idioma** chinkapunqa **según a la historia, tiempo, espacio, todo. Pero, si culturamanta** unispa qhawasaq **como algo sagrado,** kay ñawpa tatasninchik imaynatachá **valoranku** yakuta, aireta, **cielo, jallp'a todo. Entonces,** qallunchik kikillantaq, sagrado

[Ayaviri, 2015, с. 126]

Иными словами, в Боливии отмечается подобная Эквадору ситуация контакта кечуа с испанским, при которой наблюдается континуум переходных форм: в крайнем положении находится искусственный письменный язык кечуа научного стиля и выверенных / отредактированных фольклорных текстов с минимальным количеством заимствований из испанского языка, в центральной части – устная смешанная разновидность языка кечуа с заметным присутствием единиц испанского языка на разных уровнях (лексическом, прагматическом, грамматическом) и случаев переключения кода, а между данными крайностями находятся промежуточные варианты (от более стандартизованного кечуа письменных и устных периодических изданий до более испанизированного кечуа устных интервью).

Стоит при этом отметить, что данные выводы являются лишь предварительными и нуждаются в более строгой количественной и качественной оценке. Это может стать перспективой для дальнейшей проработки данной темы. Кроме того, в качестве возможных расширений подобного типа тем возможно отметить, например, сравнение разновидностей кечуа, представленных в информационных источниках Боливии и других стран (например, информационной программы «Ñuqanchick» перуанского телевидения). Подобное сравнение представляет интерес, поскольку отмечается некоторый контраст между новостными передачами на кечуа в Перу и Боливии. В частности, в Перу не транслируется смешанная разновидность. Возможной причиной могут являться разные языковые и социальные условия: в Перу больше разновидностей кечуа, больше шансов на стандартизацию, в Боливия возможно иная ситуация,

а именно трансляция (принятие в какой-то мере) подобного варианта – единственная возможная альтернатива его сохранения (в ситуации, когда не функционируют в должной мере политические, образовательные и другие институты).

Литература

1. *Ayaviri Correa J. D.* Anzaldo llaqta ukhupi qhichwa simip kawsaynin. Llaqsimikamaupi mastriya (yamka). Quchapampa. Bolivia Ñawra Suyu. 2015. 176 p.
2. *Gómez Rendón J. A.* Typological and social constraints on language contact. Amerindian languages in contact with Spanish. Quito, 2008. 517 p.
3. *Shappeck M.* Quichua-Spanish language contact in Salcedo, Ecuador: revisiting Media Lengua syncretic language practice. 2011, Illinois. 180 p.
4. *Stewart J.* Stories and Traditions from Pijal: Told in Media Lengua. North Charleston, 2013. 110 p.
5. BTV Noticias Quechua. <https://es-la.facebook.com/BoliviavOficial/videos/iniciatu-noticiero-btv-quechua-y-btv-aymara/193227588625426/> (дата обращения: 29.01.2021).
6. Chaskikuna Noticiero en Quechua. <https://www.youtube.com/watch?v=E4VMJJJ0hWc> (дата обращения: 29.01.2021).
7. Conosur Ñawpaqman. Revista rural bilingüe para la nación quechua. N°164. Bolivia, 2017.
8. Conosur Ñawpaqman. Revista rural bilingüe para la nación quechua. N°176. Bolivia, 2020.
9. Ethnologue. <https://www.ethnologue.com/language/que> (дата обращения: 29.01.21).

Kirill V. Kichigin

Lomonosov Moscow State University

Risk91@mail.ru

Abstract: *This article analyzes the Spanish-Quechua contact situation in Bolivia. The presence of a Quechua-Spanish continuum with intermediate varieties is argued. Borrowings (grammatical, lexical and pragmatic), as well as various functional and stylistic features are argued to characterize that continuum.*

Key words: *Quechua; Spanish; contact varieties*

УДК 811.134.3

А. В. Кутькова

МГУ имени М. В. Ломоносова

РЕЧЕВЫЕ СТЕРЕОТИПЫ ПОДДЕРЖАНИЯ КОНТАКТА: СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: В статье исследуется семантико-прагматическое своеобразие речевых стереотипов поддержания контакта на материале пиренейского варианта португальского языка. Речевые стереотипы могут быть определены как устойчивые, цельнооформленные, регулярно воспроизводимые стандартные единицы, в плане содержания которых имеется отсылка к ситуации общения. Специфика значения интересующих нас единиц позволяет рассматривать их как отдельный класс. В статье предлагается оригинальная классификация этих единиц с точки зрения их семантики и связи с интенцией говорящего.

Ключевые слова: речевой стереотип; пиренейский вариант португальского языка; интеракция

Творчество речевого коллектива и воспроизведение готовых шаблонов – вот две базовые тенденции, которые сосуществуют в языке. Первая тенденция позволяет развивать и творить язык, а вторая необходима для экономии усилий говорящего, благодаря ей пополняется корпус готовых, воспроизводимых единиц, которые в оптимальной форме выражают какое-либо понятие или мысль в определенном речевом коллективе.

Объектом нашего исследования стали речевые стереотипы. Они реализуют вторую из описанных выше тенденций и представляют собой устойчивые, цельнооформленные, воспроизводимые единицы. Речевые стереотипы используются в типовых речевых ситуациях, отражающих стереотипы мышления участников коммуникации и позволяют говорящему успешно достигать поставленной коммуникативной цели, обеспечивая при этом общение кооперативного характера.

Эти единицы существуют исключительно в коммуникативном взаимодействии. За ними закреплены определенные контексты функционирования, и они спаяны с коммуникативной ситуацией [Третьякова].

Поскольку речевые стереотипы – это прежде всего интерактивные единицы, то их смысловые характеристики выявляются в первую

очередь посредством анализа контекста их употребления с позиций прагматики.

Очевидно, что специфика речевых стереотипов для исследования заключается в том, что их формальное описание не дает удовлетворительного результата, поскольку, являясь характерными единицами диалогического дискурса, они взаимосвязаны с соседней репликой, предшествующей и последующей, со всей ситуацией общения в целом, а в отрыве от своего окружения речевые стереотипы теряют самостоятельность и смысловую законченность.

В предлагаемой статье мы изложим результаты проведенного исследования на материале речевых стереотипов, выступающих в качестве средств поддержания контакта (далее – РСпк) в пиренейском варианте португальского языка [Кутькова].

Речь пойдет о таких единицах, как *não é? como assim? diz? pois é, isso mesmo, isso sem dúvida, faço ideia, não me diga!* и подобных.

Контакт, на поддержание которого нацелены исследуемые единицы, понимается как акустическая, психологическая и социальная связь между участниками коммуникации.

Как известно, коммуникативный контакт имеет этапы своего осуществления и определенные лексические средства, закрепленные за каждым этапом. А речевая коммуникация, в свою очередь, может быть разделена на три основные фазы: вступление в коммуникацию – поддержание контакта – завершение коммуникации.

В отличие от фаз вступления в коммуникацию и ее завершения, поддержание контакта – основная фаза – характеризуется более сложной структурой и значительно меньшей конвенциональностью и предсказуемостью, в сравнении с фазами вступления и выхода из коммуникативного взаимодействия.

Фаза середины диалога, в которой реализуются тактики поддержания контакта и используются РСпк, мало предсказуема в том смысле, что открыта для индивидуальной синтаксической и тематической организации. Партнеры по общению обладают здесь большей свободой в выборе темы речевого общения и достижения этапных целей. Кроме того, участники коммуникации в фазе середины диалога могут выступать как в роли говорящего, так и в роли слушающего, перебивая друг друга, произвольно меняя тему или возвращаясь к начатому ранее, но не законченному обсуждению.

С функциональной точки зрения РСпк предназначены, в первую очередь, для реализации регулятивной деятельности, на уровне

поддержания контакта направленной на предотвращение или устранение коммуникативных расхождений и неудач.

В зависимости от того, с каким типом регулятивной деятельности в диалоге связаны РСпк, все их множество мы предлагаем разделить на две большие группы: РСпк координирующего характера и РСпк информирующего характера.

Дальнейшее уточнение значений РСпк возможно путем определения тактик поддержания контакта, в рамках которых они используются.

Каждой тактике поддержания контакта соответствует особый набор РСпк.

1. Тактика проверки связи.

Данная тактика состоит в использовании специальных фатических сигналов для получения от адресата вербального или невербального ответа, подтверждающего его включенность в разговор. Такими сигналами как раз и являются РСпк.

В зависимости от характера ожидаемой реакции – невербальной или вербальной – со стороны адресата, РСпк данной группы подразделяются, соответственно, на:

(1.1). Запрос на коммуникативное присутствие.

Речь идет о проверке внимания собеседника, его готовности воспринимать сообщаемую информацию. РСпк данной группы не образуют отдельное высказывание, а представляют собой своего рода вкрапления в информативное высказывание. Вот наиболее частотные РСпк этого типа: *não é; percebe(s); está(s) a perceber?; sabe(s); está(s) a ver?; compreendes?; compreendeste?; está claro?; estás a ver?; aranhaste?; estás a seguir?* и под.

(1.2). Проверка правильности / приемлемости информации.

Цель тактики проверки правильности / приемлемости информации заключается в том, чтобы получить от собеседника вербальное подтверждение понимания сообщаемой ему информации или согласия с ней. К РСпк данной группы относятся *não é?; não é verdade?; não acha(s)?; não lhe / te parece?; concorda(s) (com isso)?; é assim?* и под.

Выбор той или иной тактики проверки связи объясняется характером фактической информации, содержащейся в высказывании, и наличием у собеседников сопоставимого объема знаний о предмете разговора.

Подобное речевое взаимодействие может быть представлено в виде следующих трех моделей передачи знания:

Модель [1] «Обмен совместными знаниями». Поскольку эта модель предполагает совпадение точек зрения коммуникантов, говорящий, как правило, выбирает тактику запроса на коммуникативное присутствие.

Модель [2] «Передача информации о неизвестном». Если источником знания является говорящий, он будет выбирать тактику запроса на коммуникативное присутствие, в обратном случае – тактикой проверки правильности / приемлемости информации, чтобы избежать непонимания с собеседником.

Модель [3] «Передача информации об известном». В отличие от обмена совместными знаниями, в данном случае отсутствует единство точек зрения на предмет. В рамках этой модели особую важность представляет проверка взаимопонимания с собеседником, поэтому здесь оказывается более эффективной тактика проверки правильности/приемлемости информации.

2. Верификация приемлемости сделанного предложения.

Данная группа объединяет РСпк, которые используются в условиях директивного общения.

Поскольку прямое волевое воздействие представляет собой вторжение в личную сферу адресата без учета его интересов, оно может спровоцировать конфликтную ситуацию и, следовательно, прекращение коммуникативного контакта с собеседником.

Если говорящему важно сохранить контакт, он прибегает к РСпк, способным сгладить негативный эффект речевого акта с директивной семантикой.

Верификация приемлемости предложения реализуется посредством двух тактик, которые различаются тем, в какой степени говорящий демонстрирует учет интересов собеседника:

(2.1). Компенсирующее спрашивание.

Компенсирующее спрашивание реализуется РСпк, типа *está bem (assim)?; pode ser?; o que achas?; está bom (para ti)?* и под.

Цель использования РСпк данной группы в том, чтобы смягчить вероятный негативный эффект директивного воздействия и создать видимость учета интересов адресата.

(2.2). Предписывающее спрашивание.

Предписывающее спрашивание реализуется РСпк типа: *está(s) a ouvir?; percebeste?; ouviste?* и под.

Избирая тактику предписывающего спрашивания и реализуя ее при помощи соответствующих РСпк, говорящий позиционирует себя как

участника коммуникации с более высоким социальным статусом, по сравнению с адресатом. Здесь имеет место своего рода прескриптивное поддержание контакта. Говорящий не спорит с потенциальным недовольством, непониманием, отказом, несогласием собеседника воспринимать обращенное к нему предложение, он, по сути, указывает на отсутствие альтернативного решения.

Семантика исходных глаголов РСпк данной группы указывает на то, что возможность принять предложение проверяется не путем оценки приемлемости предложения как такового (устраивает оно или нет адресата – это тактика компенсирующего спрашивания), а путем оценки способностей адресата слышать и воспринимать сделанное ему предложение (*ouvir, perceber*).

РСпк предписывающего спрашивания прямо ориентированы на собеседника, поскольку в условиях прескриптивного общения говорящий склонен строить свою речь так, чтобы она максимально быстро и однозначно воспринималась адресатом.

3. Экспликация кооперативного настроения.

При помощи РСпк данной группы говорящий демонстрирует активное слушание, то есть информирует адресата не только о наличии контакта, но и поддерживает социально-этикетную связь. Это происходит потому, что РСпк экспликации кооперативного настроения выступают в качестве маркеров вежливости, подчеркивающих заинтересованность говорящего в участии в коммуникации.

В зависимости от степени активности говорящего, тактики данной группы подразделяются на три подгруппы:

(3.1). Экспликация подтверждения.

Экспликация подтверждения реализуется РСпк, типа: *pois (é); sim senhor / senhora; acho que sim; (pois) claro; com certeza; é muito possível; isso sem dúvida; pois claro!; faço ideia; que horror!; ai jesus!; é engraçado* и под.

Данная тактика эффективна в тех случаях, когда инициатива ведения диалога принадлежит преимущественно одному из участников коммуникации, а пассивный коммуникант при помощи РСпк дает понять, что он заинтересован в продолжении разговора.

Первый тип – это так называемое «поддакивание», то есть желание показать собеседнику заинтересованность в его словах и одновременно поощрить к развитию избранной темы.

В определенных речевых ситуациях один из коммуникантов осведомлен о теме сообщения хуже своего собеседника и ничего не может

ни возразить, ни добавить к сказанному. В данном случае имеет место Модель [2] «Передача информации о неизвестном» при условии компетенции активного коммуниканта, контролирующего тему беседы. В данном случае таким коммуникантом является адресат.

Второй тип подтверждения – собственно подтверждение, которое реализуется в условиях Модели [1] «Обмен совместными знаниями» и имеет целью подтверждение говорящим слов собеседника на основе имеющихся знаний о теме интеракции.

Анализ отрывков спонтанных диалогов показал, что в условиях кооперативной коммуникации важно соответствие эмоционального компонента респонсивного репликового хода эмоциональному компоненту стимулирующего хода, что оказывает влияние на выбор РСпк: эмоционально нейтрального (*pois, claro, faço ideia etc.*) или эмоционально нагруженного (*ai, que horror!; ai Jesus!; ai, que bom!; ai, que piada; engraçado!; ai, que chatice! etc.*).

(3.2). Экспликация одобрения.

Экспликация одобрения реализуется РСпк типа: *pois; exactamente, é isso mesmo; é, é; ora é isso* и под.

Под одобрением понимается реакция говорящего на предполагаемый ответ, который он ожидал услышать от собеседника на вопрос, заданный или подразумеваемый его стимулирующим репликовым шагом.

Одобрение, в отличие от подтверждения, реализуется в рамках [3] Модели «Передача информации об известном», обмен мнениями по теме, известной обоим коммуникантам. Одобрение при таком рассмотрении выступает сигналом наличия контакта понимания. Отсутствие подобного сигнала информирует адресата о рассогласовании на уровне коммуникативного контакта, неверной интерпретации адресатом стимулирующего репликового хода говорящего.

(3.3). Экспликация удивления.

Экспликация удивления реализуется РСпк типа: *sim / não?; ah / ai sim / não?; (ah) é?; o quê?; quem diria!; nunca diria!; nem me fales!; nem me digas!; eu que o diga!* и под. Под экспликацией удивления в связи с поддержанием контакта мы понимаем особый способ побуждения адресата продолжить речевой ход, путем указания на отсутствие у говорящего знаний по теме, заявленной адресатом.

РСпк удивления широко применяются в диалогическом дискурсе в условиях реализации [2] Модели «Передача информации о неизвестном» при условии компетенции собеседника. Поддерживающие регулятивные действия РСпк удивления нацелены на побуждение адресата,

который в данном случае выступает как активный коммуникант, продолжить речевой ход, продемонстрировав интерес к теме, заявленной собеседником, и тем самым избежать прерывания контакта.

За счет РСпк удивления говорящий фокусирует коммуникативную активность адресата на отдельных эпизодах повествования. В некоторых случаях фокусировка коммуникативной активности адресата осуществляется посредством особого интонационного оформления РСпк с целью продемонстрировать сомнение говорящего в истинности того или иного элемента сообщения (РСпк *o quê?*). Использование подобного РСпк свидетельствует о том, что говорящий желает внести коррективы в какой-либо из аспектов интеракции, избегая при этом полной блокировки линии, избранной собеседником.

Тактики, за счет которых реализуется поддержание контакта информирующего характера, связаны с информированием о коммуникативных рассогласованиях. Их классификация определяется типом коммуникативного рассогласования, на который они указывают.

(1). Переспрос.

Недостаточная степень понимания говорящим логико-содержательной стороны иницирующей реплики может реализоваться в просьбе повторить непосредственно предшествующее высказывание или его часть, которая не была воспринята должным образом. РСпк, характерные для переспроса, это *diga? / diz?*; *desculpe? / desculpa?*; *perdão?*; *como?*; *como diz?*; *quê?*; *o quê?*

Отсутствие контакта на уровне физического восприятия сообщения довольно часто связано с тем, что реплика одного из коммуникантов оказывается неожиданной для его партнера, то есть оценивается как маловероятная в данном контексте, поэтому возникает необходимость прослушать ее еще раз.

Переспрос также используется в ситуации, когда говорящий не уверен, точно ли он интерпретировал коммуникативное намерение собеседника, т. е. в случае несовпадения пресуппозиций коммуникантов.

(2). Уточнением отдельных элементов информации.

Под уточнением отдельных элементов информации, заявленной ранее собеседником, понимается запрос на то, чтобы адресат продолжал говорить, и отказ от смены коммуникативных ролей в связи с возникновением рассогласований на уровне контакта понимания. Речь идет о РСпк типа: *como?*; *como assim?*; *tipo quê?*; *em que aspecto?*

При помощи РСпк данной группы говорящий запрашивает у собеседника пояснение или уточнение отдельных элементов информации.

В этом случае роль речевого стереотипа сводится не к смене темы, а к сдвигу тематического фокуса коммуникативного взаимодействия.

(3). Побуждения адресата к активному продолжению коммуникации.

Для тактики побуждения адресата к поддержанию коммуникативного контакта и активному продолжению коммуникации характерны РСпк *conte(lá) / conta(lá); continue / continua; diga(lá) / diz(lá); vá, diga / diz; fala; adiante!; diz?; então?* и под.

При помощи РСпк данной группы говорящий указывает на свою недостаточную осведомленность в теме разговора и тем самым поощряет собеседника взять на себя лидирующую роль в продвижении беседы. В этом обнаруживается функциональная связь РСпк данной группы с РСпк удивления.

Возникновение коммуникативного рассогласования по причине неудовлетворительного, по мнению говорящего, вклада адресата в тематическое развитие диалога и возникновение, в следствие этого, необходимости побуждения адресата к поддержанию коммуникативного контакта может быть вызвано различными причинами:

(a) сомнениями адресата относительно целесообразности продолжения разговора на заданную тему. В таких случаях для говорящего на первый план выходит задача получения отсутствующей у него информации, путем «подбадривания» собеседника;

(b) желанием одного из собеседников привлечь и заострить внимание на содержании сообщения, следующего после паузы. В таком случае менее осведомленный коммуникант при помощи РСпк демонстрирует свою крайнюю заинтересованность и желание поскорее узнать продолжение начатого сообщения;

(c) осознанием активного коммуниканта того, что он монополизировал коммуникативную инициативу, и стремлением предоставить собеседнику возможность изменить распределение коммуникативных ролей. Тогда менее активный коммуникант прибегает к указанным РСпк, демонстрируя свое желание продолжать взаимодействие в пассивной роли.

На организационном уровне диалога назначение данных РСпк состоит в том, чтобы приостановить передачу коммуникативных ходов. С этой точки зрения РСпк данного типа могут рассматриваться как своего рода механизм установления очередности ходов в коммуникативном взаимодействии.

РСпк, объединенные в рамках одной тактики, выстраиваются в синонимические ряды и могут быть сопоставлены по следующим показателям:

(а) адресность / неадресность. Адресная форма предполагает своего рода вторжение в личную сферу адресата и, в зависимости от ситуации, может восприниматься позитивно (так, например, РСпк *sabes?*, *percebes?* кроме общего с *não é?* назначения проверки включенности адресата в коммуникативное взаимодействие, эксплицируют уверенность говорящего в способности адресата верно понять обращенное к нему сообщение, что обычно создает атмосферу доверия); или негативно, если вторжение в личную сферу наносит «ущерб» интересам адресата (так, например, *estás a ouvir?* в ситуации директивного общения имеет целью демонстрацию говорящим более высокого социального статуса и может восприниматься враждебно).

Адресные единицы обнаруживают зависимость от регистра общения и формальную (*sabe-sabes*; *desculpe-desculpa* и т. д.), и смысловую. Так, например, *sabe / sabes*, *percebe / percebes* недопустимы в формальном стиле коммуникации, поскольку по сути обеспечивают «вторжение» в личную сферу адресата, наряду с этим *diga?*, *desculpe?* маловероятны в неофициальной, доверительной обстановке. В последнем случае показателен комментарий одного из информантов (30 лет, высшее образование): «*a frase está correcta, mas eu odeio quando me falam nesse tom da 3ª pessoa distante*». Подобная реакция адресата на уважительную форму не является индивидуальной и может трактоваться как набирающая популярность тенденция, что подтверждают наши информанты моложе 35 лет.

Неадресные единицы могут проявлять себя как универсальные, функционирование которых не зависит от регистра общения: так, например, РСпк *não é?* *está bem?* вполне уместны как в дружеской беседе, так и в условиях формального общения. Это наблюдение справедливо не для всех неадресных РСпк: к примеру, переспрос *perdão?*, восходящий к извинению в форме вопроса, в официальной обстановке более уместен, нежели *o quê?* или *como?*

(б) по степени выраженности эмоционального компонента. Так, например, РСпк подтверждения *pois*, *faço ideia* и РСпк удивления *ai sim?* эмоционально нейтральны, в то время как РСпк подтверждения *ai que horror!* и РСпк удивления *nem me digas!* и подобные эмоционально нагружены. Выбор РСпк с той или иной степенью выраженности экспрессивного компонента значения определяется тональностью

репликового хода собеседника. Несоответствие тональности ходов нарушает принцип сотрудничества, свидетельствует об отстраненности коммуниканта и рассогласованиях на уровне контакта внимания и понимания.

Итак, в основе предлагаемой нами классификации лежит связь речевого стереотипа с тем или иным способом поддержания контакта. Такой подход представляется нам обоснованным, поскольку, как мы стремились показать, наблюдается существенное различие в характере регулятивных действий, реализуемых в рамках того или иного способа поддержания контакта.

Предложенный подход позволил нам выделить следующие группы для классификации РСпк:

1. поддержание контакта координирующего характера

1.1. проверка связи

1.1.1. запрос на коммуникативное присутствие (РСпк *não é, sabes* и под.)

1.1.2. проверка правильности / приемлемости информации (РСпк *concordas?* и под.)

1.2. проверка кооперативного настроения

1.2.1. компенсирующее спрашивание (РСпк *está bem?* и под.)

1.2.1. предписывающее спрашивание (РСпк *estás a ouvir?* и под.)

1.3. экспликация кооперативного настроения

1.3.1. подтверждение (РСпк *pois, claro* и под.)

1.3.2. одобрение (РСпк *exactamente* и под.)

1.3.3. удивление (РСпк *ah, sim?* и под.)

2. поддержание контакта информирующего характера (информирование о коммуникативных рассогласованиях)

2.1. переспрос (РСпк *perdão? diz?* и под.)

2.2. уточнение отдельных элементов информации (РСпк *como assim?* и под.)

2.3. побуждение адресата к активному продолжению коммуникации (РСпк *diz lá* и под.)

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что в спонтанном диалогическом взаимодействии РСпк имеют непосредственное отношение к выражению интенций говорящего, осуществляют такие важные регулятивные действия, как управление коммуникативной активностью собеседника, регулирование тематического и экспрессивного компонента коммуникативного взаимодействия.

Литература

1. Кутькова А. В. Речевые стереотипы как средство поддержания контакта: дис.... канд. филол. наук. М., 2006. 169 с.
2. Третьякова Т. П. Английские речевые стереотипы. Функционально-семантический аспект. СПб., 1995. 128 с.

Anastasia V. Kutkova

Lomonosov Moscow State University
a.kutkova@mail.ru

Abstract: *The main goal of this paper is to present an investigation into semantic and pragmatic particularities of speech stereotypes in European Portuguese. Speech stereotypes can be defined as idioms of different structural types, the content of which reference a communication situation. These economic communicative forms are widespread in colloquial oral speech and are typical of spontaneous "live" dialogue. They are acknowledged by the majority of scientists, however the point is that there is no agreement among researchers concerning the term for such types of patterns. There is still no uniform approach to developing definitional criteria due to the fact that this language layer is diversified, non-uniform and quantitatively vast. We'll take a look at these tokens and their functions in speech, explore why segregating them into a separate class of words is justified.*

Key words: *speech stereotypes; European Portuguese; interaction*

УДК 811.134

Н. Ф. Михеева, С. Д. Клементе-Смирнова
РУДН**ОБ ИЗУЧЕНИИ ДИАЛЕКТОВ
СОВРЕМЕННОГО ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА**

Аннотация: По высказыванию известного американского лингвиста У. Дж. Моултона, существуют три большие «лингвистические лаборатории»: диахронические исследования, т. е. изучение истории языков по памятникам; синхронические исследования – изучение живых языков, их сравнение, разработка универсалий; диалектологические исследования, которые как бы объединяют в себе изучение языка в трех измерениях: во времени, пространстве и на социальном уровне. Диалектология позволяет получить большой корпус данных, сведения, важные для построения универсалий, дает возможность понять процессы, происходившие в истории языка.

Ключевые слова: испанский язык; национально-культурные особенности; мексиканский штат Оахака

Отметим, что в диалектологии традиционно выделяются три этапа ее развития: на первом (донаучном) этапе диалектология зарождается в недрах этнографии, где язык рассматривается наряду с другими проявлениями материальной и духовной жизни народа (фольклором, изобразительным искусством и т.д.). На втором этапе развития диалектология перестает быть частью этнографии и становится самостоятельным разделом лингвистики, в котором дается перечень определенных языковых черт (в первую очередь, фонетических, а также морфологических). На их основе осуществляется классификация наречий и говоров. Эти два этапа характеризуют подходы к диалекту в оппозиции его к литературному языку.

Третий этап связан с применением к диалекту идеи о системном характере языка. Данная идея может иметь различные формы и степень воплощения в национальных диалектологических школах [Русская диалектология, 1964], [Ананьева, 2004], [Нарумов, 1993, с. 11 – 17], [Нарумов, 2001, с. 411–462].

Отдельно подчеркнем, что основным в диалектологии является понятие «диалектный признак, диалектная особенность, или диалектное

различие» (а с учетом нанесения названного признака на географическую карту – «изоглосса»).

С момента зарождения диалектологии под диалектным признаком подразумеваются только те особенности, которые отличают язык крестьянского населения от языка образованных слоев. Понятие «диалектный признак» с развитием представления о диалекте как о языковой системе, равноправной по своим лингвистическим (но не социально-функциональным) особенностям с литературным языком, приобретает новое содержание и включает в себя не только отличное, но и общее, свойственное диалекту и литературному языку.

Еще в ранних работах по диалектологии при изучении, в частности, немецких диалектов на территории СССР В. М. Жирмунский выделял первичные и вторичные (примарные и секундарные) признаки диалектов, различия между которыми проявляются при диалектных смешениях. Разграничение названных признаков стало общепринятым и используется при исследовании языковых и диалектных интерференций, процессов образования полудиалекта и разговорного языка, а также других промежуточных языковых слоев [ср. работы Г. В. Степанова, А. И. Домашнева, А. Д. Швейцера, М. А. Бородиной и некоторых др.].

Различаясь между собой, диалекты образуют в то же время разнообразные диалектные объединения, охватывающие зачастую сопредельные территории. Это означает, что у разных диалектов могут быть общие для них признаки, по которым они входят в диалектные объединения, и частные признаки, отличающие их друг от друга.

Как отмечает В. Г. Гак, «провести точные границы между диалектами невозможно ввиду того, что границы разных языковых особенностей не совпадают». И далее он, на основании в основном фонетических различий в современном французском языке, выделяет следующие группы диалектов.

«Прежде всего различаются собственно французские и франко-провансальские диалекты. Последние занимают промежуточное положение между французскими и провансальскими. Зона этих диалектов охватывает широкий клин в Восточной Франции, говоры Швейцарии и долины Аосты. ... Собственно северофранцузские диалекты делятся на следующие группы:

а) франсийский: диалект Иль-де-Франса, историческая основа современного французского языка; б) северные: нормандский, пикардский, валлонский (в Бельгии); они сохранились в большей степени; в) западные: анжуйский, мэнский, галло (в Бретани); г) юго-западные:

пуатевинский, сентожский, ангулемский; д) центральные диалекты Турени, Берри; е) юго-восточные: бургундский, франш – конте; ж) восточные: лотарингский, шампанский. Иногда диалекты группируют иначе: ниже-нормандский включают в группу западных; юго-восточные объединяют с восточными, центральными называют говоры Иль-де-Франса в Шампани» [Гак, 1986, с. 120–121].

Обращаясь к вопросам испанской диалектологии, необходимо прежде всего сказать о единстве испанского языка. Единство испанского языка не означает тождества фонетической, морфологической, синтаксической, лексической и словообразовательной систем у всех его носителей. Наоборот, устная и письменная испанская речь постоянно варьируются: есть разные системы произношения, существуют различия в образовании морфологических форм и синтаксических конструкций, значительные несовпадения в словарном составе.

Если такие различия оказываются свойственными носителям испанского языка на отдельных территориях, то можно говорить, что на данных территориях присутствуют местные диалекты, отличные друг от друга по определенным языковым особенностям.

Интересен в этом отношении пример функционирования диалекта мексиканского штата Оахака. К примеру, здесь на фонетическом уровне можно выделить следующие особенности:

1. Гласные под ударением значительно удлиняются. Звук [i] под ударением удлиняется в два раза: *mamita* [mã:mĩ:'ta] «мамочка», *película* [pel'i::'ku:>l'a] «фильм».

2. Происходит назализация гласных в контакте с назальными звуками [m], [n], [ŋ]: *península* [pẽní':nsu:l'a] «полуостров», *nivel* [nĩ:bé:l'] «уровень», *nicho* [nĩ':çò] «ниша», *señor* [sẽñõ:'ř] «господин», *entonces* [ẽntõ:'nses:] «тогда».

3. Имеет место назализация гласных [a], [o], [u] в контакте с [g]: *hago* [ã:'gõ] «я делаю», *gato* [gã:'tõ] «кот», *pongo* [põn:'gõ] «я кладу».

4. Фонема /h/ произносится как [g] в словах индейского происхождения и в слове *huevo* «яйцо»: *Huautulco* [gwã:'tul'kõ] «Гуатулько», *huipil* [gwi:pí'l] «уипиль (национальная блузка)», *huevo* [gwe:'bõ] «яйцо».

5. Звук [k] – велярный в позиции перед [a], [o], [u]: *carbón* [k'ãřbõ'n] «уголь», *caja* [k'a:'xã] «коробка», *carro* [k'a:'řõ] «машина».

6. [f] в большинстве случаев реализуется как губно-губной [ɸ]. Особенно это выражено в контакте с [u] и [r]: *fue* [ɸwé:] «он ходил», *afuera* [a:ɸwé'fa] «вне», *fuego* [ɸwé:gõ] «огонь», *fruta* [ɸřú:ta] «фрукт».

7. Практически на всей территории штата Оахака звук [y̆] в начале и середине слова чаще употребляется как [y̆ž]: lluvia [y̆žú:bja], [žú:bja], [džú:bja] «дождь»; llama [y̆žã:'mã], [žã:'mã], [džã:'mã] «он зовет»; calle [kã:'y̆žɛ], [kã:'džɛ], [kã:'žɛ] «улица».

Обратимся к анализу лексических особенностей испанского языка мексиканского штата Оахака.

Как известно, слова и фразеологизмы, которые свойственны лишь местным диалектам, называются лексическими диалектизмами. У них есть свои разновидности. Во-первых, выделяются собственно лексические диалектизмы, выступающие в качестве синонимов литературного языка. Во-вторых, так называемые этнографические диалектизмы, которые являются названиями таких специфических предметов и явлений, которые характерны лишь для зоны распространения диалекта. В-третьих, еще одной разновидностью лексических диалектизмов считаются семантические диалектизмы, представляющие собой диалектные значения общеупотребительных слов. На примере функционирования лексем в диалекте мексиканского штата Оахака продемонстрируем вышеперечисленные разновидности лексических диалектизмов.

Так, к собственно лексическим диалектизмам здесь можно отнести следующие: nana (Oax.), madre, mamá (Méx.) «мама»; tata (Oax.), padre, papá (Méx.) «папа»; micho (Oax.), gato (Méx.) «кот»; convite (Oax.), invitación (Méx.) «приглашение»; chiva (Oax.), cabra (Méx.) «коза»; endenantes (Oax.), hace rato (Méx.) «недавно»; fej (Oax.), juez (Méx.) «судья»; jullir (Oax.), huir (Méx.) «убегать»; muchito (Oax.), niño (Méx.) «ребенок»; quedito (Oax.), despacito (Méx.) «медленно»; totopo (Oax.), tortilla tostada (Méx.) «лепешка».

К этнографическим диалектизмам штата Оахака следует причислить chirmole или chilmole (mixteca) – «чирмоле» – «соус из перца и помидоров»; chilate (mixteca) – «чилате» – «красный куриный суп»; choquilla – «чокийя» – «запах от животного, рыбы, игуаны, змеи, утки»; endullo – «эндуйо» – «посудина для посева зерен»; huipil – «уипиль» – «национальная прямоугольная блуза без рукавов»; mayordomía – «майордомия» – «религиозный праздник»; mojiganga – «мохиганга» – «фольклорный персонаж»; tescopal – «текорраль» – «деревенский каменный забор, уложенный специальным способом»; tenate – «тенате» – «миска из пальм»; tlayuda – «тлайуда» – «сухая тортилья».

Семантическими диалектизмами в испанском языке мексиканского штата Оахака являются: gamba – «крупная креветка» (Méx.), «группа»

(Оах.); *hojuela* – «листовка» (Мéх.), «пончик» (Оах.); *lazo* – «веревка» (Мéх.), «цепочка (золотая)» (Оах.); *picante* – «острый» (Мéх.), «перец» (Оах.); *мопо* – «молодой человек» (Мéх.), «батрак» (Оах.); *solar* – «солнечный» (Мéх.), «общественная земля» (Оах.).

В данном регионе также присутствуют изменения в функционировании грамматических единиц:

1. «Нестабильное» употребление рода существительных: *hubo mucho vegetación* – «было много растительности»; *comprar la azúcar* – «купить сахар»; *tiene la plátano frito* – «у него есть жареные бананы» [Запись].

2. «Избыточное» употребление наречий с суффиксом *-mente*: *íntimamente ligada* – «тесно связан»; *una región orgullosamente oaxaqueña* – «истинно оахацкий регион»; *escolarmente hablando* – «общаясь в школе» [Запись].

3. Вспомогательные глаголы *ser*, *estar*, *haber* могут заменять друг друга: *lo que haya más necesario = lo que es más necesario* – «только самое необходимое»; *hasta ahora es nada... = hasta ahora no hay nada* – «до сих пор нет ничего»; *ese grupo fue creciendo = ese grupo estuvo creciendo* – «эта группа росла» [Запись].

4. Наравне с претерито индикатива используется перфект претерито индикатива, что несвойственно речи жителей столицы: *Los conocimientos de nuestros pueblos se han heredado de generación en generación* – «Знания наших народов передаются из поколения в поколение» [Запись].

5. Употребление пресенте субхунтива взамен пресенте и претерито индикатива: *Para comprar lo que haya más necesario como el picante, la sal, la azúcar* – «Чтобы купить самое необходимое, например, перец, соль, сахар» [Запись].

6. Использование частицы *ni* в значении *tampoco*, *no*, *ni siquiera*, *aun*, *hasta* «тоже нет, не, даже нет, даже»: *Este año casi ni llovió* – «В этом году даже не было дождя»; *Somos pobres, no tenemos ni maíz* – «Мы – бедные, у нас нет денег даже на кукурузу» [Запись].

При этом наибольший интерес представляют классификации диалектов испанского языка в рамках не одной, а нескольких стран.

Рассмотрим следующую классификацию диалектов испанского языка в странах Латинской Америки, основанную на их географическом разделении на климатические зоны: Антильские острова, прибрежные районы Мексики, Центральной Америки, почти вся территория Венесуэлы, Тихоокеанское побережье Южной Америки (от Колумбии до

северной части Чили), где обнаруживаются схожие фонетические признаки. Например, здесь, как и в Андалузии, распространено ослабление и даже потеря финальных согласных, реализация /x/ как [h], эллипсис /d/ в позиции между гласными и некоторые др.

Исходя из этой теории, делались попытки связать существующие между названными территориями различия (прежде всего в области фонетики) с местом проживания испанских конкистадоров в Испании, часть из которых, как известно, были выходцами из Андалузии. М.Л. Вагнер и А. Розенблат утверждали, что конкистадоры искали на вновь открытых территориях климатические условия, схожие с теми, в которых они проживали в Испании: кастильцы, выходцы из «высокогорных и холодных» регионов, обосновывались в гористой местности в глубине континента, а андалузцы, жители «низинных и жарких» по климатическим условиям областей, селились на побережье [Wagner, 1927, p. 20–32], [Rosenblat, 1977, p. 253]. Мы поддерживаем данную точку зрения.

Остановимся на анализе классификации диалектов современного испанского языка в различных регионах его распространения, базирующуюся на лексических признаках [Cahusac, 1980, № 2, p. 385 – 461], в которой указанный ученый провел сопоставительное исследование особенностей употребления ЛЕ в разных диалектах испанского языка на уровне нескольких латиноамериканских национальных вариантов с учетом стратификации общества (низшие слои общества – бедное крестьянство, высшие слои общества – богатые представители городского и сельского населения). С помощью региональных словарей и глоссариев М. А. Каузак составил перечень из 184 терминов. Он разделил их на три категории слов: 1) номинация сельских жителей; 2) номинация особенностей труда данного страта общества; 3) номинация особенностей их быта.

Анализ терминов, проведенный М. А. Каузаком, послужил в некоторой степени основой для дальнейшего разделения диалектов испанского языка Латинской Америки на 4 группы. К первой группе, согласно М. А. Каузаку, относится территория протяженностью от некоторых регионов, принадлежащих в настоящее время США (Нью-Мексико) на севере, до прибрежных районов Эквадора и Перу на юге, включая весь ареал Мексики и Центральной Америки, так же, как и Антильских островов и Карибского побережья Южной Америки. Как известно, в названных зонах дифференцированно функционируют лексемы *charro* ‘чарро (мексиканский крестьянин-наездник)’ (север

Мексике) и *llanero* ‘крестьянин’ (крайний юг, включая центральный регион Венесуэлы и часть Колумбии). Ко второй диалектной зоне относится район от Анд до севера Чили и северо-запада Аргентины, где реализуются термины *chacarero* ‘земледелец; фермер’ и *paisano* ‘деревенский житель’. К третьей диалектной зоне самостоятельно относится Чили, где в значении ‘крестьянин’ широко употребляются лексические единицы *huaso* и *campesinista*. Четвертая зона включает Аргентину, Уругвай и Парагвай, приграничные территории Бразилии: в качестве определяющего термина здесь выступает *gaucho* ‘пастух’.

Остановимся более подробно на языковых особенностях испанского языка в Центральной Америке и истории его изучения, которую можно разделить на 2 этапа.

I этап традиционно датируется концом XIX века. Как и в других частях Нового Света, первые описания особенностей разговорной речи жителей стран Центральной Америки «базировались» на испанской традиции, согласно которой было необходимо объединить все усилия, чтобы разновидности испанского языка латиноамериканского ареала не выделились в самостоятельные языки, как это произошло с латынью. Отсюда – озабоченность «чистотой» языка. Естественно, что при этом не существовало таких понятий, как «диалект» и «вариант». Последние квалифицировались как «варваризмы», «провинциализмы» или просто «дефекты». Среди первых авторов данной эпохи следует назвать К. Гаджини в Коста-Рике, М. Баррето в Никарагуа, А. Багреса в Гватемале, А. Мембреньо в Гондурасе и С. Салазара Гарсиа в Сальвадоре.

II этап начинается со второй половины XX века, когда наметился сдвиг в теоретическом и концептуальном аспектах ученых – лингвистов и стали развиваться диалектология, дескриптивная лингвистика, а позднее – социолингвистика и генеративно-трансформационная грамматика. Здесь необходимо отметить труды К. Лентцнера, Р. Предмора и Д. Л. Кэнфилда в Гватемале; Д. Л. Кэнфилда в Сальвадоре; Х. Лакайо в Никарагуа; М. Кантиллано Вивеса в Коста-Рике и С. Робе в Панаме.

Можно выделить и III тенденцию в развитии лингвистических учений в Центральной Америке. Это – исследования прежде всего в области лексики, анализировавшие влияние на язык «туземного субстрата» и преувеличивавшие роль последнего. Примеры названной тенденции мы находим в трудах Х. Фернандеса Ферраза в Коста-Рике; С. Барберена и П. Геоффроя в Сальвадоре и С. Мантика в Никарагуа.

Рассмотрим особенности испанского языка в Центральной Америке.

Вокализм. Как и в других испаноязычных регионах, «центрально-американский испанский», особенно в сельской местности, отличается «нестабильностью» безударных гласных среднего и высокого подъема: *dispertar, sepultura, escribir, dicir, escuro, ministro, fechuría*.

Относительно финальных гласных, в Сальвадоре и Коста-Рике наблюдаются отдельные случаи их оглушения: *noch, ruent*. А в сельских регионах центральной части Коста-Рики реализуются конечные /e, o/ как [i, u]: *deme esto* → *demi estu*, *palo* → *palu*, *parquet* → *parqui*. С другой стороны, в Панаме, Коста-Рике и Сальвадоре происходит назализация гласного, который предшествует носовой согласной /n/: [*'entrã, bas'tõ*] *entran, bastón*.

В том, что касается трансформаторики, существует общая тенденция «исключения» зияний, что происходит благодаря двум процессам изменения основного ударения: дифтонгизации и эпентезы. Дифтонгизация (*patear* → *patiar*, *reor* → *rior*, *cohete* → *cuete*) распространена по всей территории Центральной Америки. Эпентеза имеет место, когда ударение падает на первую гласную; в этом случае между двумя гласными добавляется полугласный звук [j]: *batea* → [*ba'teja*], *sandía* → [*san'dija*].

Консонантизм. В Центральной Америке имеет место изменение согласных фонем. Здесь отмечаются следующие явления:

а) вокализация: [*per'feito*] – [*per'feto*] *perfecto*, [*direito*] *directo*, [*'taisi*] *taxi*, [*'kausula*] *cápsula*. Названное явление встречается прежде всего в сельской местности.

б) альтерация: [*asek'tar*] *aceptar*, [*akso'luto*] *absoluto*, [*kon'sekto*] *concepto* (и гиперкоррекции, как [*in'septo*] *insecto*, [*op'tubre*] *octubre*), [*'ridmo*] *ritmo*, [*'edniko*] *étnico*, [*iño*] *himno*.

в) эллипсис: [*es'traño*] *extraño*, [*espo'ner*] *exponer*, [*kon'seto*] *concepto*.

Отметим, что альтерация и эллипсис присущи всем социальным слоям населения Центральной Америки.

Охарактеризуем морфо-синтаксические особенности испанского языка в Центральной Америке.

Одной из самых характерных черт «центральноамериканского испанского» является, на наш взгляд, парадигма форм обращения. С одной стороны, здесь, как и в других испаноязычных странах, встречается реализация формы *usted* со значениями – «дистанция», «уважение» или «вежливость». С другой стороны, для обозначения солидарности, аффекта или фамильярности используются местоименные формы обращения (МФО) *vos y tú*.

Границы употребления *voseo* простираются от Гватемалы до восточной части Панамы (в зоне, граничащей с Коста-Рикой). При этом узуальны глагольные формы с суффиксами *-ás, és, -ís*: *vos tomás, vos comés, vos partís*. Однако в Панаме функционируют *vos tomáis, vos coméis*. Парадигма *voseo* распространяется также на субхантив: *que vos tomés, comás, durmás, que vos hayás tomado* и т. д. В Гватемале и Сальвадоре местоимение *vos* употребляется со значением экспрессии: ¡qué bueno, vos!

Форма *tú* применяется практически на всей территории Панамы, но на востоке страны (на границе с Коста-Рикой) функционируют *tú* и *vos*. Кроме того, в Гватемале и Сальвадоре отмечается реализация МФО *tú* в значении «солидарность», а не «фамильярность» (как в Коста-Рике). Отдельно подчеркнем, что в Коста-Рике в последние годы наметилась тенденция к использованию *tú* взамен *vos*.

Интересны наблюдения А. Граэля и М. Килиса (1995) по реализации МФО на востоке Панамы, где родители обращаются к детям на *vos* или на *tú*. Последние им отвечают на *usted*; супруги общаются друг с другом на *usted* или на *vos*; близкие родственники и друзья используют все 3 формы обращения.

Употребление МФО *usted* в значении солидарности известно в Коста-Рике и в сельских районах Панамы при обращении к братьям и сестрам, детям, друзьям и знакомым.

Использование безударных форм личных местоимений «следует» пиренейскому стандарту: *las vio, le dijo, lo miraron*. Однако в указанном ареале в аккузативе спорадически функционирует форма *le*, к примеру, при обращении к клиенту в офисе или по телефону: ¿ya le atienden?, *le llamamos después* и т. д. *Leísmo* также реализуется в предложениях с *se*: *se le nota, se le vino, me le fui*. В Центральной Америке наблюдается общая тенденция к согласованию аккузатива (*lo/la*) с дативом во множественном числе (*les*): *les dio la carta a los muchachos* → *él se la dio*.

Но как бы ни были велики расхождения между диалектами, а также между диалектами и литературным языком, единство испанского языка сохраняется, ибо сохраняются основы фонетической системы (состав гласных и согласных фонем, их сочетаемость друг с другом), морфологического строя (состав частей речи), синтаксиса (построение словосочетаний и предложений); сохраняется и основной лексический фонд (слова, обозначающие жизненно важные предметы и явления действительности, признаки, действия и состояния).

Литература

1. *Ананьева Н. Е.* История и диалектология польского языка. М., 2004. 304 с.
2. *Виноградов В. С.* Лексикология испанского языка. М., 1994. 192 с.
3. *Гак В. Г.* Введение во французскую филологию. М., 1986. 303 с.
4. *Михеева Н. Ф.* Испанский язык на территории юго-западных штатов Америки: дис. ... доктор филол. наук. М., 2003. 359 с.
5. *Нарумов Б. П.* Соотношение языков и диалектов в романских странах с социолингвистической точки зрения // Функциональный и методический аспекты изучения иностранных языков. М., 1993. С. 11–17.
6. *Нарумов Б. П.* Испанский язык // Языки мира. Романские языки. М., 2001. С. 411–462.
7. Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964. 151 с.
8. *Cahusac F.* La división del español de América en zonas dialectales: solución etnolingüística o semántico-dialectal // Lingüística española actual, 1980. № 2. P. 385–461.
9. *Henríquez Ureña P.* Datos sobre el habla popular de México. México: BDH. IV, 1938. P. 277–324.
10. *Rosenblat A.* Los conquistadores y su lengua. Caracas, 1977. 175 p.
11. *Wagner M.L.* El supuesto andalucismo de América y la teoría climatológica // Revista de filología española. Madrid, 1927. T. 14. P. 20–32.

Natalia F. Mikheeva,

Svetlana D. Klemente-Smirnova

Peoples' Friendship University of Russia

mikheeva_rudn@mail.ru

ksdsvetik@yandex.ru

Abstract: According to the famous American linguist W. J. Moulton, there are three large «linguistic laboratories»: diachronic research, that is, the study of the history of languages from monuments; synchronous research – the study of living languages, their comparison, the development of universals; dialectological studies, which combine the study of language in three dimensions: in time, space and at the social level. Dialectology allows you to get a large body of data, information that is important for the construction of universals, making it possible to understand the processes in the history of the language.

Key words: Spanish; national-cultural peculiarities; the Mexican State of Oaxaca

УДК 811.134.2

Ю. П. Мурзин
МГИМО(У) МИД России**ДЕКАЛОГ В СОВРЕМЕННОМ ИСПАНСКОМ РЕЛИГИОЗНОМ
И СВЕТСКОМ ДИСКУРСЕ**

***Аннотация:** В статье рассматриваются причины, обусловившие новые подходы в понимании содержания и значения Десяти заповедей в современном обществе и в выборе лексических и грамматических средств, в изменении модальности и стилистики Декалога в классическом и ряде современных переводах книги Исход Священного Писания.*

Прослеживаются изменения жанра, формата, модальности Декалога при использовании его в качестве прецедентного текста в современном испанском светском дискурсе – от общественно-политического уровня вплоть до асоциального и криминального – исходя из прагматической установки автора нового текста, для достижения коммуникативного успеха и персуазивного воздействия на адресата, с учетом его возрастного, социального и профессионального статуса.

***Ключевые слова:** Декалог; модальность; прецедентный текст; лингвопрагматика; персуазивность*

В течение более чем трех тысяч лет Заповеди Божьи служат основой морали и этики иудеев и христиан – католиков, православных, протестантов. Это – предписание, моральный устой, который никогда не следует переступать и забывать.

Папа Римский Франциск I, говоря о значимости заповедей для человека, сказал, что заповеди были даны Народу Израилеву на горе Синай. Таким образом, вслед за «путем к свободе», когда Бог выводит Свой Народ из Египта, Бог указывает «путь, вписанный в сердце человека – универсальный нравственный Закон». Мы должны видеть в них не ограничения, а указания для свободы! Они учат избегать рабства, к которому ведут построенные нами многочисленные идолы, и составляют своеобразный «этический кодекс» для созидания справедливого общества, ориентированного на человека. Десять заповедей учат нас «относиться с уважением к людям, преодолевая жажду власти, обладания, денег, учат быть порядочными и честными в наших взаимоотношениях, беречь всё творение и насыщать планету высокими,

благородными, духовными идеалами». Десять заповедей – это, по сути, «закон любви».

Наряду с этим папа Франциск констатировал, что слово «заповедь» старомодно, мало того, «современного человека оно наводит на мысль о чем-то негативном, о чьей-то воле, насаждающей ограничения» [Папа Франциск о десяти заповедях].

Условия жизни человека в начале XXI века коренным образом отличаются от тех социальных и исторических условий, в которых создавался текст Священного Писания. В пастырской конституции о церкви в современном мире *Gaudium et Spes* («Радость и надежда»), принятой на Втором Ватиканском соборе (1962–1965 гг.), отмечается, что глубокие и стремительные изменения, происходящие в мире, «сказываются на самом человеке, на его суждениях, на личных и коллективных запросах, на его образе мышления и действия – по отношению как к материальному миру, так и к самим людям» [Пастырская конституция о Церкви].

Со временем менялось и отношение людей к положениям Декалога. Так, в современном мире категорический императив не согласуется с существующими ныне представлениями о демократии, правах человека, толерантности. Физическое наслаждение или работа по выходным уже не воспринимаются как нечто запретное.

Высказываются мнения, что если не все, то некоторые заповеди необходимо актуализировать и добавить новые. Да и в самом Ветхом Завете первое перечисление заповедей в книге Исход (20:2–17) отличается от последующего: в книге Второзаконие (5:6–21) отмечаются некоторые редакционные изменения и иная нумерация.

Обсуждения темы актуальности заповедей в обществе с участием философов, писателей, интеллектуалов, богословов и священников показывают, что заповеди по-прежнему сохраняют свое значение «этического императива». Так, заповеди *no matarás, no robarás, no codiciarás los bienes ajenos, no cometerás actos impuros* особенно актуальны в современном мире в связи с распространением терроризма и войн, явления коррупции и отклонения от христианских норм нравственности.

Заповедь *no darás falso testimonio ni mentirás* сегодня приобретает особую актуальность в связи с упреками в адрес средств массовой информации по поводу так называемых фейковых новостей. Предлагаются новые формулировки заповедей: *No publicarás tuits impuros y*

respetarás los derechos de autor; no informarás en vano; no informarás de manera sensacionalista ni engañosa.

Наряду с этим полагают, что в мире, где плотские наслаждения – это не столь великий грех, если они не являются источником зла для ближнего, то заповеди *no cometerás actos impuros, no codiciarás la mujer de tu próximo* могут восприниматься как устаревшие. И в наши дни, когда досуг считается одной из наихудших форм проявления отчуждения человека, заповедь *santificarás las fiestas* звучит совершенным анахронизмом [Millet].

В то же время такие явления, как расовая ненависть, социальная несправедливость, нарушение прав человека, гендерное неравенство, манипулирование информацией могли бы найти отражение в новых или переформулированных заповедях.

П. Зеewальд, биограф Бенедикта XVI, отмечает, что христианство уже стало маргинальным явлением практически во всех сферах общественной жизни. Кризис Церкви будет усиливаться, а вместе с ним и кризис общества, которое без этики религии находится на грани [Seewald]. Опросы общественного мнения показывают, что в современной Испании Библию читают меньше людей, чем в любой другой стране Европы, хотя во многих испанских семьях, как правило, среди других можно увидеть три книги: Библию, «Дон Кихот», какой-либо словарь или энциклопедию, но без признаков, что их когда-то открывали. За упущения в этом плане пеняют системе образования, которая не учит молодежь мыслить, интересоваться историей или что-либо заучивать наизусть; ни телевидение, ни социальные сети не побуждают молодежь к самообразованию. Следствием такого положения многие считают подъем «антиклерикализма». Библия, однако, в испанской культуре считается столь же «испанской», как и «Дон Кихот», Веласкес, Микеланджело или Бетховен [Amorós]. Следует учитывать, что, согласно опросам, более 11 млн испанцев ходят к мессе по субботам и воскресеньям [Ansón].

Наибольшее распространение среди испаноязычных христиан во всем мире, прежде всего в Латинской Америке, где проживают около 40 % всех католиков [Бабошкин], получила Библия в переводе Касиодоро де Рейна, увидевшая свет в Базеле в 1569 году. В новой редакции, осуществленной Сиприано де Валерой, Библия была издана в 1602 году. Её пересмотренные издания выходили в 1862, 1909, 1060, 1995, 2009, 2011 и 2020 годах. Последовательно изымались апокрифические книги, и текст Священного Писания излагался более

современным испанским языком, с ориентацией на латиноамериканскую аудиторию.

В классических переводах Библии, в печатном виде широко распространенных в испаноязычном сообществе, предикат в заповедях, как правило, имеет форму Futuro simple, образовавшуюся от инфинитива смыслового глагола и личных форм глагола *habēre* в настоящем времени: в разговорной латыни, сначала в виде аналитической конструкции, обозначавшей долженствование, *habeo ad amare, habeo amare, amare habeo (tengo que amar)*. Дальнейший процесс стяжения *he de amar > amar-he > amaré* привел от аналитической к современной синтетической форме Futuro simple [Gili Gaya, 1961, p. 165].

В современном испанском языке, помимо обозначения действия в будущем, Futuro simple сохраняет целый ряд других значений, в том числе выражает категорическое приказание, повеление, а также запрещение (с отрицанием) (Futuro de mandato), обязательства (Futuro de obligación) в форме 1-го, 2-го и 3-го лица или в безличной форме:

а) в форме 1-го лица: *se lo diré*;

б) в форме 2-го лица: *se lo devolverás; ¡Me dirás toda la verdad!*

в) в форме 3-го лица – в воинских уставах, служебных наставлениях: *El militar guardará y hará guardar la Constitución como norma fundamental del Estado...* [Real Decreto 96/2009, de 6 de febrero].

г) в отрицательной форме выражает строгий запрет: *Este libro no será vendido* (надпись на бесплатной религиозной литературе);

д) в инструкциях: *Se especificará el precio base de la subasta...* [Reglamento de la ley de contrataciones];

е) в юридических текстах: *Todos contribuirán al sostenimiento de los gastos públicos* [Constitución Española].

ж) в административных постановлениях, распоряжениях: *Los alumnos que deseen cursar estudios universitarios realizarán una preinscripción en la facultad elegida.*

В печатных классических версиях Библии в книге Исход предикат в заповедях имеет, как правило, форму Futuro simple; форма Imperativo употребляется лишь в двух заповедях: *recuerda el día del sábado para santificarlo (acordarte has del día del reposo)* и *honra a tu padre y a tu madre.*

В редакциях Библии Рейна–Валера вышедших до 1995 года включительно две заповеди приводятся в форме Imperativo (*Acuérdate del sábado para santificarlo* и *Honra a tu padre y a tu madre*). В электронных же изданиях 2009, 2011, 2020 годов форма Imperativo этих заповедей

заменена на Futuro simple: *Te acordarás del día de reposo y lo santificarás* и *Honrarás a tu padre y a tu madre* [Éxodo 20. Reina Valera Contemporánea]. В книге Второзаконие Imperativo содержится только во второй из названных заповедей. В испанской версии Катехизиса Католической церкви, утвержденного папой Иоанном Павлом II в 1992 году, предписания Декалога сохраняются в традиционном виде – со сказуемым в форме Futuro simple:

1. *Amarás a Dios sobre todas las cosas.*
2. *No tomarás el nombre de Dios en vano.*
3. *Santificarás las fiestas.*
4. *Honrarás a tu padre y a tu madre.*
5. *No matarás.*
6. *No cometerás actos impuros.*
7. *No robarás.*
8. *No darás falso testimonio ni mentirás.*
9. *No consentirás pensamientos ni deseos impuros.*
10. *No codiciarás los bienes ajenos.* [10 Mandamientos]

Акцент при этом делается на обязательности исполнения повеления, приказания. Использование такой формы не дает возможности отклонить приказ или возразить что-либо. Речь идет о резких, категоричных повелениях, ставящих конечную точку в вопросе. Это строгие приказы большой силы.

Данное значение грамматической формы, выразившее «обязанность», идею «долга», «долженствования», отвечало духу и морали христианства, появившегося в Испании уже в первые века своего существования.

В заповедях речь идет главным образом об обязанностях, тогда как в современном мире акцент ставится на правах и свободе личности. С учетом современных настроений и веяний в обществе и в самой Церкви происходят изменения и в формулировке заповедей. В конце XX и начале XXI века появился ряд переводов Священного Писания на испанский язык, в которых заповеди содержат форму глагола в Imperativo. Таким образом, происходит в некоторой степени отступление от традиционной ригористической позиции в области нравственности, морали и этики, что позволяет достичь большего коммуникативного успеха.

В переводе Библии под названием «Новый живой перевод» в книге Исход Декалог приводится в следующем виде, с сохранением обращения в форме 2-го лица ед. ч. **tú**:

Yo soy el SEÑOR tu Dios.

No tengas ningún otro dios aparte de mí.

No te hagas ninguna clase de ídolo ni imagen de ninguna cosa. **No te inclines** ante ellos ni les **rindas** culto.

No hagas mal uso del nombre del SEÑOR tu Dios.

Acuérdate de guardar el día de descanso al mantenerlo santo.

Honra a tu padre y a tu madre.

No cometas asesinato.

No cometas adulterio.

No robes.

No des falso testimonio contra tu prójimo.

No codicies la casa de tu prójimo. **No codicies la esposa** de tu prójimo...

[Biblia. Nueva Traducción Viviente].

В книге Исход «Библии на современном языке», принята иная форма обращения в заповедях: вместо местоимений **tú**, **vosotros** и глагола в форме 2-го лица – местоимение 3-го лица мн. ч. **ustedes** и соответствующая форма глагола в Imperativo, как следование практике употребления данных личных местоимений в латиноамериканском варианте испанского языка:

Dios **les** dijo a los israelitas:

Yo soy el Dios de Israel.

No tengan otros dioses aparte de mí.

No hagan ídolos ni imágenes de nada.

No se arrodillen ante ellos ni hagan cultos en su honor.

No usen mi nombre sin el respeto que se merece.

Recuerden que el sábado es un día especial, dedicado a mí.

Obedezcan y cuiden a su padre y a su madre.

No maten.

No sean infieles en su matrimonio.

No roben.

No hablen mal de otra persona ni digan mentiras en su contra.

No se dejen dominar por el deseo de tener lo que otros tienen.

[Exodo 20. Traducción en lenguaje Actual].

Для большей персуазивности и достижения коммуникативного успеха заменена форма выражения модальности – используется

Imperativo вместо Futuro simple, а в переводе Библии, ориентированном на латиноамериканскую аудиторию в обращениях к множеству людей личное местоимение 2-го лица мн. ч. *vosotros* и соответствующая форма относящегося к нему глагола заменены на местоимение *ustedes* и соответствующую форму глагола. Также, в целях следования узусу латиноамериканского варианта испанского языка, традиционное *Honra a tu padre* у *a tu madre* заменено на *Respeta a tu papá* у *a tu mamá* [Éxodo 20. Palabra de Dios para Todos].

Священное Писание, помимо религиозного значения, представляет собой литературный памятник, является вечным и неисчерпаемым источником знаний, мотивов, сюжетов, образов и идей для литературы и искусства. Отсылка к этим текстам придает незыблемость и неоспоримость новому произведению и способствует достижению достоверности. Заповеди часто используются в качестве прецедентного текста в различных видах дискурса. В подражание им иногда в такой же лаконичной и императивной форме формулируются некие рекомендации, которые воспринимаются как наставления, следование которым непреложно, как и самим заповедям.

Рассмотрим некоторые случаи нового текста в испаноязычном светском дискурсе.

Приказание в новом тексте может быть выражено инфинитивом или императивом. При этом может происходить снижение до уровня практического, обыденного сознания – в советах и рекомендациях «как завоевать мужчину» (Los 10 mandamientos para conquistar a un hombre):

1. *Volverse* irresistible.
2. *Míralo* siempre a los ojos.
3. *Dime* con quién andas...
4. *No ser* muy evidente.
5. *Sonreír*, siempre.
6. *Mostrar* seguridad.
7. *Elogiarlo*.
8. *Compartir* gustos.
9. *Escucharlo* у *comprenderlo*.
10. *Tomar* la iniciativa [Los diez mandamientos para conquistar].

Характерно, что в данном случае новый текст не содержит лексических заимствований из оригинала, соблюдено лишь количество «заповедей», а повеление выражено преимущественно инфинитивом, что характерно для просторечия.

В тексте «10 заповедей моды» (Los 10 mandamientos de la moda) сохраняется количество «заповедей», форма Futuro simple, частично замещаются глаголы (*amarás, santificarás, no robarás, no tomarás, no consentirás*), но с иным прямым дополнением; кроме того, «вводятся» персоналии – имена известных модельеров и брендов:

Amarás a Amancio Ortega.

No tomarás la moda en vano.

Santificarás las tendencias.

Honrarás a Karl y a Coco.

No pasarás del límite de tu tarjeta.

No cometerás crímenes de estilo.

No robarás estilos o looks.

No dirás falsos testimonios sobre tu pasado.

No consentirás pensamientos ni deseos impuros a otras marcas.

No codiciarás los bienes ajenos [Los 10 mandamientos de la moda].

«Заповеди» скейтбордиста дают пример позитивной молодежной коммуникации: речь идет о солидарности и дружбе между скейтбордистами, об упорстве и стойкости, необходимых при занятии этим видом спорта; каждая заповедь звучит как девиз: *No te burlarás si alguien se cae del skate. Patinarás hasta la muerte. Amarás a tu skate más que nada. Si te caes te levantarás y lo harás de nuevo. Todos los skaters seremos amigos.*

«Заповеди» от президента Мексики Лопеса Обрадора, зачитанные им самим перед видеокамерой, сформулированы в достаточно свободной форме и представляют собой:

– рекомендации, как уберечься от заражения коронавирусом: *mantengámonos siempre informados de las disposiciones sanitarias; sigamos acatando las recomendaciones para cuidarnos y minimizar el riesgo de contagio;*

– советы, касающиеся здорового образа жизни: *Actuemos con optimismo y buen estado de ánimo para enfrentar la adversidad. Alimentémonos bien. Tomemos agua pura;*

– советы для поддержания социального и расового мира в обществе: *Eliminemos las actitudes racistas, clasistas, sexistas y discriminatorias;*

– проповедь отказа от потребительства: *No nos dejemos envolver por lo material. Alejémonos del consumismo;*

– призыв к духовному, культурному самосовершенствованию сограждан: *Busquemos un camino de espiritualidad. Reforcemos nuestros valores culturales nacionales, las lenguas, las costumbres y sigamos cuidando a nuestros adultos mayores* [Decálogo completo de AMLO].

Сказуемое – в императивной форме Presente de subjuntivo 1-го лица мн. ч., говорящий включает себя в число исполнителей действия, причем «заповедей»-рекомендаций не 10, а 13.

Долженствование в «Декалоге успешного политика» (Decálogo del buen político) выражено конструкцией **deber** + **инфинитив**. В нем акцент делается на таких свойствах личности, как «скромность», «сдержанность», «работоспособность»; политик должен относиться к людям с любовью, быть «корректным в отношении соперников», не поддаваться «соблазну легких денег», помнить о преходящем характере своего статуса и положения как политика:

1. El buen político *debe ser humilde*.
2. El buen político *nunca debe tentarse* con los dineros fáciles del erario público.
3. El buen político *debe saber* que ejerce un poder delegado y pasajero.
4. El buen político *debe descender* a sus inferiores con amor como lo hace el Padre celeste con sus criaturas.
5. El buen político *no debe olvidar nunca que debe conducir con amor*.
6. El buen político *debe evitar la exposición* excesiva ante su pueblo.
7. El buen político *debe ser mesurado* en sus palabras y medido en sus declaraciones.
8. El buen político *jamás se debe expresar* con términos violentos, ni denigrar al adversario ocasional para sacar rédito propio.
9. El buen político *debe trabajar* denodadamente en la función que se le ha encomendado.
10. El buen político *debe saber* que los cargos públicos no son para perpetuarse en el poder indefinidamente [Castañeda].

Лаконично сформулированы десять «заповедей»-идей для «новых право-центристов» (Decálogo de ideas para el nuevo centro-derecha) – в виде нераспространенного или назывного предложения, воспринимаемые как характеристики названного идейного направления:

- Ideología sin complejos.
- Liberalismo.
- Nuevo lenguaje y comunicación.
- Políticas sociales.

Un proyecto nacional atractivo.

Regeneración y corrupción.

Democracia representativa.

Defensa de valores tradicionales.

La demografía es el principal problema de nuestro país.

Adelgazamiento de la estructura del Estado [Decálogo de ideas].

Широкое разнообразие коммуникативных тактик находим в «заповедях» лодыря (Los diez mandamientos del vago), включающих:

– императив и носящих прескриптивный характер: *Ama a tu cama, como a tí mismo. Si ves a alguien descansar, ayúdalo. Descansa de día para que puedas dormir de noche. Cuando sientas el deseo de trabajar, siéntate y espera que se te pase;*

– приказание, выраженное косвенно – в виде пожелания: *Trabaja lo menos que puedas, lo que tengas que hacer que lo haga otro;*

– суждение: *Se nace cansado y se vive para descansar;*

– суждение, императив, с синтаксическим усложнением: *El trabajo es sagrado, no lo toques. Si el trabajo es salud, que trabajen los enfermos. Aquello que puedas hacer mañana, no lo hagas hoy;*

– рекомендация, выраженная существительным, означающая призыв к спокойствию, терпению, выдержке, с мотивировкой, также косвенно призывающей к отдыху: *Calma, nunca nadie murió por descansar [Los diez mandamientos del vago].*

В отдельных случаях наблюдается снижение до уровня асоциального или криминального дискурса. Так, в «заповедях» наркоторговца (Los mandamientos del narcotraficante), вопреки библейским заповедям, жесткость, жестокость, эгоизм утверждаются как главные сущностные качества: *No perdonarás un fallo. No pedirás perdón por matar. No pensarás en nadie más que en ti. No crearás en el amor.*

Характер зловещего пророчества носят «заповеди» *No te librarás de la cárcel. Serás asesinado por tu mejor amigo [Saviano].*

В них проявляется не только цинизм в отношении ценностных понятий «любовь», «дружба», но и происходит десакрализация утраченных ценностных смыслов, моральных и этических понятий, содержащихся в прецедентном тексте, высмеивание, профанация стиля и жанра самого прецедентного текста.

Таким образом, новые переводы Декалога выполнены с учетом изменений, произошедших в обществе и сознании людей, в них

прослеживается ориентированность на региональные варианты испанского языка.

В новом тексте светского дискурса жанр заповеди подвергается формальным изменениям, как правило, несет иное грамматическое и лексическое наполнение и модальность, что делается в целях реализации прагматической установки автора и достижения коммуникативного успеха, с учетом возрастного, социального и профессионального статуса адресата.

Новый текст характеризуется отходом от строго заповедального характера прецедентного текста, нередко ему свойственно игровое переименование важнейших наставлений и запретов; «заповедь» может формулироваться в виде совета, рекомендации, пророчества, проповеди, призыва, угрозы касательно сферы деятельности адресата, его занятий, личностных качеств, состояния, духовной жизни, целей, образа действий и др. В результате дается установка на формирование ценностной картины мира для определенного социума.

Литература

1. *Бабошкин М.* Пятьдесят оттенков веры. Почему в Латинской Америке все меньше католиков. <https://republic.ru/posts/64046> (дата обращения: 28.01.2021).
2. Папа Франциск о десяти заповедях. <http://www.mosadvent.ru/society/item/775-papa-frantsisk-o-desyati-zapovedyakh> (дата обращения: 21.01.2021).
3. Пастырская конституция о Церкви в современном мире «Gaudium et Spes». <http://www.agnuz.info/app/webroot/library/6/128/page16.htm> (дата обращения: 27.01.2021).
4. *Amorós A.* https://www.abc.es/opinion/abci-andres-amoros-nuestra-biblia-202008282304_noticia.html (дата обращения: 18.04.2020).
5. *Ansón L. M.* El Papa y el Presidente. <https://www.elmundo.es/opinion/columnistas/2020/10/25/5f957faefc6c837a1f8b45b0.html> (дата обращения: 22.01.2021).
6. *Castañeda J.* Decálogo del buen político. <https://www.adnrionegro.com.ar/2017/04/decalogo-del-buen-politico/> (дата обращения: 29.01.2021).
7. *Gili Gaya S.* Curso superior de sintaxis española. Barcelona, 1961.
8. *Millet E.* ¿Aún son diez los mandamientos? <http://www.dios.com.ar/notas1/enigmas/conjeturas/mandamientos/mandamientos.htm> (дата обращения: 22.01.2021).
9. *Saviano R.* Los mandamientos del narcotraficante. http://www.elconfidencial.com/cultura/2014-02-25/los-mandamientos-del-narcotraficante_93394/ (дата обращения: 28.01.2021).

10. *Seewald P.* Benedicto XVI es un pensador moderno. <https://www.pressreader.com/spain/la-vanguardia/20201228/281668257588995> (дата обращения: 29.12.2020).
11. Biblia. Nueva Traducción Viviente. <https://www.bible.com/es/bible/127/EXO.20.NTV> (дата обращения: 12.11.2020).
12. Constitución Española. <https://www.senado.es/web/conocersenado/normas/constitucion/detalleconstitucioncompleta/index.html#t1> (дата обращения: 23.01.2021).
13. Decálogo completo de AMLO para salir del COVID-19 (13). https://mexico.as.com/mexico/2020/06/14/tikitakas/1592097131_560480.html (дата обращения: 25.01.2021).
14. Decálogo de ideas para el nuevo centro-derecha. https://www.abc.es/espana/abci-decalogo-ideas-para-nuevo-centro-derecha-201806250201_noticia.html (дата обращения: 10.10.2020).
15. Éxodo 20. Palabra de Dios para Todos. <https://www.bible.com/es/bible/197/EXO.20.PDT> (дата обращения: 26.01.2021).
16. Éxodo 20. Reina Valera Contemporánea. <https://www.biblegateway.com/passage/?search=Éxodo%20&version=RVC> (дата обращения: 26.01.2021).
17. Exodo 20. Traducción en lenguaje Actual. <https://www.bibliatodo.com/la-biblia/Traduccion-lenguaje-actual/exodo-20> (дата обращения: 26.01.2021).
18. Los 10 mandamientos de la moda. <https://www.lafemmfatale.mx/single-post/2016/05/24/los-10-mandamientos-de-la-moda-1> (дата обращения: 14.12.2020).
19. Los diez mandamientos del vago. <https://www.besanavilloria.com/2012/07/19/los-diez-mandamientos-del-vago/> (дата обращения: 28.01.2021).
20. Los diez mandamientos para conquistar a un hombre. <https://www.infobae.com/2007/01/06/294140-los-diez-mandamientos-conquistar-un-hombre/> (дата обращения: 29.01.2021).
21. Real Decreto 96/2009, de 6 de febrero, por el que se aprueban las Reales Ordenanzas para las Fuerzas Armadas. <https://www.boe.es/buscar/pdf/2009/BOE-A-2009-2074-consolidado.pdf> (дата обращения: 18.11.2020).
22. Reglamento de la ley de contrataciones del Estado. <https://rgae.gob.gt/wp-content/uploads/2018/11/acuerdo-gubernativo-122-2016-reglamento-de-la-ley-de-contrataciones-del-estado.pdf> (дата обращения: 24.12.2020).
23. 10 mandamientos de la Iglesia Católica. <https://okdiario.com/curiosidades/cuales-son-10-mandamientos-iglesia-catolica-2777894> (дата обращения 25.12.2020).

Iurii P. Murzin

Moscow State University of International Relations

(MGIMO University)

yu.p.murzin@inno.mgimo.ru

Abstract: *The article examines the reasons that led to new approaches in understanding the content and meaning of the Ten Commandments in modern society and in the choice of lexical and grammatical means, in changing the modality and style of the Decalogue in the classical and a number of modern translations of the book of Exodus of the Holy Scripture.*

A comparison of genre, format, modality of the Decalogue when using it as a landmark text in modern Spanish secular discourse of the social-political level up to antisocial and criminal – based on a pragmatic set the author of the new text for persuasive impact on the recipient, taking into account his or her age, social and professional status.

Key words: *the Decalogue; modality; precedent text; linguo-pragmatics, persuasiveness*

УДК 811.134

А. А. Невокшанова

МГУ имени М. В. Ломоносова

СТАНОВЛЕНИЕ ЧИЛИЙСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

***Аннотация:** Настоящая статья посвящена начальному этапу развития чилийской лексикографической традиции. Становление национальной лексикографии рассматривается в контексте социолингвистической и языковой ситуации в стране, автор приводит краткую характеристику первых словарей чилийской национальной лексики, а также выделяет основные тенденции лексикографической деятельности чилийских филологов конца XIX века. В один из важнейших периодов в истории страны, когда начинает формироваться национальное самосознание, лексикографические издания занимают особое место, являясь, с одной стороны, свидетельством национального своеобразия испанского языка в Чили, и, одновременно, будучи написанными в строгих традициях консервативной испанской академической филологии того времени.*

***Ключевые слова:** национальный вариант испанского языка; лексикография; Чили; социолингвистика*

Становление национальной лексикографической традиции в любой из испаноязычных стран Латинской Америки, как правило, подразумевает заключительный этап формирования национального самосознания – традиционно это рубеж XIX–XX веков или первые десятилетия XX века. Начало работы над словарем (или словарями, в некоторых случаях) национальной лексики свидетельствует о ряде изменений в общественно-политической жизни. В частности, завершается активная полемика о языковой эмансипации и начинает формироваться, как минимум, в академической среде, общая точка зрения на вопросы статуса испанского языка на национальной территории. В тот же период во многих странах создаются Академии испанского языка и через некоторое время начинается продуктивная академическая деятельность.

При этом, было бы не вполне корректно говорить о том, что ситуация во всех странах складывается по одному и тому же сценарию. Так, в ряде стран Академия испанского языка создается существенно позже (например, в Гондурасе это происходит в 1949 году, а в Пуэрто-

Рико – в 1950); в других странах работа над первым словарем национальной лексики начнётся через много лет после учреждения Академии. Однако, в целом, при анализе большинства ранних словарей можно выделить некоторые сходства.

Первый словарь локализмов не всегда будет национальным – в ряде случаев в нем будут отражены особенности испанской речи целого региона. Среди таких словарей можно упомянуть *Vocabulario rioplatense razonado* Д. Гранады (1890), посвященный особенностям речи жителей региона Рио-де-ла-Плата, а также *Diccionario de provincialismos y barbarismos centroamericanos* С. Гарсии (1910), в котором собраны наиболее характерные черты центральноамериканских вариантов испанского языка. Развитие такого направления филологических исследований в конце XIX – начале XX века прежде всего характерно для тех регионов, где территориально близкие разновидности испанского языка обладают значительным сходством.

Главная цель авторов первых словарей национальной лексики – защита испанского языка от локализмов, диалектизмов и системных изменений, неизбежно происходящих с течением времени. Практически каждый словарь, опубликованный в этот период, автор сопровождает особым пояснением, в котором отмечает, что работа над этим трудом ни в коем случае не предполагала никакой иной цели, кроме как защитить испанский язык от нежелательных изменений. При этом также в ряде случаев автор сообщает, что в процессе работы над словарем частично или полностью изменил своё мнение и сумел увидеть национальное своеобразие испанского языка своей страны по-новому, оценить собранный языковой материал как богатство испанского языка, его важную составляющую.

Такая ситуация, в целом, отражает общую тенденцию, сложившуюся в латиноамериканской филологии к середине XIX века. Так например, в знаменитом Предисловии (1951) к переизданию Грамматики испанского языка (1847) Андреса Бельо – первой грамматики высокого академического уровня, изданной в Америке, и поэтому частью читателей и критиков воспринятой как попытка подвести научную базу под идеи языковой эмансипации – Амадо Алонсо напишет о том, что перед Бельо никогда не стояла цель способствовать получению языковой независимости вслед за политической. Напротив, языковое единство американских территорий и Испании автор Грамматики воспринимал как неоценимое благо, которое следует сохранять и защищать, а возможность языкового дробления американских территорий считал пугающей, полагая

необходимым отстаивать право жителей латиноамериканских территорий на участие в дальнейшем развитии единого испанского языка: «*Bello no postulaba la separación americana, sino, al revés, el derecho de los americanos a participar con toda dignidad en la permanente formación de la lengua común*» [Bello, p. XVI]. Подобными соображениями руководствовалось в своих исследованиях подавляющее большинство американских филологов и мыслителей того времени.

Чили рано получает независимость от Испании – Декларация независимости была подписана в 1818 году. Уже в 1844 году независимость Чили будет признана Испанией и между странами установятся дипломатические отношения. XIX век в чилийской истории сложно назвать спокойным периодом, однако уже во второй половине века в стране будет активно развиваться национальное образование и наука, в частности, гуманитарная. Как и во многих испаноязычных странах, после обретения политической независимости в Чили начинается так называемый «спор о языке», впрочем, быстро утихший. Важно, однако, отметить, что под влиянием аргентинских политических иммигрантов, в частности, прежде всего Доминго Фаустино Сармьенто, уровень вовлеченности в этот спор носителей чилийского национального варианта испанского языка – при существенно более спокойном отношении к романтическим идеям свободы и необходимости полной языковой эмансипации языка чем в соседней Аргентине – стал достаточно высоким.

Такая языковая и социолингвистическая ситуация приводит к раннему началу лексикографической традиции. Так например, в число первых членов Чилийской Академии испанского языка, созданной в 1885 году входит автор уже вышедшего к тому моменту первого словаря чиленизмов. В то же время, в большинстве стран латиноамериканского региона создание такого рода словаря было лишь одной из целей создания национальной Академии.

Первый словарь национальной лексики выходит в Чили в 1875 году, его автор – Соробабель Родригес (1839–1901), адвокат, политик, журналист, писатель, лексикограф. О разносторонности его интересов говорит хотя бы то, что филология знает его как крупнейшего чилийского лексикографа и одного из первых членов Чилийской Академии испанского языка, а современники гораздо более значительным его достижением считали, например, тот факт, что, поработав в разные годы депутатом в разных провинциях, последние десять лет он служил начальником таможни в городе Вальпараисо. Можно предположить, что именно решительность, свойственная ему как политику,

позволила ему решиться на работу над таким непростым филологическим проектом.

В работе над словарём Родригес исходил из соображения, что всеми локальными особенностями (для обозначения таких особенностей он использовал говорящий термин *incorrecciones en el habla popular*) испанский язык в Чили обязан недостаткам системы среднего образования. Родригес утверждал, что работа по стандартизации испанского языка, проведенная Андресом Бельо, может не принести плодов, если не предпринять дополнительных усилий. Главной целью создания словаря автор называл идентификацию и устранение подобных особенностей речи [Rodríguez].

Издание оказалось принято научным сообществом очень по-разному. Работу Родригеса много критиковали, вокруг словаря разгорелась активная научная полемика. Как отмечали впоследствии исследователи, этот словарь полностью соответствовал филологическим настроениям эпохи – так называемому «*culto al correcto decir*», языковому пуризму, моды на который традиционно задавала Испанская королевская академия. Один из критиков издания Родригеса, Хосе Торрибио Медина, позднее напишет, что в состав первого словаря чилийской национальной лексики вошли как ненормативные и подлежащие искоренению даже те лексемы, которые члены Испанской королевской академии сочли возможным включить в словник академического толкового словаря испанского языка. [Medina, p. IX]. Здесь необходимо также отметить, что позже Медина, крупный чилийский историк, филолог, юрист и библиограф, сам станет автором словаря чилинизмов (1925).

При этом следует уточнить, что Медина – не самый суровый критик первого словаря чилийской национальной лексики. Так, другой современник автора, Фиделис Солар, упрекает Родригеса в орфографических ошибках, неполноте словника, и, прежде всего, недостаточно чётко прописанном подходе к отбору чилинизмов – в упрек автору ставится тот факт, что отобранные особенности являются, по большей части, американизмами, а не особенностями чилийского национального варианта испанского языка [Solar].

Несмотря на критику, словарь С. Родригеса остаётся важнейшей вехой в истории чилийской филологической науки. Можно предположить также, что именно тот факт, что издание оказывается полемичным и небесспорным в значительной степени стимулирует достаточно стремительное дальнейшее развитие национальной лексикографии.

В 1893 году выходит новый словарь – *Diccionario manual de locuciones viciosas y de incorrecciones del lenguaje*. Автор этого труда, Камило Ортусар, был священнослужителем и писателем. На фоне его подхода Родригес перестает казаться пуристом, потому что Ортусар оказывается крайне категоричным в своих суждениях. Например, он отмечает, что у молодежи локальное своеобразие испанского языка должно вызывать, буквально, удивление и отвращение: «*los disparates con los que se ofende el habla castellana (...) habrán de causarle asombro y repugnancia*» [Ortúzar Montt, p. XXI]. Фактически, перед ним не стоит цель создать лексикографическое издание – автор хочет именно научить, а точнее, переучить носителей чилийского национального варианта, заставить их придерживаться в речи существующей языковой нормы.

Наконец, третий важнейший труд раннего этапа чилийской лексикографии – *Voces usadas en Chile* (1900), работа чилийского филолога Анибала Эчеверрия и Рейеса. Строго говоря, это не вполне словарь: работа состоит из двух частей, в первой содержатся основные теоретические соображения автора, а вторая представляет собой своего рода глоссарий, составленный из лексем, не включенных в словарь Испанской королевской академии. В первую очередь, эту работу отличает нехарактерный для XIX века социолингвистический подход: автор пытается проследить, пусть и не вполне последовательно, основные тенденции в речи разных социальных групп современного ему Чили, рассмотреть носителей чилийского национального варианта испанского языка как сложное языковое сообщество. В связи с этим можно утверждать, что Эчеверрия и Рейес существенно опередил свое время – позднее эту особенность работы автора отметит Родольфо Ленц.

В начале XX века начинается новый этап чилийской лексикографии. Между 1901 и 1918 гг. Мануэль Антонио Роман публикует в «Католическом журнале» серию статей, которые позже составят основной корпус нового «Словаря порочных выражений» – *Manual de locuciones viciosas*. Включённые в состав словаря лексические единицы отличались значительным разнообразием: среди них, например, помимо базовой лексики, можно встретить иностранные заимствования, вульгаризмы и бранные выражения. Толкования, приводимые в издании, имеют разную степень проработанности и зачастую оказываются настолько противоречивыми, что сложно четко сформулировать концепцию автора, однако именно в связи с выходом этой работы принято говорить о завершении начального этапа развития чилийской

лексикографии. Дальнейшие публикации будут обладать более чёткой структурой и иметь более разработанную методологию.

В целом, можно сделать вывод о том, что первые словари, посвященные лексическому своеобразие чилийского национального варианта испанского языка, отличает, главным образом, разнообразие подходов авторов к отбору, анализу, представлению и толкованию лексических единиц. В дальнейшем такое разнообразие станет одной из отличительных черт богатой чилийской лексикографической традиции. При этом важно отметить, что первый академический словарь национальной лексики был опубликован в Чили только в 1978 году. Над ним работал коллектив авторов, а в качестве источников языкового материала были привлечены художественные тексты, тексты печатных средств массовой информации, а также, в значительной степени, материал более ранних лексикографических изданий.

Литература

1. *Bello A.* Gramática de la lengua castellana destinada al uso de los americanos, Caracas, 1995. 544 p
2. *Medina J. T.* Chilenismos. Apuntes lexicográficos. Santiago de Chile, 1928. 383 p.
3. *Ortúzar Montt C.* Diccionario manual de locuciones viciosas y de incorrecciones del lenguaje. Santiago de Chile, 1893. 319 p.
4. *Rodríguez Z.* Diccionario de chilenismos. Santiago de Chile, 1875. 487 p.
5. *Solar F.* Reparos al diccionario de chilenismos del señor don Zorobabel Rodríguez. Santiago de Chile, 1875, 190 p.

Anastasia A. Nevokshanova

Lomonosov Moscow State University
nevokshanova@gmail.com

Abstract: *This article describes to the initial stage of the development of the Chilean lexicographic tradition. The formation of national lexicography is considered in the context of the sociolinguistic and linguistic situation in the country, the author gives a brief description of the first dictionaries of the Chilean national vocabulary, and also highlights the main trends in the lexicographic activity of Chilean philologists at the end of the 19th century, considered one of the most important periods in the country's history.*

Key words: *Chilean Spanish; lexicography; Chile; sociolinguistics*

УДК 811.134

А. Ю. Папченко

МГУ имени М. В. Ломоносова

О ПРЕПОДАВАНИИ КАТАЛАНСКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛАХ НА АРАГОНО-КАТАЛАНСКОЙ ГРАНИЦЕ

***Аннотация:** В статье приводятся и оцениваются результаты введения каталанского языка, в качестве факультатива, в школьную программу на территории специфического языкового региона, называемого «арагоно-каталанской границей». Являясь зоной контакта испанского и каталанского языков, он характеризуется сложной социолингвистической ситуацией, связанной, в том числе, с субординативным билингвизмом носителей последнего. Однако в последние десятилетия наметились определенные тенденции к изменению сложившегося положения дел благодаря, в том числе, частичному внедрению в государственных школах на интересующей нас территории изучения каталанского языка. Это способствует улучшению компетенций учащихся в обоих языках и снижает риск развития семилингвизма.*

***Ключевые слова:** арагоно-каталанская граница; диглоссия; билингвизм; социолингвистика; языковые контакты*

Некоторые характеристики социолингвистической ситуации на арагоно-каталанской границе

Арагоно-каталанская граница (АКГ)¹, которая давно выделяется испанскими исследователями в особый языковой регион, территориально охватывает районы всех трех арагонских провинций (Уэска, Сарагоса и Теруэль), прилегающие к границе между Каталонией и Арагоном, образуя – от Бенаске на севере до Пеньярройа-де-Таставинс на юге – длинную узкую (и неравномерную по ширине) «полосу» (отсюда ее частотное название в испаноязычной литературе – “La Franja”). Эта «полоса» в свою очередь делится на два отрезка – северный (районы Рибаторса и Ла-Литера) и южный (районы Бахо-Синка и Бахо-Арагон) – различающихся с точки зрения языковой ситуации.

В лингвистическом смысле АКГ на всем ее протяжении является зоной контакта испанского и каталанского языков, однако, собственно

---

¹ Для удобства здесь и далее для обозначения описываемого региона употребляется аббревиатура АКГ – арагоно-каталанская граница.

пограничной (переходной) зоной, можно признать лишь ее северный участок (Рибагорса и Ла-Литера), на территории которого наблюдается постепенный и плавный переход от каталанских говоров северо-западного диалектного ареала к арагонским (хотя и очень сильно местами испанизированным) говорам, а затем к испанскому языку. Именно на северном участке АКГ наблюдается типичная для зон языковых контактов картина: широкий пучок изоглосс – “*zona de límites sueltos*”, по определению Менендеса Пидаля – отмечающих постепенный переход языковых явлений от одного языка к другому. Явления, отмечаемые этими изоглоссами, в совокупности могут быть объединены в так называемый «переходный» (*de tránsito*) диалект, который получает в современной испанской диалектологии неоднозначную трактовку, что, в свою очередь, обусловило терминологический разнобой в отношении его: «рибагорсанский диалект» (некоторые исследователи относят его к диалектам каталанского языка, а некоторые – к поддиалектам арагонского диалекта), «арагонский каталанский», «испано-каталанские переходные говоры» («*hablas de transición / de tránsito*») и т. д.

Что касается южного участка АКГ (Бахо-Синка и Бахо-Арагон), то здесь сложилась иная ситуация, что было обусловлено историческими факторами (ходом Реконкисты): переход от каталанского языка к испанскому (арагонский диалект в Нижнем Арагоне был полностью вытеснен испанским языком после принятия декретов о новом административном устройстве (*Decretos de Nueva Planta*) в начале XVIII века) осуществляется резко, без зоны переходных говоров, по исторической границе расселения каталанских и арагонских колонистов после отвоения (после XII века) этих земель у арабов. Именно этот факт – несовпадение административной границы Каталонии и Арагона и лингвистической границы распространения каталанского языка – породил термин «арагонский каталанский», применяемый чаще всего по отношению именно к каталанскому языку на территории арагонских районов Бахо-Синка и Бахо-Арагон, то есть на южном участке АКГ.

Несмотря на различную языковую ситуацию на северном и южном участках АКГ, на всем протяжении территории, обозначаемой этим термином, сложилась особая социолингвистическая ситуация, обусловленная контактом двух языков. В целом, она может быть описана как функциональная диглоссия, при которой местные языки (будь то северные переходные говоры или «чистый» «арагонский каталанский») исполняют функцию устного средства общения в обиходно-

бытовой сфере и в меньшей степени в других, более официальных, сферах, в то время как в качестве письменного языка, языка официального общения (особенно в сфере медицинского обслуживания и религиозной) используется исключительно испанский.

При этом исключительного интереса заслуживает аксиологический аспект социолингвистического статуса каталанского языка на рассматриваемой территории, поскольку во многом именно языковое поведение носителей определяет успех или неудачу определенных стратегий языковой политики. По данным социолингвистических исследований арагонцы-носители каталанского языка (а их на указанных территориях примерно 80%) демонстрируют следующие основные реакции по отношению к собственной языковой разновидности:

А) как правило, отказываются признать ее какую бы то ни было связь с каталанским языком, предпочитая местные названия: “*tamaritá*”, “*maellá*” или даже широко распространенное (и с явным пренебрежительным оттенком) название языковых разновидностей на данной территории “*charurriat*”, “*charurteao*”;

Б) выражают активный протест против попыток ввести образование на каталанском языке, а также институализации каталанского на территории двуязычных районов Арагона;

В) в смешанных браках (если один из супругов говорит только на испанском) предпочтение как языку семейного общения отдается испанскому языку, в отличие от соседних районов на территории Каталонии (например, исследование, проведенное в Лериде, показывает, что в 80 из 100 случаев языком семейного общения в смешанных браках становится каталанский).

Подобное языковое поведение носителей сочетается с парадоксальными аспектами самоидентификации каталаноговорящих арагонцев, которые не признают своей связи с каталаноязычным миром, а, напротив, противопоставляют его своему, высказывая негативные оценки по отношению ко всему каталанскому.

Сложившаяся на АКГ ситуация способствует созданию негативного социолингвистического климата в данном регионе, а также обуславливает неудачу попыток его нормализации, предпринимаемых правительствами обоих автономных регионов (Каталонии и Арагона). Однако в последние десятилетия наметились определенные тенденции к изменению сложившегося положения дел благодаря частичному внедрению в государственных школах на интересующей нас территории изучения каталанского языка.

Языковая и образовательная политика в Каталонии и Арагоне

Испанская Конституция 1978 года заложила правовые основы для реализации политики многоязычного и поликультурного государства, где более сорока процентов граждан проживают в ситуации сосуществования прежде единственного официального языка – испанского – с другими местными языковыми разновидностями [Siguan, 1992].

Однако, региональные языковые и образовательные политики на практике сильно различаются, что особенно наглядно проявляется в случае Каталонии и Арагона. Эти автономные сообщества, объединенные многовековой историей, в настоящее время обладают весьма различным политико-административным статусом. В Каталонии, в частности, с 1983 года действует закон о лингвистической нормализации (*Ley de Normalización Lingüística*), целью которого является институциональное продвижение каталанского языка в том числе в сфере образования и средствах массовой информации, подчиняющихся автономному правительству.

Важным моментом в языковом законодательстве Каталонии является то, что оно оперирует для обозначения первого языка говорящих не термином «родной язык» (*lengua materna o familiar*), а термином «язык общения» (*lengua habitual*). В применении к сфере образования, это, в частности, оставляет родителям или законным представителям несовершеннолетних свободный выбор при определении языка обучения. Этот подход и глобально положительная оценка со стороны испаноязычного населения по отношению к каталанскому языку дали мощный импульс развитию в школах так называемых программ языкового погружения [Agnau, 1992, p. 17], которые, в конечном итоге, могут способствовать смене языка общения в семье и в образовательной среде.

При этом, независимо от выбора родителей испанского или каталанского в качестве языка обучения в начальной школе (6–12 лет), все образовательные учреждения обязаны вводить на следующей, средней, ступени преподавание на каталанском языке как минимум одного предмета, на высшей – двух. Такое решение не допускает, чтобы каталанский оставался лишь «иностранным языком», какую бы позицию в отношении двуязычия ни занимало образовательное учреждение. Две наиболее распространенные в каталанских школах модели заключаются в том, что языком обучения может быть каталанский с включением предмета «испанский язык» или оба языка равномерно распределяются в школьной программе.

Относительно результатов внедрения различных моделей билингвального образования в Каталонии можно привести следующие данные [Vial, 1990]. В 1989/90 учебном году 36% центров дошкольного, начального и среднего образования в Каталонии использовали в качестве языка обучения исключительно каталанский, а 40% выбрали модель «эволюционного двуязычия»: каталанский вводится на самом начальном этапе и каждый год добавляется один предмет на этом языке. 24% школ применяли принцип «статичного двуязычия», при котором каталанский и испанский оставались равноправными языками обучения в течение всего времени пребывания на начальной и средней ступенях. И лишь 1% центров предлагали одноязычную модель на испанском языке.

Представляется важным, что при таком положении дел знание каталанского и испанского языка среди учащихся в большой степени зависело от выбранной модели. Жоаким Арнау [Arnau, 1984] отмечает, что ученики, происходящие из испаноговорящих семей, добиваются хороших результатов в каталанском, когда посещают максимально «каталанизированные» школы. В школах же, где оба языка являются рабочими, их результаты хуже. Между тем, ученики из каталаноговорящих семей показывают хорошее владение испанским вне зависимости от образовательной модели учебного заведения.

На основании данных из разных источников Служба преподавания каталанского языка при Правительстве Каталонии (Servei d'Ensenyament del Català (SEDEC) опубликовала в 1983 году подробный доклад «Четыре года преподавания каталанского в школе» (Quatre anys de català a l'escola), в котором назывались основные факторы, определяющие, помимо общего уровня обучаемости, владение обоими языками. На тот момент язык родителей и модель обучения в значительной степени определяли языковые компетенции в каталанском, в то время как языковые условия окружения влияли, в первую очередь, на результаты в испанском языке [Gabinet..., 1983].

Эти результаты заметно изменились с эволюцией двуязычного образования в Каталонии. Спустя семь лет Аурора Бель [Bel, 1990] отмечает, что к окончанию начальной ступени учащиеся в школах с каталаноязычными программами «погружения» имеют лучшие знания каталанского, чем ученики другого типа школ. Другие исследования [Serra y Vila, 1991] показывают, что к 8-му классу средней ступени (8° EGB, 14 лет) даже при лучшем владении испанским, разрыв между компетенциями в языках заметно сокращается. А также отмечают, что

язык семьи утрачивает релевантность для результатов письменных тестов, лишь отчасти сохраняя ее для устных. Эти данные свидетельствуют о том, что каталанские школьники оказались вовлечены в более «каталанизированную» образовательную среду, чем несколько лет назад, и их уровень владения каталанским в целом значительно вырос, вне зависимости от родного языка.

Между тем, в соседнем Арагоне движения, ставящие своей целью переосмысление роли местных языков, не получили широкого распространения несмотря на то, что на его территории бытуют, кроме испанского, две языковых разновидности – арагонский диалект Пиренеев и каталанский на АКГ – обе в очевидно подчиненном положении по отношению к доминирующему испанскому. Это отчасти связано с достаточно ограниченным контингентом их носителей по сравнению с испаноязычными арагонцами. Мартинес Феррер [Martínez Ferrer, 1989, p. 100] на основании переписи населения 1981 года приводит следующие цифры: население каталаноговорящих районов Арагона достигает 52 000 человек, из которых 31 000 проживают в провинции Уэска (Рибагорса, Ла-Литера, Бахо-Синка). Выделяя три зоны бытования арагонского диалекта по степени его сохранности, этот же автор насчитывает 41 000 его носителей, также проживающих в провинции Уэска. Таким образом, двуязычное население Арагона составляет чуть менее 8% от всего населения автономного сообщества. Но в провинции Уэска этот показатель возрастает до 33% (72 000 из 215 000 человек).

Оставляя за пределами этой статьи положение арагонского диалекта, обобщим данные о носителях каталанского в Арагоне. Он является родным примерно для 50 000 человек, населяющих узкую полосу вдоль границы Каталонии от Пиренеев на севере до арагонской провинции Теруэль на юге. С точки зрения административного деления в АКГ входят комарки Рибагорса, Ла-Литера, Бахо-Синка, Бахо-Арагон-Каспе и Бахо-Арагон.

Как уже говорилось выше, подчиненное положение каталанского языка, связанное с совокупностью экстралингвистических факторов, выражается в виде крайне низкого уровня языкового сознания каталаноговорящих арагонцев и уменьшения использования каталанского при отдалении от ближайшего семейного круга. «Можно сказать, что он широко используется в семье, менее широко – на улице и очень мало – в школе» [Huguet, 1992, p. 115].

Важнейшим моментом для некоторого выравнивания ситуации на институциональном уровне явилось первое Соглашение

о сотрудничестве, подписанное в 1986 году Министерством Образования и Науки Испании и Департаментом Культуры и Образования правительства Арагона. Это Соглашение предусматривает возможность для школьных учреждений введения в учебную программу факультативных курсов каталанского языка в объеме трех часов в неделю для всех желающих учеников по письменному заявлению родителей.

Эта инициатива получила значительный отклик среди населения АКГ, в особенности в провинции Уэска: если в 1984/85 учебном году количество записавшихся на курс каталанского языка составляло 791 человек в 12 школах, то в 1992/93 году оно возросло до 2799 в тридцати учебных заведениях [Alcover, 1993]. Несмотря на ничтожно малое по сравнению с Каталонией присутствие каталанского языка в школьном образовании на территории АКГ, оно дает определенные и поддающиеся измерению результаты овладения в отношении языковых компетенций двуязычных учащихся.

Языковые компетенции в каталанском и испанском языке у школьников АКГ

Для оценки языковых компетенций двуязычных учащихся АКГ обратимся к результатам наиболее полного и показательного исследования, проведенного Анхелем Угетом Каналисом в 1994 году [Huguet, 1994]. Опросы осуществлялись среди учеников 7 класса средней обязательной ступени (*Educación General Básica (EGB)*, по действующей до 1990 года системе образования в Испании) в возрасте 12–13 лет в общеобразовательных школах АКГ, Лериды и испаноязычных школах Арагона (провинция Уэска, комарки Бахо-Синка и Байш-Сегре). Всего в исследовании приняли участие 21 общеобразовательная государственная школа и 389 учащихся. Их языковые компетенции оценивались, согласно положениям, обоснованным в [Siguan y Mackey, 1986], с учетом следующих факторов: знание и использование языков, социокультурный уровень семьи, социолингвистический контекст и оценка индивидуума используемых языков. Подробное описание методологии исследования, которое здесь опускается, можно найти в [Huguet, 1994].

Анализ языковых компетенций двуязычных школьников на АКГ продемонстрировал, что вне зависимости от языковой ориентации семьи, социального статуса родителей и посещения (или непосещения) факультативных занятий, их знания каталанского языка ниже, чем

знания школьников каталанской провинции Лерида, участвовавших в опросах.

Этот факт представляется логичным с учетом того, что каталаноговорящие школьники Арагона осуществляют всю учебную деятельность на испанском языке, в то время как их сверстники из Лериды получают практически все образование на каталанском. Очевидно, что языковые знания приобретаются изначально в контексте семьи и ближайшего окружения, но развитие языковых компетенция связано с присутствием языка в школе [Arnau, 1992].

В отношении испанского языка картина представляется более сложной. Во-первых, оказалось неверным предположение о том, что школьники АКГ знают испанский хуже, чем их сверстники из одноязычных районов Уэски или, по крайней мере, это утверждение обосновано лишь для незначительной части учеников, а именно тех, которые плохо владеют каталанским языком. Этот парадоксальный с точки зрения здравого смысла результат согласуется с общими положениями относительно билингвального образования, как будет рассмотрено ниже. Одновременно он ломает стереотипы, связанные с расхожим убеждением о том, что второй язык представляет собой «ненужную сложность» для учащегося. Общий результат можно сформулировать следующим образом: школьники, которые добровольно посещают занятия по каталанскому языку (который они знают, как мы помним, хуже, чем их сверстники из Лериды) и систематизируют, хоть и в небольшом объеме, свои знания по этому предмету, добиваются хороших результатов в испанском языке, вплоть до того, что в письменных тестах обгоняют своих монолингвальных сверстников-арагонцев. И наоборот, те, кто не посещает факультатив, показывают худшие результаты по сравнению с теми и другими. Такая ситуация близка к полужычию (семилингвизму), поскольку уровень владения и испанским, и каталанским оказывается недостаточным, что в дальнейшем может отражаться на успеваемости по другим предметам, как указывают [Aguado, 1987] и [Martínez, 1990]. Следует отметить, что результаты, показанные по испанскому языку, не зависят от языковой ситуации в семье, социального статуса или интеллектуального коэффициента испытуемых.

Нельзя не отметить ту роль, которую в данной ситуации в АКГ играет аксиологический аспект социолингвистического статуса контактирующих языков, в данном случае испанского и каталанского. Существование широкого спектра амбивалентных и негативных оценок

по отношению к собственной языковой разновидности у каталано-язычных учащихся решительным образом сказывается на знании испанского языка. Результаты исследования демонстрируют, что школьники или их родители, положительно воспринимающие свое каталано-испанское двуязычие, как правило, записываются на занятия по каталанскому языку, что, в свою очередь, повышает уровень знаний учащихся по испанскому. Напротив, негативные оценки по отношению к собственным языковым компетенциям порождают нежелание изучать и развивать их, а непосещение занятий по каталанскому приводит к неудовлетворительному усвоению знаний по испанскому, что осложняет положение учащихся, находящихся в ситуации обучения на испанском языке, порождая последующие трудности в освоении учебной программы.

Одновременно можно утверждать, что несмотря на тенденцию к локальному называнию местных языковых разновидностей¹, школьники, посещающие занятия по каталанскому склонны в большей степени идентифицировать свой язык с каталанским, что способствует укреплению языковой идентичности говорящих и, косвенно, идентичности своего языкового сообщества.

Следует отметить также, что полученные результаты согласуются с общими принципами и гипотезами билингвального образования. Вопрос билингвизма в последние десятилетия был подробно изучен на примерах разных языков, и можно сказать, что абстрактные рассуждения о его достоинствах и недостатках сменились конкретными исследованиями того, каким образом развивается индивидуальный билингвизм и какие факторы влияют на получение говорящим положительного или отрицательного опыта в этой связи. В частности, пресловутые «недостатки» билингвизма исчезают, когда билингв достигает языковой компетенции в одном из языков, сравнимой с компетенцией в нем монолингвов. В изучаемом случае это происходит, когда каталано-испанский билингв владеет испанским или каталанским в такой же степени, как те, кто владеет только испанским или только каталанским. Если же билингв не достигает необходимого уровня компетенции ни в одном из языков, речь идет о семилингвизме, или полуязычии.

---

¹ Укорененность традиции наименования местного языка, отличного от испанского, по названию населенного пункта (“*tamaritá*”, “*tibagorzano*” и проч.) напрямую связано со страхом быть ассимилированными каталанской культурой и многовековым соперничеством Арагона с соседним автономным сообществом. [Alcover, 1992].

Это объясняет «гипотеза языковой взаимозависимости» (interdependence hypothesis) Дж. Камминса (J. Cummins), согласно которой билингвы могут переносить навыки из первого языка во второй и успешно их использовать, если интеграция второго языка происходит, когда мыслительные и языковые навыки ребенка в первом языке достигли достаточного уровня развития [Cummins, 1983].

Важно отметить, что случаи полуязычия среди учащихся школ в АКГ являются сравнительно редкими: они владеют испанским языком не хуже своих сверстников-испаноязычных монолингвов, хотя недостаточно сильны в каталанском по сравнению со школьниками, у которых язык обучения в школах – каталанский (в Лериде). Однако, представляется, что сама возможность получать даже минимальные знания о языке, который для учащихся является первым, родным, «семейным», но негативно оценивается в обществе, позволяет преодолевать распространенную негативную оценку по отношению к нему. В то время как неприятие собственного языкового поведения приводит к понижению самооценки и оценки процесса обучения вообще с разными результатами.

В заключение следует отметить, что представляется очень показательным тот факт, что обучение каталанскому языку производится в рамках учебного расписания, но факультативно. Необязательность посещения занятий делает более осозанным выбор учащихся и их родителей одной из опций, ненавязчиво формируя некоторый общественный запрос. В этой связи важно отметить, что любая языковая политика должна осуществляться по запросу граждан. Принципиально значимо, что языковая политика в области образования в Каталонии пользуется поддержкой 70% населения, и в Стране Басков, где эта политика совершенно иная, этот процент тоже высокий [Siguán, 1994]. Таким образом, именно принцип добровольности, возможно, сыграл положительную роль в успехе программы внедрения каталанского языка в школы АКГ.

Литература

1. *Aguado, T.* La influencia del bilingüismo en el rendimiento y adaptación escolar de los alumnos de EGB en la franja oriental de Aragón. En Cuadernos de Estudios Caspolinos, №13. Caspe, 1987. Págs. 287–336.
2. *Alcover i Pinos, C.* La Comunidad Catalanófono de Aragón: una minoría cultural. Comunicación presentada en Jornadas de Multiculturalismo y Educación de Personas Adultas. Zaragoza, 1992.

3. *Alcover i Pinos, C.* Memoria de Actividades de Coordinación. Curso 92/93. MEC-DGA. Documento no publicado. 1993.
4. *Arnau, J.* Llengües i escola a Catalunya. Una avaluació. Comunicació presentada al VII Congreso Nacional de Psicología. Santiago de Compostela, 1984.
5. *Arnau, J.* Educación bilingüe: modelos y principios psicopedagógicos. En *Arnau, J.; Comet, C.; Serra, J. M.; Vila, I.* La educación bilingüe. Barcelona, 1992.
6. *Bel, A.* El programa d'immersió: alguns resultats. Escola Catalana, 274. Barcelona, 1990. Págs. 26–27.
7. *Cummins, J.* Interdependencia lingüística y desarrollo educativo de los niños bilingües. En *Infancia y aprendizaje*, N° 21. Madrid, 1983. Págs. 37–62.
8. *Gabinet d'estudis del SEDEC.* Quatre anys de català a l'escola. Barcelona, 1983.
9. *Giralt Latorre, J.* Las hablas catalanas de Aragón ante la norma. En *Hápax: Revista de la Sociedad de Estudios de Lengua y Literatura*, N°3. Salamanca, 2010.
10. *Huguet, A.* Hábitos lingüísticos en un contexto social diglósico: El caso del Baix Cinca. En *Comunicación, Lenguaje y Educación*, N°16. Madrid, 1992. Págs. 111–118.
11. *Huguet, A.* Conocimiento lingüístico de los escolares de la franja oriental de Aragón e implicaciones curriculares del tratamiento de las lenguas. Lérida, 1994.
12. *Martinez Ferrer, J.* El bilingüismo en Aragón: Estudio de sus repercusiones sobre el aprendizaje lectoescriptor. Tesis de Licenciatura no publicada. Universidad de Barcelona, 1989.
13. *Martinez Ferrer, J.* El aprendizaje lectoescriptor en el medio bilingüe aragonés: repercusiones escolares de la diglosia. *Revista de Investigación Educativa*, N°8 (15). Murcia, 1990. Págs. 7–18.
14. *Serra, J. M.; Vila, I.* Estudio comparativo del conocimiento del catalán y del castellano en Octavo de EGB. Comunicació presentada en el I Seminario Internacional sobre Planificación Lingüística. Santiago de Compostela, 1991.
15. *Siguan, M.* España plurilingüe. Madrid, 1992.
16. *Siguan, M.* Conocimiento y uso de las lenguas en España: investigación sobre el conocimiento y uso de las lenguas en las Comunidades Autónomas bilingües. Madrid, 1994.
17. *Siguan, M.; Mackey W. F.* Educación y bilingüismo. Madrid, 1986.
18. *Vial, S.* Comparació de la situació sociolingüística a l'escola primària a Catalunya entre els cursos 1986–87 i 1989–90. *Notícies del SEDEC*, octubre. Barcelona, 1990. Págs. 4–7.

Anna U. Papchenko

Lomonosov Moscow State University
aanxen@gmail.com

Abstract: *The article presents and evaluates the results of the introduction of the Catalan language, as an elective, into the school curriculum on the territory of a specific language region called the “Aragon–Catalonia Border”. As a zone of contact between*

---

the Spanish and Catalan languages, it is characterized by a complex sociolinguistic situation associated, among other things, with the subordinate bilingualism of the speakers of the latter. However, in recent decades, there has been a certain tendency to change the current state of affairs due, inter alia, to the partial introduction of the study of the Catalan language in public schools in the territory of interest to us. This improves the competence of students in both languages and reduces the risk of developing semilingualism.

Key words: *Aragon–Catalonia Border; diglossia; bilingualism; sociolinguistics; language contacts*

УДК 811.134.4

М. С. Снеткова

МГУ имени М. В. Ломоносова

БИНОРМАТИВИЗМ В ГАЛИСИЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

***Аннотация:** Норма современного галисийского языка формировалась во многом в рамках полемики между двумя направлениями: изоляционизмом / автономизмом (ратовавшим за выработку самостоятельной нормы галисийского языка) и реинтеграционизмом (который выступал за сближение нормы галисийского языка с португальской). Первый подход лег в основу академической нормы, второй в течение долгого времени не выходил за рамки филологических дискуссий. В последнее время он стал чаще заявлять о себе, в статье рассматривается его новая инициатива – внедрение в Галисии политики бинормативизма, то есть официально признанного гармоничного сосуществования академической и реинтеграционистской норм.*

***Ключевые слова:** галисийский язык; языковая норма; бинормативизм; автономизм; реинтеграционизм*

Норма современного галисийского языка формировалась во многом в рамках полемики между двумя направлениями: *изоляционизмом* или *автономизмом* (ратовавшим за выработку самостоятельной нормы галисийского языка) и *реинтеграционизмом* (который выступал за сближение нормы галисийского языка с португальской). Первый подход лег в основу академической нормы, второй в течение долгого времени не выходил за рамки филологических дискуссий. Но в последнее время он стал чаще заявлять о себе, интересно рассмотреть его последнюю инициативу – внедрение в Галисии политики *бинормативизма*, то есть официально признанного гармоничного сосуществования академической и реинтеграционистской норм.

Впервые идея прозвучала в 2018 г. в выступлениях и публикациях Эдуардо Мараго, директора ведущей на сегодняшний день реинтеграционистской организации – Галисийской ассоциации языка (Associação Galega da Língua, AGAL). На эту тему высказались не только восторженно принявшие идею представители направления, но и некоторые сторонники противоположных взглядов. Такая публичность в первую очередь объясняется тем, что 2020 г. был объявлен

Королевской галисийской академией годом Рикардо Карбальо Калеро (Ricardo Carballo / Carvalho Calero, 1910–1990).

Это очень интересный человек, во многом олицетворяющий полемику вокруг нормы галисийского языка. Карбальо Калеро – писатель, поэт и драматург; автор грамматики (*Gramática elemental del gallego común*, 1966)¹, которая долгие годы была единственным ориентиром для изучающих галисийский язык. Его «История современной галисийской литературы» (*Historia da literatura galega contemporánea*, первый том – 1963 г., полное издание – 1975 г.), по мнению ученых, до сих пор остается непревзойденной. Он был первым преподавателем обеих дисциплин, а позже и первым заведующим соответствующей кафедрой в Университете Сантьяго-де-Компостела, автором множества статей, членом Академии с 1958 г. Кроме того, примкнув к галегизму еще в молодости, перед Гражданской войной он участвовал в создании проекта Статута об автономии Галисии. Тот факт, что ему пришлось ждать признания целых 20 лет², во многом связан с тем, что в середине 70-х гг. он полностью пересмотрел свое отношение к академической норме и стал вдохновителем реинтеграционизма³. В последние годы жизни он по-прежнему активно работал, но превратился в своеобразного изгоя в академических кругах.

Эту трансформацию, как и представление Р. Карбальо Калеро о норме языка, можно проследить на примере изданий «Граматики». В предисловии к 4-му изданию 1973 г. обращают на себя внимание два замечания. Во-первых, автор исходит из того, что читатели, получившие образование на испанском языке, имеют более или менее глубокие знания о его закономерностях, поэтому он опускает объяснения элементов структуры, общих для обоих языков. Во-вторых, он расширяет вступительную часть, посвященную связи галисийского языка с португальским и испанским, его истории и разновидностям [Carballo Calero, p. 8].

---

¹ Изменения в текст вносились автором дважды: в 4-м издании 1973 г. и в 7-м издании 1979 г.

² День галисийской литературы (*Día das letras galegas*) существует в Галисии с 1963 г., когда Академия отмечала столетие с момента публикации «Галисийских песен» («*Cantares gallegos*») Росалии де Кастро – первого сборника стихов, написанного целиком по-галисийски. С тех пор каждый год посвящен какому-нибудь писателю или культурному деятелю: важно, чтобы он внес вклад в галисийскую культуру, опубликовал тексты на галисийском языке, и чтобы с его смерти прошло не менее 10 лет.

³ Где-то с 1975 г. и свою первую фамилию он стал писать по-португальски: Carballo → Carvalho.

В предисловии к 7-му изданию 1979 г. уже очевиден его переход на сторону реинтеграционизма. Автор признается, что за прошедшие пять лет, благодаря научным публикациям и проводимой языковой политике, его знания о языке обогатились и углубились, и он предпочел бы «написать свою грамматику совсем по-новому, сделать ее другой, сделать другую грамматику» [Carballo Calero, p. 11]. Он остался верен либерализму в вопросе нормативизации¹: в частности, при описании глагольной парадигмы он считает правильным давать широкий спектр существующих в языке форм, но теперь он бы перегруппировал их иначе, так как галисийский не должен «отворачиваться от других форм атлантического романсе» [Ibid., p. 12]. Пока сложно предсказать, как будет дальше развиваться галисийский язык, но необходимость его возвращения (*reintegración*) к истокам становится все более очевидной и потребует в будущем неизбежных поправок [Ibid., p. 12].

По мнению Ш.-Р. Фрейшейро Мато [Freixeiro Mato, p. 130], после 50-х гг. в Галисии постепенно оформились три основных представления о норме, в основе которых лежала оппозиция между литературным языком и устной речью².

1. Издательство «Galaxia» (основано в 1950 г.) и академия (Real Academia Galega, RAG) разделяли взгляды раннего Р. Карбальо Калеро, их позицию можно назвать средней или умеренной. *Во-первых*, нельзя не отметить чрезмерную осторожность, которая всегда была свойственна академии. В первом издании норм [Normas... 1970] неоднократно отмечается, что выработка орфографии – процесс длительный, который не нужно форсировать, в идеале она должна складываться естественным путем в обществе, а не создаваться комиссией экспертов. Текст брошюры умещается на 14 страницах и содержит только сведения о написании некоторых букв, правила постановки графического ударения и оформления слитных форм местоимений, артиклей, предлогов. *Второй* важный момент, подчеркнутый во введении и финальном дополнительном правиле – тот факт, что норма создавалась на основе испанской орфографии, к которой авторы отсылают

---

¹ Мы используем термины Б. П. Нарумова: *нормализация* – «придание в законодательном порядке официального статуса региональному языку и введение его в различные сферы коммуникации, в которых ранее безраздельно господствовал испанский язык, в том числе в систему преподавания»; *нормативизация* – «упорядочение звуковой, графической, грамматической и лексической систем языка и кодификация их в грамматиках и словарях» [Нарумов, с. 46].

² Хронологию и оценку процесса выработки нормы см. в [Снеткова 2019].

читателя в связи со всеми вопросами, не оговоренными в этом тексте. *Третий* существенный принцип – опора на литературу, в первую очередь современную, а не на устную речь. Р. Карбальо Калеро формулировал эту мысль довольно категорично: чтобы стать литературным языком, «деревенский» галисийский (el gallego rústico) должен быть очищен и дополнен. Помимо заимствований из испанского языка (которые воспринимаются не очень доброжелательно), для этого могут служить архаизмы и заимствования из португальского языка. Но дозировать все эти ресурсы нужно очень осторожно, а отказ от любого из них приведет к ограничению выразительных возможностей языка [Carballo Calero, p. 77–78]. Все примеры в его грамматике взяты из современной галисийской литературы, начиная с Возрождения (Rexurdimento) конца XIX в. Академия также отмечает особую важность литературной традиции: «Como unha fixación da lingua supón unha lingua literaria, a tradición neste aspecto considérase de especial virtude» [Normas... 1971, p. 23], чуть дальше в качестве авторитетных авторов названы Р. де Кастро, Э. Пондаль, Кастелао, А. Карбальо и М. Антонио. Избираются в большинстве случаев «преобладающие формы, обладающие наибольшим престижем» [Ibid.]. *Четвертый* принцип – широкий филологический подход, опора на предшествующую научную традицию, использование данных романистики, диалектологии, привлечение материала португальского языка.

2. Основанный в 1971 г. Институт галисийского языка (Instituto da lingua galega, ILG) в качестве идеала языка рассматривал устную речь. Неразличение разговорного и литературного языка, «антипортугальский фанатизм», чрезмерное увлечение диалектологией сначала вызвали критику со стороны академиков. Так, по словам директора издательства «Galaxia» академика Р. Пинеиро, представители ILG «не понимали культурной проекции этой проблемы» [Freixeiro Mato, p. 130]. А. Сантамарина и Г. Рохо, авторы первого учебника «Gallego 1» (1972 г.), написанного в соответствии с этими принципами и ставшего очень популярным, и сами признавали, что их первоначальная позиция была несколько утрированной. Но в итоге энергичный институт перехватил инициативу у осторожной академии: нормы, ставшие в итоге официальными [Normas 2012]¹, были составлены ими в соавторстве. И с тех пор эти два института вместе с Шунтой Галисии отвечают

---

¹ Первое издание вышло в 1982 г.

за языковую политику в автономном сообществе. Так сформировался автономизм.

3. Реинтеграционизм возник как реакция на два первых подхода и сразу стал восприниматься как «элитарный», ведь в его рамках упор делался на историю языка и всю галисийско-португальскую литературную традицию, в качестве «идеала языка» был избран португальский язык. Однако единства среди реинтеграционистов не было. Некоторые (например, признанный португальский филолог М. Родригеш Лапа, лузисты) предлагали принять в качестве письменной нормы португальскую орфографию. Галисийская социо-педагогическая организация (*Asociación Socio-Pedagógica Galega, AS-PG*) выступала за умеренное приближение нормы галисийского языка к португальскому стандарту (*reintegracionismo de mínimos*), AGAL отстаивала более значительное сближение (*reintegracionismo de máximos*). Реинтеграционистские проекты нормативизации языка чаще всего были критической реакцией на академические тексты. Несмотря на то, что в 1995 и 2003 г. в официальные нормы вносились поправки, серьезно поучаствовать в этом процессе реинтеграционистам не удалось.

Так изначальная оппозиция между разговорным и литературным языком как основанием для нормы трансформировалась в конфликт из-за степени приближения галисийской орфографии к португальской. При этом само наличие связи и общих корней с португальским языком не отрицает никто. Разница лишь в том, что представители автономизма считают, что знания нормативного галисийского языка достаточно, чтобы чувствовать себя частью португалоязычного мира и свободно общаться с его представителями («O galego non é un idioma local, é un idioma que está conectado en termos de irmandade e de relación histórica con espazos lingüísticos tan importantes como o brasileiro, o portugués, as falas portuguesas de África, etc.» [Freixanes...]). Реинтеграционисты же хотят формализовать эту связь в орфографии. Точно так же автономисты поддерживают любые инициативы, связанные с укреплением культурных и прочих связей с португалоязычными странами. Так, в 2014 г. галисийский парламент единодушно принял закон Пас-Андрате [LEI 1/2014], согласно которому в Галисии должно быть усилено преподавание португальского языка, укреплены связи в лузофонной культурной индустрии и обеспечено присутствие Галисии на португалоязычных форумах. По оценке реинтеграционистов, некоторые шаги в рамках этого закона были сделаны, но их пока явно

недостаточно [A aplicação da Lei Paz-Andrade...; A Lei Paz Andrade a exame].

У обеих норм есть безусловные преимущества. Официальная норма, во-первых, подчеркивает самобытность галисийского языка и его носителей, а также связана с историей его нормализации и литературы двух последних веков. Во-вторых, она отражает разговорную речь (*falas populares*). В-третьих, она проста, в ней в большей мере представлен фонетический принцип: ее удобно учить параллельно с испанской орфографией или после овладения последней.

Реинтеграционистская же норма, во-первых, рассматривает язык как инструмент общения, как рабочий инструмент (в связи с этим ее называют «*galego internacional*»). Во-вторых, в ней отражена история галисийского языка. В-третьих, она объединяет Галисию со всеми португалоговорящими странами. Авторы подчеркивают, что «португальской» в этой норме является именно орфография – фонемный состав совпадает с тем, который принят в академической норме. Разница в произношении касается, разве что, некоторых суффиксов и окончаний, например, *atención* в академической норме (этим путем в галисийском языке пошли культивизмы), *ateñom* в реинтеграционистской («традиционный» суффикс, сохранился в ряде исконных слов: *razón, sazón, traizón, etc.* [Normas 2012, p. 57]).

Так что, в сущности, обсуждение бинорамативизма – это продолжение спора о языке, начавшегося полвека назад. А не утихает он, в первую очередь, потому что ситуация с галисийским языком в Галисии неумолимо ухудшается – и с этим снова согласны все.

Вступая в XX в., галисийский язык преобладал только среди представителей старшего поколения и сельского населения (статистические данные приведены, например, в [Снеткова 2011]). Но и во второй группе, согласно социолингвистическому атласу 2004 г., отмечается серьезный спад в галисийском монолингвизме: с 55,3% до 40,7% [Freixeiro Mato, p. 159].

В институционном плане была проведена большая работа в 80-е гг.: принят закон о нормализации галисийского языка (1983), создана Галисийская радиовещательная и телевизионная корпорация (CRTVG, 1986), галисийский стал частично использоваться в системе образования в качестве языка преподавания (1987), создан ряд инструментов для контроля за процессом нормализации языка [Freixeiro Mato, p. 29]. Но изначально в Галисии был взят курс на «гармоничный билингвизм» (всегда невыгодный для миноритарного языка в соседстве

с мажориарным), с целью избежать любых конфликтов на языковой почве. Партии националистического толка регулярно поднимают вопрос о языке, но политика «промадридской» Народной партии (PP) также отражает позицию значительного числа галисийцев. Так что в обществе наблюдается рост качества галисийского языка при уменьшении его присутствия.

В обществе нет согласия в вопросе языка. Тезис о том, что исконный язык является ключевым элементом галисийской идентичности присутствует в официальном дискурсе со времен Возрождения. Но повсеместной приверженности этой идее нет: в отличие от тех же Каталонии и Страны Басков, в Галисии уровень двойной идентичности (осознание себя в равной мере испанцем и галисийцем) значительно выше уровня региональной идентичности [Снеткова 2019, с. 285]. Пожалуй, язык по-прежнему важен для сельских жителей, но и в их среде живы связанные с ним обидные стереотипы.

Также очень неоднороден состав людей, говорящих на галисийском языке. Например, помимо сторонников академической нормы и реинтеграционизма в его разных проявлениях, есть люди, ратующие за естественный язык, усвоенный в семье, из которого какая бы то ни было кодификация не вытравила его истинную природу. Ш.-Р. Фрейшейро Мато¹ приводит классификацию из 8 типов носителей и приходит к выводу, что их взгляды на язык невозможно примирить: в итоге, каждый делает выбор в зависимости от того, что для него важно в каждый конкретный момент [Freixeiro Mato, p. 115]. Так что сейчас в Галисии происходит «лингвоцид, которому активно или пассивно способствуют правительства Галисии и Испании, и который поддерживает одна часть общества, а другая игнорирует» [Ibid., p. 193].

По мнению реинтеграционистов, в таких непростых условиях идея бинормативизма могла бы стать примиряющей силой. Для этого власти Галисии наряду с академической нормой должны наделить законной силой орфографию AGAL 2017 г. [Ortografia...], содержащую графические решения, которые сближают галисийский язык с португальским, предоставить людям право самим выбирать письменную норму в любой ситуации и обеспечить исполнение этого права. Важно придать им одинаковый статус, при этом не нужно добиваться их симметричного использования. Потребуется внести ряд изменений в школьное образование всех уровней для обеспечения

---

¹ Еще одно исследование на эту тему рассмотрено в [Снеткова 2019, с. 287–290].

пассивного знания обеих норм, с тем чтобы каждый сам выбирал одну из них для активного использования.

В качестве примера эффективного функционирования такой системы предлагается обратиться к опыту Норвегии (а также Люксембурга). В начале XIX в. после распада Датско-норвежской унии, в рамках которой в качестве официального письменного языка использовался датский, норвежскими филологами были разработаны две независимые нормы: *рискмол* / *букмол* («на основе датско-норвежского языка, на котором в начале XIX в. говорили представители элитных кругов столицы») и *ландсмол* / *нюнорск* («на основе западно-норвежских диалектов») [Юченкова, с. 63]. Если первоначально у правительства была идея сблизить и объединить две нормы, в конце XX в. от нее отказались, и теперь языковая политика Норвегии направлена на «сохранение уникальной ситуации языкового плюрализма, не предполагающей языкового хаоса», а для носителей такое положение дел «не представляет проблемы и, напротив, воспринимается ими как преимущество» [Там же, с. 69]. При этом нюнорск выбирают в качестве приоритетной нормы лишь 13% школ, а в качестве письменной нормы – 7,5% норвежцев [Freixeiro Mato, p. 45].

Э. Марাগото соотносит *букмол* с реинтегрированным галисийским, а *нюнорск* (основанный на диалектах) – с «официальным» галисийским. Ш. -Р. Фрейшейро Мато более реальным представляется обратное соотношение: датский язык как аналог испанского, нюнорск – подобие галисийско-португальского (традиционный идиом, в меньшей степени подверженный влиянию официального языка), а *букмол* – аналог нормативного галисийского (основан на испанской орфографии и испытавший большую интерференцию) [Freixeiro Mato, p. 51]. Как бы то ни было, этот пример показывает, что бинормативизм в принципе возможен. Хотя очевидно, что в случае с Галисией ситуация осложняется наличием государственного испанского языка.

Тема бинормативизма получила обоснование в научной среде (например, в публикациях Ш. -Р. Фрейшейро Мато)¹, представлена на многочисленных реинтеграционистских интернет-ресурсах, «прозвучала» в СМИ (например, на канале «Nós TV»). Любительское видео «O cabalo de Alberte Merlo» [O cabalo...]² – пародия на бинормативизм

¹ Помимо цитируемой книги, можно отметить статью: *Freixeiro Mato X.-R. Elaboración da lingua e binormativismo na Galiza // Acta Iassyensia Comparationis*, 2019. P. 35–46.

² В рассказе конфликт между Альберте Мерло и его говорящим конем оказывается неразрешим, так как конь требует от хозяина нотариально заверенного обещания в том,

на основе одноименного рассказа А. Кункейро трех старшеклассников из Сантьяго-де-Компостела – выиграл премию Youtubeir@s-2020, вручаемую авторам роликов на галисийском языке.

Кроме того, Э. Марагото пригласили в качестве докладчика на организованный Академией конгресс, посвященный деятельности Карбальо Калеро [Simposio Carballo...], и в финале своего выступления он в очередной раз призвал всех обратить внимание на бинормативизм. А также на страницах газеты «Nós Diario» он вызвал на открытый диалог своих оппонентов: академика Энрике Монтеагудо и директора издательства «Galaxia» Франсиско Кастро. В условный диалог включились и другие представители реинтеграционизма, материалы собраны на сайте [Portal Galego da Língua]. Однако создается впечатление, что эта публичность бинормативизма мнимая. Обсуждение идет либо на ресурсах реинтеграционизма, либо на частных каналах, отчасти ему сочувствующих: так, ресурсы «Nós» допускают обе орфографии, в отличие от крупнейшей галисийской газеты «La Voz de Galicia» или уже упоминавшейся CRTVG. А для большей части населения региона реинтеграционизм, как и прежде, невидим или неинтересен.

Кратко охарактеризуем доводы против бинормативизма. Директор издательства «Galaxia», писатель Ф. Кастро считает недопустимым введение двух орфографий в школах. Для того, чтобы успешно общаться с португалоязычным миром, по его мнению, не нужно придумывать что-то новое: для этого можно использовать португальский язык (абсолютно необходимо ввести его повсеместное изучение в школах) или галисийский в его академической норме, и его личный и профессиональный опыт это подтверждает. Ф. Кастро разделяет всеобщие опасения в связи с тем, что галисийский практически не передается напрямую от родителей детям, а изучается в школах скорее как иностранный язык, но считает инфантилизмом винить в этом официальную норму и пытаться решить проблему за счет внедрения еще

что отныне он не будет разговаривать ни с кем, кроме коня. И герой, хоть и составляет этот документ, не решается пойти заверить его. В видеоролике акцент сделан на языковой составляющей. Конь заговорил с хозяином по-немецки. Альберте немецкий язык не давался, поэтому он стал учить коня галисийскому. Конфликт возник, когда конь признался в том, что он реинтеграционист. С этого момента отношения героев резко испортились: конь загордился и стал обижать Альберте, который от своей приверженности официальной норме не отказывался. Спас ситуацию друг, который, следуя мудрому принципу: «лучший способ заставить замолчать сумасшедшего – согласиться с ним» – рассказал им о бинормативизме. С тех пор герои живут душа в душу.

одной нормы; для него проблема в том, что галисийцы перестают идентифицировать себя с языком – а ее не решить с помощью орфографии. Писатель соглашается с тем, что решение, принятое академиком в 80-е гг. было ужасной ошибкой («Foi un egro. Terrible. Un desastre»), но что теперь уже нет пути назад и что введение альтернативной нормы всех только запутает и окончательно отобьет интерес к галисийскому языку. Завершая свое открытое письмо, Ф. Кастро говорит, что спор о языке, как и прежде, существует только в среде узких специалистов, а не в обществе, и потому не имеет смысла [Francisco Castro...].

Открытые письма академика Э. Монтеагудо более лаконичны, для него этот разговор во многом сводится к трактовке терминов. Так, лично для него бинормативизм – это не что-то новое, а всего лишь признание за португальским языком статуса официального на территории Галисии, что он активно поддерживает и считает возможным. Начало этому процессу было положено в 2014 г. с принятием закона Пас-Андрате, и дальнейшее движение в этом направлении будет зависеть от политических решений и поддержки со стороны институтов и общества в целом. При этом разделение галисийского на «galego local» и «galego internacional» кажется ему некорректным и неприемлемым для многих галисийцев. Галисийский язык в своем нынешнем статусе и состоянии ценен сам по себе, а также ценен тем, что является «мостом к лузо-бразильскому миру». С его точки зрения, во главу угла нужно ставить не конкретный язык и идентичность, а языковые возможности и коммуникацию [O galego internacional...; Resposta a Eduardo Maragoto].

Официальной реакции Академии по вопросу бинормативизма пока не было. Ее президент В. Фрейшанес, говоря от своего имени, высказался категоричнее своих коллег: «У серьезных стран есть только одна орфография. Ее можно обсуждать, менять, но может быть только одна орфография» [Entrevista a Víctor F. Freixanes]. На наш взгляд, это тревожный знак для реинтеграционизма: представители официальной нормы, как и сорок лет назад, соглашаются со своими оппонентами в оценке положения галисийского языка, но не приемлют предлагаемые ими решения.

Высказывания на тему бинормативизма генерального секретаря по вопросам языковой политики Шунты Галисии Валентина Гарсиа свидетельствуют скорее о неготовности принять его. В мае 2020 г. в интервью каналу «Nós TV» хоть и несколько уклончиво, он говорил

о принципиальной возможности бинормативизма и о том, что в ближайшие годы мы станем свидетелями сближения галисийского языка с лузофонным миром [Valentín García... 2020]. Из чего при желании можно было сделать вывод, что эта инициатива кажется ему применимой и возможной в Галисии. В январском интервью portalу «PGL» на вопрос о возможности сосуществования в Галисии двух норм, он ответил лишь, что решение по этому вопросу будет принимать Академия, а Шунта поддержит его – каким бы оно ни было [Valentín García... 2021].

Но некоторая динамика в положении реинтеграционизма, как нам кажется, все-таки наблюдается. Во-первых, он смог преодолеть внутренние разногласия и выпустить свой письменный стандарт, устроивший всех [Ortografía Galega Moderna...]. Во-вторых, его представители отчасти развенчивают бытовавший стереотип об элитарности направления. Например, президент AGAL Э. Марагото периодически выпускает короткие видео на сервисе YouTube и телеканале «Nós TV», в которых поясняет различные положения реинтеграционизма и бинормативизма. На официальном сайте Ассоциации периодически появляются статьи разных людей – писателей, общественных деятелей и не только – «перешедших на его сторону». Во-третьих, изменилась модальность обращений реинтеграционизма к оппонентам: они не критикуют, а ищут диалога и взаимопонимания и не форсируют ситуацию, понимая, что их новая инициатива связана с определенным риском, а потому для ее принятия необходимо широкое согласие в обществе по этому вопросу. И, наконец, год Карбальо Калеро привлек внимание если и не к бинормативизму, то к реинтеграционизму как таковому.

Литература

1. Нарумов Б. П. Формирование романских литературных языков. Современный галисийский язык. М., 2008. 168 с.
2. Снеткова М. С. О процессе нормализации современного галисийского языка и языковой ситуации в Галисии // Вопросы иберо-романистики. Вып. 11. М., 2011. С. 164–170.
3. Снеткова М. С. О предпосылках выработки нормы современного галисийского языка // Вопросы иберо-романистики. Вып. 17. М., 2019. С. 278–292.
4. Юченкова А. К. Плюрализм нормы в условиях норвежской языковой ситуации // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2008. №1. С. 63–70.
5. A aplicação da Lei Paz-Andrade pelo Governo galego reflete uma escassa vontade política // Portal Galego da Língua, 12.04.2019.

- <https://pgl.gal/aplicacao-lei-paz-andrade-governo-galego-reflete-escassa-vontade-politica/> (дата обращения: 28.01.2021).
6. AGAL: Associação Galega da Língua // <https://a.gal/> (дата обращения: 30.01.2021).
  7. A Lei Paz Andrade a exame // Portal Galego da Língua, 12.04.2019. <https://pgl.gal/lei-paz-andrade-exame/> (дата обращения: 28.01.2021).
  8. *Carballo Calero R.* Gramática elemental del gallego común. 7ª ed. Vigo, Galaxia, 1979. 346 p.
  9. Entrevista a Víctor F. Freixanes // Nós Diario. 17.03.2019. <https://www.nosdiario.gal/articulo/cultura/paises-serios-tenen-soa-ortografia-podemos-discutirla-modificala-mais-hai-so-ortografia/20190313180527077051.html> (дата обращения: 28.01.2021).
  10. Estudo crítico das Normas ortográficas e morfolóxicas do idioma galego (I.L.G. – R.A.G.) 1982. AGAL. A Coruña, 1983. 303 p. https://issuu.com/aestudosgalegos/docs/estudo_cr_tico_2__edi_om (дата обращения: 28.01.2021).
  11. Francisco Castro: Aceptar dúas normas oficiais para a lingua galega? Por que non podo aceptar o Binormativismo. 24.05.2019. <https://pgl.gal/aceptar-duas-normas-oficiais-lingua-galega/> (дата обращения 28.01.2021).
  12. Freixanes: «O galego non é unha lingua local, na lusofonía hai un universo semellante ó do castelán» // Nós TV. 9.07.2020. <https://www.youtube.com/watch?v=QiZdv6y9jqE> (дата обращения 28.01.2021).
  13. *Freixeiro Mato X. R.* Idioma e sociedade. Sobre a normalización e planificación da lingua galega. Santiago de Compostela, Edicións Laiovento, 2020. 294 p. Edición dixital.
  14. LEI 1/2014, do 24 de marzo, para o aproveitamento da lingua portuguesa e vínculos coa lusofonía https://www.xunta.gal/dog/Publicados/2014/20140408/AnuncioC3B0-310314-0001_gl.pdf (дата обращения 28.01.2021).
  15. Normas ortográficas do idioma galego. RAG. A Cruña, 1970. 19 p.
  16. Normas ortográficas e morfolóxicas do idioma galego. RAG. A Cruña, 1971. 31 p.
  17. Normas ortográficas e morfolóxicas do idioma galego. RAG–ILG. 23ª ed. Vigo, Galaxia, 2012. 241 p.
  18. O galego internacional: un problema de comunicación. Por H. Monteagudo. 19.10.2020. <https://pgl.gal/o-galego-internacional-un-problema-de-comunicacion/> (дата обращения 29.01.2021).
  19. O cabalo de Alberte Merlo. <https://www.youtube.com/watch?v=0wDzbNneFE8> (дата обращения 29.01.2021).
  20. Ortografía Galega Moderna confluyente com o Português no mundo. Através Editora, 2017. 212 p. http://agal-gz.org/faq/doku.php?id=pt_agal:normas:norma_da_agal (дата обращения 29.01.2021).
  21. Portal Galego da Língua. <https://pgl.gal/> (дата обращения 29.01.2021).

22. Resposta a Eduardo Maragoto. Por H. Monteagudo. 19.07.2020. <https://ppl.gal/resposta-a-eduardo-maragoto/> (дата обращения 29.01.2021).
23. Simposio Carballo / Carvalho Calero – Ideas e achegas ao idioma – Letras galegas 2020. 29.10.2020. https://www.youtube.com/watch?v=doUa_WAOi-U&feature=youtu.be (дата обращения 29.01.2021).
24. Valentín García: «Nos próximos anos seremos testemuñas de pasos cara o reintegracionismo». 16.05.2020. <https://ppl.gal/valentin-garcia-fala-sobre-o-possivel-binormativismo-na-galiza/> (дата обращения 30.01.2021).
25. Valentín García: «Quiçá houvo um excesso de autoconfiança». 9.01.2021. <https://ppl.gal/valentin-garcia-quica-houvo-um-excesso-autoconfianca/> (дата обращения 30.01.2021).

Marina S. Snetkova

Lomonosov Moscow State University
marina_snet@inbox.ru

***Abstract:** Modern Galician language norms were the result of a controversy between two linguistic trends: Isolationism / Autonomism (which stated that the Galician needed its own language standard) and Reintegrationism (which believed that it should be brought closer to Portuguese). The former was adopted by the Royal Galician Academy, the latter for a long time did not go beyond linguistic publications. Lately, Reintegrationism makes its presence felt. This article deals with its latest initiative to promote binormativism: the official recognition and use of both the official standard and the Reintegrationist one.*

***Key words:** Galician language; language norms; binormativism; autonomism; reintegrationism*

УДК 811.134.2

И. А. Шалудько
Гданьский университет**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ
«НЕСЕКСИСТСКОГО ЯЗЫКА» В СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНИИ**

***Аннотация:** В статье рассматривается собственно лингвистический аспект несексистского использования языка. Данный подход позволяет разграничить, с одной стороны, явления языковой прагматики, к которым относится лингвистический сексизм и конкретные проявления дискриминационного отношения к женщинам в использовании определенных единиц языка, и, с другой, системные феномены, обусловленные внутренними законами существования и эволюции языковой системы и лишенные деспективных коннотаций. Так, в испанском языке системный характер имеет функционирование обобщающего мужского рода, которое, вопреки бытующему мнению, не имеет ничего общего с андроцентричным мышлением. Таким образом, учет языковых законов способствует корректированию некоторых ложных представлений и неудачных рекомендаций «несексистского языка».*

***Ключевые слова:** «несексистский язык»; языковые законы; языковые категории; обобщающий мужской род; испанский язык*

Тот факт, что в настоящее время феномен «несексистского языка» (точнее, несексистского использования языка) привлекает внимание лингвистов, объясняется несколькими причинами. Прежде всего, это растущий интерес к социальным факторам функционирования языка. При этом несексистский язык, являясь объектом прагматических и социолингвистических исследований, способствует теоретическому и методологическому развитию соответствующих дисциплин. Вместе с тем, интерес к данному феномену стимулирует факт его превращения в объект критики со стороны авторитетных лингвистов, что, в свою очередь, вызвало широкую дискуссию в обществе, развернувшуюся в прессе.

Как справедливо заметил Игнасио Боске в докладе, прочитанном в марте 2012 г. на пленарном заседании Королевской академии и одобренном всеми присутствовавшими академиками, идеология несексистского языка основана на ошибочном заключении, которое выведено из нескольких правильных предпосылок (как то: наличие дискриминации женщин и, в частности, языкового сексизма;

необходимость продвижения несексистского языка в целях установления социального равенства) и состоит в признании необходимости явно выражать пол референта на всех уровнях языка. Указанное заблуждение, по мнению И. Боске, ведет к ряду негативных последствий, препятствующих преподаванию языка, а также естественности и эффективности его использования [Bosque].

Замечание известного лингвиста ценно тем, что наряду с конкретными недостатками практических руководств для пользователей несексистского языка выявляет также теоретическую неувязку в его идеологии. Этот дефект состоит в упрощенном, одностороннем видении языка, ориентированном на политкорректность и не принимающем во внимание фундаментальные законы его существования и функционирования. Именно на него указывает известный писатель и журналист Алекс Грихельмо во введении к своей новой книге (*Propuesta de acuerdo sobre el lenguaje inclusivo, 2019*), цель которой «предложить разумную аргументацию, которая приведет к общей договоренности изъясняться по-испански без дискриминации по отношению к женщине и, в то же время, с уважением к истории, структуре и принципу экономии языка, а также к максимальному комфорту носителей» (*ofrecer una argumentación razonable que conduzca a un eventual acuerdo general para expresarse en español sin discriminación hacia la mujer y, al mismo tiempo, con respeto a la historia, la estructura y la economía de la lengua, así como al uso más cómodo de los hablantes*) [Grijelmo, 2019, p. 3].

Отстраняясь от оценочных суждений и избегая попыток поиска решения сложнейшей проблемы, выходящей за рамки научной проблематики, обратимся к собственно лингвистической стороне вопроса. Начнем с определения явления-причины «несексистского языка», т. е. языкового сексизма. Очевидно, что данный феномен представляет собой частную разновидность более широкого понятия дискриминационного обращения, которая проявляется в вербальном общении. С лингвистической точки зрения, речь идет о явлении языковой прагматики. Таким образом, под языковым сексизмом необходимо понимать дискриминационную позицию или отсутствие вежливости по отношению к социальной группе женщин как к предмету коммуникации или к женщине как к адресату сообщения со стороны его отправителя (субъекта). Иными словами, это явление, которое соотносимо с иллюкуцией и перлокутивным эффектом речевого акта, но при этом отражается в семантике языковых единиц разных уровней.

Действительно, в современном испанском языке можно найти множество примеров проявления сексизма. Наиболее очевидным случаем дискриминационного отношения к женщинам на лексическом уровне языка является уничижительное использование формы женского рода ряда слов: *zorra* (букв. *лиса*), *guarra* (букв. *свинья*), *lagarta* (букв. *ящерица*), *verdulera* (букв. *торговка зеленью*) и других. Деспективные коннотаты этих лексем имеют конвенциональный характер, о чем свидетельствует их фиксация в академическом словаре испанского языка (*Diccionario de la lengua española*, далее – DLE). Ср. фрагмент одной из словарных статей:

zorro, rra. 1. m. y f. Mamífero cánido de menos de un metro de longitud, incluida la cola, de hocico alargado y orejas empinadas, pelaje de color pardo rojizo y muy espeso, especialmente en la cola, de punta blanca. Es de costumbres crepusculares y nocturnas; abunda en España y caza con gran astucia toda clase de animales, incluso de corral. U. en m. o en f. ref. a la especie. <...> 7. f. *despect. malson.* prostituta [DLE] – «м. и ж. Млекопитающее семейства псовых... <...> 7. ж. *пренебр. вульг.* проститутка».

Признаки сексизма наблюдаются в функционировании отдельных форм обращения, также зарегистрированных в академическом словаре, ср.: **señorito, ta.** <...> 4. f. U. como tratamiento de cortesía empleado a la mujer soltera” [DLE] – «4. ж. Используется в качестве вежливой формы обращения к незамужней женщине».

Есть многочисленные свидетельства сексизма и на уровне устойчивых единиц языка, например, в традиционных паремиях типа: *A la mujer y a la burra, cada día una zurra* (букв. *Женщине и ослице – каждый день порку*); *La mujer y la sartén en la cocina están bien* (букв. *Женщине и сковородке – место на кухне*); *etc.* (Следует отметить, что половицы мачистского содержания не являются исключительной особенностью испанского языка и культуры: в статье А. Корбачо Санчеса цитируется более 70 сексистских паремий немецкого языка [Corbacho Sánchez, 2009].) Приведенные выше оценочные высказывания, равно как и пренебрежительные коннотации лексем конвенциональны, но не системны, т. е. не закономерны для языка и не позволяют считать испанский язык сексистским.

Между тем настоящим камнем преткновения для подобного определения является системное явление, состоящее в использовании мужского рода существительных и местоимений для обозначения лиц обоих полов, иными словами, обобщающего мужского рода (*el masculino*

genérico). Ср.: «испанский язык является сексистским, потому что его флективная система скрывает женщин <...>, а его словарь вместе с морфологией родовых флексий пренебрегает ими» (*la lengua española es sexista, porque su sistema flexivo oculta a la mujer <...>, y su vocabulario, conjuntamente con la moción de género, la vilipendia*) [Bosque, Demonte, 1999, p. 4863]. Неслучайно в некоторых исследованиях по прагматике и социолингвистике за этим феноменом закрепился идеологический ярлык «андроцентрический». Ср. «существуют исследования, подтверждающие, что женщины чувствуют себя исключенными, когда читают тексты, в которых встречается местоимение *he* в обобщающей функции или какое-либо иное подобное средство» [Romaine, 1996, p. 141]. При ближайшем рассмотрении оказывается, что речь идет о смешении понятий. На самом деле едва ли найдется грамматическая категория, которая бы совпадала с тем или иным биологическим, социальным или культурным понятием. Так, в современных языках, в грамматической системе которых есть категория рода, последняя не совпадает с полом: мужской и женский род соотносим с полом одушевленных денотатов, но не тождествен ему.

С другой стороны, хотя грамматический род, основанный на формальном (морфологическом) различии между мужским и женским, является удобным способом различения полов, он не единственный и не универсальный: существуют языки, которые его не используют. Однако следует отметить, что если до сих пор существует путаница между такими категориями, как пол и род, то это связано также с методологическим родством дисциплин, в рамках которых осуществляется изучение этих коррелирующих понятий, единством исследовательского подхода.

Вторая половина XX в. характеризуется преобладанием структуралистской методологии в социальных науках, что объясняет сходство и даже смешение категорий в антропологии, социологии, лингвистике. В структурализме язык – это система, основанная на отношениях между элементами; данные отношения создают структуру, конститутивным принципом которой является бинарная оппозиция элементов, один из которых маркирован по отношению к другому, т. е. наделен дополнительным признаком (маркой).

Весьма существенной характеристикой оппозиций является их способность к нейтрализации, т. е. наличие языковых реализаций, в которых различительный признак утрачивается и немаркированный член объединяет в себе общие свойства обоих элементов. Очевидно,

что данная закономерность применима не только к фонологическим явлениям, но и к ряду морфологических категорий, в частности к оппозиции мужского и женского рода в испанском языке. При этом обобщающий мужской род – не что иное, как нейтрализация марки рода в нейтральной позиции – форме множественного числа: *el hermano* «брат» vs. *la hermana* «сестра» → *los hermanos* «брат и сестра / братья и сестры»; *el abuelo* «дедушка» vs. *la abuela* «бабушка» → *los abuelos* «бабушка и дедушка». Таким образом, несмотря на то что бинарный принцип является аналитическим инструментом, упрощающим описание языка, он весьма полезен для представления языковой структуры, которая варьируется в зависимости от типологии каждого конкретного языка и диахронической стадии его развития.

Объясняющая сила бинарных оппозиций связана с другим фундаментальным принципом языка – законом экономии. Хотя принцип наименьшего усилия и закон экономии систематически упоминаются в лингвистических трудах уже в XIX в., в частности в исследованиях диахронической фонологии младограмматиками, унифицированное использование термина «языковая экономия» ввел Андре Мартине в середине XX в., относя к нему ряд явлений, результирующая которых составляет движущую силу фонетической эволюции: ликвидация бесполезных различий и появление новых, сохранение существующего положения [Martinet, 1955, p. 42–43]. В современной лингвистике этот термин обозначает фундаментальный закон общего действия на всех уровнях и во всех регистрах языка, который определяет устройство системы языка, ее функционирование и эволюцию. Исчерпывающее исследование диахронических и синхронических аспектов действия закона экономии в испанском языке было проведено М. В. Зеликовым [Зеликов, 2005].

Современные представления о категории рода в индоевропейских языках основаны на гипотезе, сформулированной в 30-е гг. XX в. Антуаном Мейе [Meillet, 1982]. В праиндоевропейском изначально не существовало различия между мужским и женским родом, обе формы восходят к так называемому активному (или *animé* «одушевленному», по Мейе) классу, который противопоставлен инактивному (*inanimé* «неодушевленному») и включает имена денотатов (живых существ, природных явлений и объектов), которые могут выступать агенсом активного действия (занимать позицию субъекта активного глагола). По мысли Мейе, возникновение родовой оппозиции мужской / женский род связано с религиозным верованием в божественную

способность женского начала (пола) одушевлять неодушевленное, и основано на дифференциации соотносимого с ним женского рода из активного класса имен, так что мужской род, помимо обретения спецификации по признаку пола, продолжал сохранять изначально недифференцированное, обобщающее значение активных имен.

Однако более вероятной представляется концепция, согласно которой выделение из активного класса мужского и женского рода изначально связано, как полагал А. Мартине, с коммуникативными потребностями, а именно с функционально обусловленным, позволяющим избежать двусмысленности приписыванием мужского или женского пола денотатам соответствующих имен [Mathieu, 2007, p. 70]. При этом, как отмечает отечественный исследователь А. Е. Маньков, морфологическое оформление новых парадигм, т. е. парадигм рода, в полном соответствии с законом экономии основано на использовании существовавших формантов, а именно: превращении аффикса со значением нераздельной множественности (*collectiva tantum*) в показатель женского рода и наследовании формой мужского рода аффикса имен активного класса [Маньков, 2004]. Таким образом, использование формы мужского рода для обозначения лиц обоих полов можно рассматривать как реликт категории активности, недифференцированной в отношении пола.

Итак, существование обобщающего мужского рода не имеет ничего общего с игнорированием женщин, и, следовательно, его использование не должно вызывать негативных коннотаций. Однако ввиду того что, как отмечалось выше, идеологи «несексистского языка» подвергли это явление стигматизации, объявив «андроцентрическим», а языку присуща вариативность средств выражения, теоретически возможна эвфемистическая замена этого социально табуируемого элемента нейтральным синонимом.

Действительно, руководства по несексистскому использованию языка предлагают целый ряд заменителей обобщающего мужского рода, среди которых: 1) существительные и местоимения, недифференцированные в отношении пола, типа *persona* «лицо», *quien* «кто», *cualquiera* «кто угодно»; 2) опущение табуируемого субъекта / объекта, использование безличных форм; 3) пропуск артикля; 4) абстрактные или собирательные существительные: *juventud* «молодежь», *alumnado* «учащиеся», *profesorado* «преподавательский состав», etc. 5) лексическая дупликация: *ciudadanos* у *ciudadanas* «граждане и гражданки», *clientes* у *clientas* «клиенты и клиентки», etc.

Проследим на конкретных примерах, выполняют ли перечисленные средства замещающую функцию. Очевидно, что первые две меры осуществимы, но их реализация требует больших усилий со стороны говорящего, чем исходные структуры, поскольку личные предложения с эксплицитными актантами, как правило, более естественны для языка, чем их трансформации, ср.: *Los miércoles doy consultas a los alumnos de tercero* («По средам я провожу консультации с третьекурсниками») vs. *Los miércoles doy consultas a quienes cursan tercero* («По средам я провожу консультации с теми, кто учится на третьем курсе»); *Los profesores del departamento de español imparten consultas dos veces por semana* («Преподаватели отделения испанского языка проводят консультации два раза в неделю») vs. *En el departamento de español las consultas se imparten dos veces por semana* («На отделении испанского языка консультации проводятся два раза в неделю»).

Между тем, следующие две более чем сомнительны, поскольку закон экономии налагает ограничения на синонимические отношения между конкретным или единичным, с одной стороны, и абстрактным или коллективным, с другой: *los jóvenes* «молодые люди, юноши и девушки» ≠ *la juventud* «молодые люди, молодежь»; *los alumnos* «ученики, студенты» ≠ *el alumnado* «учащиеся, обучающиеся» и т. д. К примеру, фраза: *Me acuerdo con cariño de mis profesores del cole* («Я с нежностью вспоминаю своих школьных учителей») не может быть заменена на вариант: **Me acuerdo con cariño de mi profesorado* («*Я с нежностью вспоминаю свой преподавательский состав»), поскольку последний аграмматичен ввиду нарушения семантической сочетаемости элементов: эмоционально оценочного предиката и объекта с коллективным значением. Подобным образом нет эквивалентности между структурой с определенным артиклем и «несексистским вариантом» с нулевым: *Este congreso tiene por objeto reunir a los hispanistas rusos* («Цель этого конгресса – собрать всех российских испанистов») vs. *Este congreso tiene por objeto reunir a hispanistas de Rusia* («Цель этого конгресса – собрать испанистов России»). Хотя обе фразы понятны и корректны, но отличаются семантически: в первом примере, как показывает перевод, цель конгресса гораздо более амбициозна, чем во втором.

Что касается лексической дубликации, то, хотя это средство полностью соответствует критерию эквивалентности, однако также не может считаться удовлетворительным. Дело в том, что использованные дубликации априори противоречат принципу экономии, что

делает практически невозможным ее систематическое применение. Принимая во внимание сказанное, можем предположить, что «несексистская реформа языка» с исключением использования формы обобщающего мужского рода (*el masculino genérico*) в испанском языке, по меньшей мере, маловероятна.

В заключение отметим, что язык сам по себе, как система знаков и норм их использования, не является ни сексистским, ни антисексистским. Что может иметь определенный сексистский характер, так это прагматический контекст и, как следствие, маркированные им языковые формы, в которых проявляется дискриминация по признаку пола, а именно: формы обращения, уничижительные коннотации слов и синтаксических структур и другие. Между тем, системное явление, состоящее в использовании мужского рода существительных и местоимений для обозначения лиц обоих полов, порицаемое как сексистское, не имеет ничего общего с пренебрежительным отношением к женщинам, а является следствием эволюции грамматической системы, в частности, закона экономии. Таким образом, несексистские (или инклюзивные) средства языка, противоречащие лингвистическим законам, неспособны навредить системе языка, однако их популяризация отнюдь не безобидна, т. к. связана с внушением ложных представлений о природе языка в целом и о сексистском характере испанского в частности.

Литература

1. Зеликов М. В. Компрессия как фактор структуры и функционирования иберороманских языков. СПб., 2005. 448 с.
2. Маньков А. Е. Происхождение категории рода в индоевропейских языках // Вопросы языкознания. М., 2004. № 5. С. 79–92.
3. Bosque I. Sexismo lingüístico y visualidad de la mujer. http://www.rae.es/sites/default/files/Sexismo_linguistico_y_visibilidad_de_la_mujer_0.pdf (дата обращения: 12.01.2021).
4. Bosque I., Demonte V. (eds.) Gramática descriptiva de la lengua española. Madrid, 1999. 5351 p.
5. Corbacho Sánchez A. La discriminación de la mujer en el repertorio paremiológico alemán y su correspondencia en español // Cadernos de Tradução. Florianópolis, 2009. 2 (24). P. 129–158.
6. Diccionario de la lengua española. <https://dle.rae.es> (дата обращения: 27.01.2021).
7. Forgas Berdet E. Diccionario, cortesía lingüística y norma social // Bravo D., Briz A. (eds.) Pragmática sociocultural. Barcelona, 2004. P. 341–354.
8. Grijelmo Á. Propuesta de acuerdo sobre el lenguaje inclusivo. Madrid, 2019. 304 p.

9. *Martinet A.* Économie des changements phonétiques. Traité de phonologie diachronique. Berne, 1955. 396 p.
10. *Mathieu C.* Sexe et genre féminin: origine d'une confusion théorique // *La linguistique*. Paris, 2007. 43. 2. P. 57–72.
11. *Meillet A.* La catégorie du genre et les conceptions indo-européennes // *Meillet A.* Linguistique historique et linguistique générale. Paris, 1982. P. 211–229.
12. *Romaine S.* El lenguaje en la sociedad. Barcelona, 1996. 271 p.

Inna A. Shaludko

University of Gdansk

inna.shaludko@ug.edu.pl

Abstract: *The article is dedicated to the strictly linguistic aspect of the non-sexist language. This approach makes possible to distinguish between the phenomena of linguistic pragmatics, such as the linguistic sexism and specific manifestations of the discriminatory attitudes towards women in the use of certain language units, on the one hand, and the systemic phenomena which are determined by the internal linguistic laws of the language system and its evolution and devoid of derogatory connotations, on the other hand. For example, in Spanish, the generic use of the masculine gender has a systemic character, which, contrary to popular opinion, has nothing to do with androcentric thinking. Thus, it is possible to correct some misconceptions and unsuccessful recommendations of the non-sexist language taking into account linguistic laws.*

Key words: *non-sexist language; linguistic laws; linguistic categories; generic masculine; Spanish*

УДК 811.134.2

В. М. Шахназарян
РУДН**ВЛИЯНИЕ АВТОХТОННЫХ ЯЗЫКОВ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ
НА ЛЕКСИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА
МЕКСИКАНСКОГО ШТАТА КИНТАНА-РОО**

***Аннотация:** Испанский язык на территории американского континента развивался в условиях тесного контакта с автохтонными языками региона, что, несомненно, повлияло на его современное состояние. «Следы» такого взаимодействия прослеживаются на всех уровнях языковой системы. Целью данной работы является рассмотреть влияние коренных языков региона на лексическую систему испанского языка мексиканского штата Кинтана-Роо. Предмет исследования – национально-культурные особенности функционирования индихенизмов в живой разговорной речи жителей штата. Объектом исследования выступил испанский язык мексиканского штата Кинтана-Роо. Для достижения поставленной цели нами были использованы следующие методы: опрос информантов, анкетирование, интервьюирование, опосредованное наблюдение за речевым поведением местных жителей, метод непосредственного участия в разговоре, а также статистический, математический, сравнительный. В результате проведенного исследования нами выявлено влияние антильнянизмов, науатлизов, афронегризов и маизмов на лексическую систему испанского языка указанного штата, которые формируют как активный, так и пассивный словарный запас носителей. Весь корпус индихенизмов является заимствованиями и его можно разделить на две группы: иноязычные элементы и заимствования, прошедшие «путь» адаптации.*

***Ключевые слова:** испанский язык; мексиканский национальный вариант испанского языка; контактная лингвистика; автохтонные языки Америки; индихенизмы; штат Кинтана-Роо*

Мексиканский национальный вариант испанского языка по праву считается самым изученным ввиду своего диалектологического многообразия. На его становление и развитие оказали влияние 69 коренных языков страны; наиболее распространенным считается язык науатль (1,4 миллиона говорящих), второе место занимает язык майя (759 тысяч носителей) [INEGI]. Язык майя (maya yucateco) являлся основным средством общения на территории полуострова Юкатан и, несомненно, оказал влияние на все уровни языковой системы

испанского языка полуострова, который длительное время являлся обособленным регионом на территории страны.

Известный мексиканский лингвист Х. М. Лопе Бланч, исследуя языковое многообразие испанского языка Мексики в рамках проекта по составлению Лингвистического Атласа (*Atlas Lingüístico de México*), выделил 17 диалектологических зон, что послужило толчком к началу исследований территориальных норм живой разговорной речи мексиканского национального варианта испанского языка [Lope Blanch, 1990]. Так, достаточно в полной мере описаны языковые особенности лишь некоторых штатов и городов: Векакрус (Lloyd, 1952), Гуанахуато (Boyd-Bowman, 1960), Халиско (Cárdenas, 1967), Табаско (Williamson, 1986; Смирнова, 2006), Синалоа (López, Mendoza, 1997), Тампико (González Violante, 1980), Вальядолид (García Fajardo, 1984), Оахака (Garza, 1987), Монтеррей (Fernández, 1995) и Четумаль (Pérez, 2002). Однако, как нам представляется, в настоящий момент проведено недостаточно исследований, чтобы составить полную картину взаимодействия и взаимопроникновения испанского языка с коренными языками страны.

Испанский язык на территории полуострова Юкатан, который формируют 3 штата: Кампече, Юкатан и Кинтана-Роо, в 1986 году был определен как единая диалектная зона [Lope Blanch, 1986]. Исследование проводилось в 10 городах полуострова: 4 в штате Кампече, 4 в штате Юкатан и 2 в Кинтана-Роо. Таким образом, доля проведенных полевых исследований в штате составляет 20% (от общего числа исследований в регионе) и 1.03% (от общего числа лингвистических исследований мексиканского национального варианта испанского языка) [Pérez, 2014]. Принимая во внимание эти данные, возникает необходимость в сборе, обработке и анализе особенностей живой разговорной речи жителей всего штата.

Говоря о лексической системе мексиканского национального варианта испанского языка, мы должны принимать во внимание, что ее основу сформировали «унаследованные» лексические единицы (*léxico patrimonial*), завезенные испанскими колонизаторами. Основным источником пополнения лексического фонда мексиканского «стандарта» послужил язык науатль. Такие слова как *tomate*, *aguacate*, *nopal*, *guajolote* и др. прочно вошли в вокабуляр всех жителей страны, а также отражены в толковых академических словарях (DEM, DA, DRAE). Очевидно, что в испанском языке всего полуострова Юкатан и штата Кинтана-Роо, в частности, активно

функционируют маизмы. Слова *bacal* (кукурузный початок), *p'urux* (человек с большим животом), *box* (парень, юкатанец), *han* (скорее) и др. можно услышать в разговоре на обиходно-бытовые темы. Однако, по нашим непосредственным наблюдениям за речевым поведением местных жителей, можем заключить, что в живой разговорной речи присутствуют слова, восходящие к другим языкам Американского континента: *Tienen que lebisar el piso de la casa o no les permito salir con amigos* [Запись информантов]. Другими словами, *lebisar* – *limpiar con lebisa* (мыть полы шваброй). Таким образом, индоамериканские корни, а также их испанские и американские синонимы отражают лексическую вариативность, свойственную испанскому языку штата Кинтана-Роо, где смешались разные культуры (мексиканская, карибская, креольская, майя и испанская) и языковые «привычки», неравномерно распределенные по территории штата.

Эмпирической базой данной работы послужили результаты проведенного опроса информантов в виде интервью и анкетирования в 9 наиболее значимых городах: Четумаль, Бакалар, Холбош, Шкалак, Филипе Карильо Пуэрто, Тулум, Акумаль, Плайя дель Кармен, Канкун и на острове Косумель. Информантами выступили резиденты штата в возрасте от 24 до 66 лет с высоким уровнем образования (студенты последних курсов бакалавриата, магистры, PhD). Основой для составления опросников и анкет послужила уже апробированная модель, которая использовалась в работе над Лингвистическим атласом Мексики (1990), а также в работах ведущих лингвистов Мексики Х. М. Лопе Бланча (1986), Р. Переса Агилара (2002), Г. Алкала Филлипс (2007), С. А. Яковлевой (2007). В корпус ЛЕ вошли: 55 антильнянизмов, 259 науатлизмов, 24 афронегризма, 5 ЛЕ из языка кечуа, 200 маизмов.

Представим графически полученные результаты (см. рис. 1).

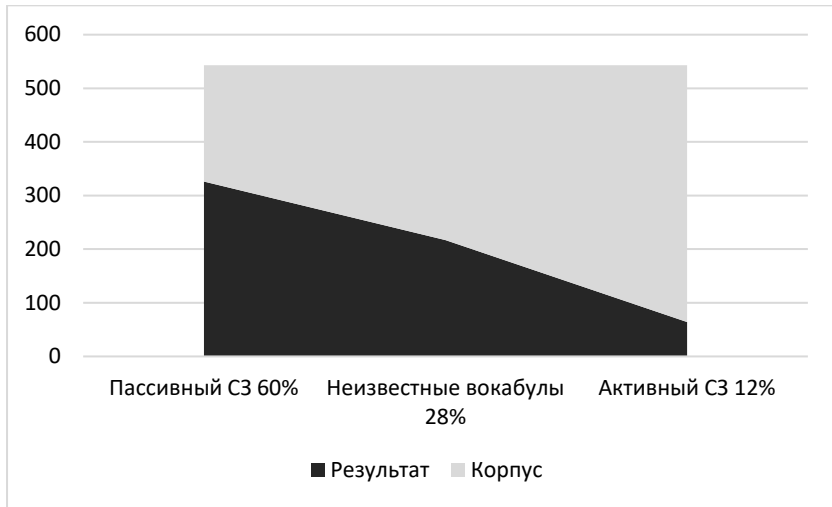

Рисунок 1

Из данной схемы видно, что 60% (326) ЛЕ всего корпуса составляют пассивный словарный запас говорящих, 28% (153) оказались неизвестными вокабулами и всего лишь 12% (64) индихенизмов формируют активный словарный запас и уверенно используются в речи.

Нужно отметить, что на современном этапе развития испанского языка штата Кинтана-Роо на основе опроса информантов и сопоставлении полученных данных с академическими словарями нами выявлены отличия функционирования лексических индихенизмов: слова с сужением ЛЗ, слова с расширением ЛЗ и слова с замещением ЛЗ. Обратимся к примерам (см. табл. 1, 2, 3, 4).

Таблица 1. Антильянизмы

Лексическая единица	Значение, отраженное в словарях DEM, DA, DRAE	Дополнительные ЛЗ
Veјuso	Веревка, лиана, растение, дерево	+ ветвь
Saimito	Дерево	+ фрукт, плод
Sanoa	Плот, каяк	+ корабль, лодка
Соа	Нож, мачете	+ коса, острый инструмент для вскрытия костей

Таблица 2. Науатлизмы

Лексическая единица	Значение, отраженное в словарях DEM, DA, DRAE	Дополнительные ЛЗ
Huacal	Корзина, ящик	+ коробка, дом
Chipote	Игрушка, отек (опухоль)	+ удар, шар, мячик
Náhuatl	Язык, культура, диалект	+ фамилия, раса, ведьмак

Таблица 3. Афронегризмы

Лексическая единица	Значение, отраженное в словарях DEM, DA, DRAE	Дополнительные ЛЗ
Chévere	Хороший, достойный	+ красивый, прекрасный (о каком-либо предмете)
Guineo	Гвинеец	+ банан, куст

Таблица 4. Маизмы

Лексическая единица	Значение, отраженное в словарях DEM, DA, DRAE	Дополнительные ЛЗ
Alux	Мифический персонаж	+ гном, домовый
Mulix	Кудрявый человек	- птица с волнистым оперением (<i>вышло из употребления</i>)
Chuchul	Сухой	+ морщинистый

Более подробно особенности функционирования национально-культурной лексики и особенности их перевода мы рассмотрели в предыдущей статье [Шахназарян, Казакова, 2021].

Основываясь на полученных данных, можем заключить, что разнообразие форм и значений индихенизмов, используемых в живой разговорной речи, обогащает лексическую вариативность испанского языка мексиканского штата Кинтана-Роо. Нужно отметить, что помимо словарных дефиниций каждой ЛЕ информанты передают представление о свойствах, характеристиках каждого объекта, что также влияет на обогащение вариативности и увеличение синонимического ряда слов. Лексическая вариативность в данном случае указывает на то, что в «живом» языке сосуществуют множество значений и

«оттенков» значений по отношению к нормированному и структурированному литературному стандарту посредством синонимии.

Лексические единицы проанализированного корпуса индихенизмов являются заимствованиями или иноязычными элементами, так как используются в речи большинства испаноговорящих монолингвов и соответствуют следующим критериям, предложенным отечественным академиком А. А. Реформатским:

1. вошли в словарный запас испанского языка;
2. имеют эквивалентные синонимы в принимающем языке, например, *chuchuluco* – *inflamación* (воспаление);
3. прошли путь фонетической, морфологической и синтаксической интеграции, например, *chéech* + исконный испанский суффикс *-ón* – *chechón* (*llorón* в кастильском варианте испанского языка) – плакса;
4. употребляются носителями языка и не воспринимаются как инородные элементы [Реформатский, 2003].

Иными словами, это слова, которые вошли в состав принимающего языка теряя свой иноязычный «облик», чтобы стать полноценными заимствованиями: *xixes* – *restos* (остатки), *chuchúes* – *senos* (в мексиканском стандарте), *pechos* (в кастильском варианте) (грудь).

Присутствие в языке, национальном варианте языка или в территориальном диалекте слов эквивалентных общеиспанским или заимствованным из других языков прямым образом отражается на жизнеспособности и частотности употребления лексических индихенизмов и обогащает вариативность, особенно в речи образованного населения. Большая часть заимствованных ЛЕ (75% по нашим данным) не претерпела никаких лексических трансформаций и используются в своем исходном значении и не имеют общеиспанских синонимов: *caribe*, *náhuatl*, *guineo*, *tequila* и др. 25% индихенизмов исследуемого корпуса подверглись каким-либо изменениям в своем семантическом поле и выступают синонимами общеиспанской лексики: *huacal* – *caja* (коробка), либо имеют синонимы, пришедшие из других языков Латинской Америки, например: *chamaco* – *escuincle* – *dzíríz* – *niño* (ребенок). Перспективы дальнейшего исследования заключаются в необходимости более полного исследования лексических индихенизмов, выступающих синонимами общеиспанской лексики, которое докажет их жизнеспособность и частотность употребления в повседневной речи билингвов и монолингвов мексиканского штата Кинтана-Роо.

Литература

1. *Реформатский А. А.* Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 2003. 536 с.
2. *Смирнова И. В.* Испанский язык на территории мексиканского штата Табаско: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.05. М.: РУДН, 2006. 18 с.
3. *Шахназарян В. М., Казакова И. В.* Особенности перевода национально-культурной лексики (на примере территориального диалекта испанского языка мексиканского штата Кинтана-Роо и новозеландского национального варианта английского языка // *Litera*, 2021, №1. С. 125–133.
4. *Яковлева С. А.* Динамика лексических значений полисемичных наутлизмов в культурной речи г. Мехико (XX век): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М.: МГОУ, 2005. 399 с.
5. *Alcalá Philips, G.* Peculiaridades léxicas en el español de Cancún, Quintana Roo, México, 2009.
6. *Boyd-Bowman P.* El habla de Guanajuato. México: UNAM, 1960. 390 p.
7. *Cárdenas D.* El español de Jalisco. Contribución a la geografía lingüística hispanoamericana. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 1967. P. 45–74.
8. *Fernández I.* La lingüística y el habla de Monterrey. México: Archivo general del Estado, 1995. 202 p.
9. Instituto Nacional de Estadística, Geografía e Informática (INEGI). II Censo de población y vivienda. <http://cuentame.inegi.gob.mx/poblacion/migracion.aspx?tema=P> (дата обращения 20.01.2021).
10. *García Fajardo J.* Fonética del español hablado en Valladolid, Yucatán. México: UNAM, 1984. 366 p.
11. *Garza B.* El español hablado en la ciudad de Oaxaca. Caracterización fonética y léxica. México: ColMEX, 1987. P. 12–27.
12. *González Violante G.* Estudio fonético del español hablado en Tampico. Tesis de maestría. México: UNAM, 1980. 156 p.
13. *Lloyd H.* La pronunciación del español hablado en el estado de Veracruz. Tesis de doctorado. México: ColMEX, 1952. 470 p.
14. *Lope Blanch J.M.* Atlas Lingüístico de México. México: UNAM – ColMEX – FCE, 1990. 193 p.
15. *Lope Blanch J.M.* Estudios sobre el español de Yucatán. México: UNAM, 1987.
16. *López Berrios M., Mendoza Guerrero E.* Él habla de Sinaloa. Materiales para su estudio. Culiacán: UAS, 1997. 560 p.
17. *Pérez Aguilar R.* Él habla de Chetumal. Fonética, gramática, léxico indígena y chiclero. México: Universidad de Quintana Roo, 2002.
18. *Pérez Aguilar R.* Voces de origen indígena en el español de Quintana Roo // II Coloquio de Cambio y Variación Lingüística. México: ColMEX, 2014. P. 295–319.
19. *Williamson R.* Él habla de Tabasco. Estudio lingüístico. México: ColMEX, 1986. 255 p.

Словари и справочники:

20. Diccionario de americanismos. Madrid: Taurus, 2015. 393 p.
21. Diccionario del español de México. <https://dem.colmex.mx/> (дата обращения: 20.11.2020).
22. Diccionario de elementos del maya yucateco colonial. México, UNAM, Coordinación de Humanidades, 1970.
23. Diccionario introductorio Español – Maya, Maya – Español, Gómez Navarrete, J.A. Chetumal, 2009. 196 p.
24. Diccionario Real Academia Española. <https://dle.rae.es/> (дата обращения: 20.11.2020).

Vladimir M. Shakhnazaryan

Peoples' Friendship University of Russia

vlad_shakhov@mail.ru

Abstract: *The Spanish language on the territory of the American continent developed in close contact with the autochthonous languages of the region, which undoubtedly influenced its current state. "Traces" of such interaction can be seen at all levels of the language system. The aim of this work is to examine the influence of the indigenous languages of the region on the lexical system of the Spanish language in the Mexican state of Quintana Roo. The subject of the research is the national and cultural features of the functioning of indigenisms in the lively colloquial speech of residents of the state. The object of the research was the Spanish language of the Mexican state of Quintana Roo. To achieve this goal, we used the following methods: interviewing informants, questioning, interviewing, indirect observation of the speech behavior of local residents, the method of direct participation in a conversation, as well as statistical, mathematical, comparative. Because of our research, we have revealed the influence of antillianisms, nahuatlisms, afronegrisms and maisms on the lexical system of the Spanish language of the mentioned state, which form both active and passive vocabulary of native speakers. The entire corpus of indigenisms is borrowed and can be divided into two groups: foreign language elements and borrowings that have passed the "way" of adaptation.*

Key words: *Spanish; Mexican national variant of the Spanish language; contact linguistics; autochthonous languages of America; indigenisms; Quintana Roo state*

УДК 811.134.3

О. А. Шершукова

Дипломатическая академия МИД РФ

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОРТУГАЛЬСКОГО КВАНТИФИКАТОРА *TODO*

Аннотация: В статье автор анализирует семантику и грамматику, а также сочетаемостные свойства португальского квантификатора (квантора, квантитатива) *todo*, который в традиционном описании является неопределенным прилагательным-местоимением. Автором рассматриваются контексты употребления *todo* в именных группах, вершиной которых является существительное, представленное как формой единственного числа, так и множественного числа. Квантификатор *todo* имеет специфическое количественное значение, поскольку может передавать значение тотальности, целостности, которое предполагает либо совокупность частей характеризуемого объекта, либо значение всеобщности, когда характеризуется множество однородных предметов. Значение всеобщности может передаваться квантифицируемой ИГ как в форме единственного, так и множественного числа, тогда как значение тотальности, целостности – только в форме единственного числа.

Ключевые слова: квантификатор; тотальность; всеобщность; имя существительное; лексическое значение; грамматическое значение; единственное и множественное число

Особый интерес с позиций взаимодействия логического и грамматического в языке представляют «языковые выражения, значения которых подобны значению логических кванторов», к которым, в частности, относятся кванторные выражения, и которые, по мнению А. Д. Шмелева, «рассматриваются как наиболее “объективные”, “логические” языковые единицы, функционирование которых в минимальной степени связано с коммуникативными, прагматическими факторами», тем не менее коммуникативные и прагматические факторы являются довольно существенными для их функционирования [Булыгина, Шмелев, 1997, с. 193–194]. При анализе языкового явления квантификации следует учитывать и тот факт, что «нет полного тождества между логическими кванторами и соответствующими явлениями в языке» [Ломтев, 1971, с. 106]. Как отмечает Е. Д. Падучева, «в существующих словарях для кванторных слов фактически указываются не значения, а лишь возможности

замены их другими кванторными словами», что обусловлено специфическими трудностями, которые обусловлены, с одной стороны, тем, что «значение слова тесно связано с его сочетаемостью», а с другой, «кванторные слова входят в разветвленную систему синонимических соотношений, которые не сводятся к простой замене одного слова на другое» [Падучева, 2007, с. 79–80]. С этими же проблемами сталкиваются лингвисты, занимающиеся проблематикой кванторных слов в португальском языке. В частности, Г. К. Неустроева отмечает «противоречивость указанного разряда местоимений», «расплывчатость формулировок», указывая, что «большой объем разряда усложняет семантические характеристики каждой единицы. Кроме того, между кванторными словами существуют сложные синонимические отношения и установление различия между ними требует особых преобразований» [Неустроева, 1997, с. 81–84].

В качестве объекта нашего анализа мы выбрали функционирование португальского кванторного слова (квантификатора, квантитатива, т. е. различные термины, используемые для одного и того же понятия) **todo**, который в традиционном описании является неопределенным прилагательным-местоимением в зависимости от его синтаксической позиции в предложении или в составе словосочетания, в частности субстантивного: **todo** “*adj. e pron. indef. inteiro; completo; íntegro; total; qualquer; cada; s. m. conjunto; soma; universalidade; aspecto geral*” [Dicionário, 1984, p. 964]. Как видно из толкования, **todo** употребляется в качестве прилагательного, т. е. в качестве определителя существительного в квантифицируемой ИГ, или в автономной функции в роли местоимения в форме множественного числа **todos**. Неопределенное прилагательное **todo** при субстантивации передает либо собирательное значение (*conjunto, soma*), либо абстрактное значение (*universalidade, aspecto geral*): *A Ibéria é um todo, mas um todo feito de diferenças e de antiquíssimos direitos autónómicos* (DN); “*Quase todos os dias, somos acusados de fazer novas ameaças terríveis contra a NATO como um todo...*” (Diário de Notícias – далее DN); *As sondagens dão agora o seu partido a fraquejar e o bloco nacionalista como um todo a não crescer* (DN); *...o globalismo se refere à terra como um todo, e à totalidade da população* (DN); “*...um todo feito de partes em que cada uma é, ao mesmo tempo, a parte que é o todo de que faz parte*” (J. Saramago). Функционирование субстантивированного прилагательного **todo** соответствует правилам, характерным для лексико-грамматического разряда абстрактных имен.

Для нас непосредственный интерес представляют семантика и сочетаемостные свойства *todo* в функции неопределенного прилагательного. Хотя в трудах отечественных лингвистов «Грамматика португальского языка» [Никонов, 1981] и «Теоретическая грамматика португальского языка» [Неустроева, 1997] есть разделы, посвященные употреблению неопределенных прилагательных-местоимений, анализ логико-семантических и лексико-грамматических особенностей квантификатора *todo*, можно считать, отсутствует, поэтому попытаемся хотя бы частично восполнить этот пробел, естественно, в рамках ограниченного объема данной статьи. При анализе *todo* в составе квантифицируемой ИГ мы хотели бы остановиться на следующих моментах: влияние формы единственного или множественного числа квантифицируемой ИГ на передаваемый смысл в составе предложения, роль артикля определяемого существительного.

Начнем с анализа значений *todo* в квантифицируемой ИГ, которая может представлена как в форме единственного числа, так и множественного числа, поскольку квантификатор *todo* согласуется в роде и числе с существительным, являющимся вершиной ИГ. Квантификатором *todo* в квантифицируемой ИГ в форме единственного числа передается значение тотальности, целостности обозначаемого объекта или явления (*inteiro, completo, íntegro, total*), при этом в работах бразильских лингвистов по проблематике квантификации (к сожалению, в португальской лингвистической литературе она подробно не освещалась) данное значение определяется как «тотальность, целостность частей» (“a totalidade das partes”) [Cunha, 1978, p. 252; Silveira da Sousa, 1983, p. 176]. Фактически, аналогичную точку зрения на квантификатор *весь* в русском языке излагает А. Д. Шмелев, который за основу своего анализа берет теорию Г. Банта, в которой под множеством «понимается любой объект, у которого можно выделить части, по отношению к которым он выступает как целое» [Булыгина, Шмелев, 1997, с. 197]. В лингвистической литературе значения части и целого прочно ассоциируется с выражением количественных значений у названий веществ, которые, будучи неисчислимыми именами в силу недискретности денотата, в реальности дискретны, поскольку референциально соотносимы с делимой на части массой вещества [Уфимцева, 1986, с. 125–127]. По Ш. Балли, партитивное начало свойственно всякому количеству [Балли, 2001, с. 248–249], но для названий веществ партитивные отношения играют ведущую роль. Естественно, что в квантифицируемых ИГ *toda a casa; todo*

o grupo; toda a vida представление о частях, составляющих данное понятия, достаточно умозрительное. По мнению бразильского лингвиста М. Саида Али, посредством *todo* может быть охарактеризована совокупность или целостность предмета, вещества или пространства («conjunto ou inteireza de um corpo, massa, superfície») [Said Ali, 1957, P. 105-106]. Что касается названий веществ, то в кванторных выражениях они могут приобретать значение совокупности, составленной полным набором его конкретных частей (...*nas merendas comia todo o pão, deixando a Jorge toda a fruta* (Еça de Queirós); ...*mais um triunfo do poder descontrolado dos que estão a sacar toda a madeira possível, numa Amazônia desprotegida por Bolsonaro* (DN). В ряде контекстов квантификатор *todo* в ИГ с вещественными именами может использоваться для достижения стилистического эффекта: *Amélia não respondeu, curvada sobre o livro, com todo o sangue nas faces; Luísa sentiu todo o sangue abrasar-lhe o rosto* (Еça de Queirós). В этих примерах *todo o sangue* использовано исключительно для передачи эмоционального состояния женщин, хотя в медицинском дискурсе данное выражение могло бы иметь смысл, когда бы речь шла, например, о запасах донорской крови в медучреждении. На наш взгляд, аналогичное стилистическое значение имеют и квантифицируемые ИГ с абстрактными именами, поскольку исчислить полноту всех составляющих элементов абстрактного понятия довольно сложно, особенно это касается тех существительных, которые дефектны по числу, а в единственном и множественном числе имеют разные лексические значения: *Mas nem todo o poder militar francês vale perante os ataques que também vêm de dentro* (DN); ...*o primado da lei e do Estado de direito não vigorou em Portugal durante todo o salazarismo* (LCP); *Toda a sua ambição* era ver o seu pequeno mundo bem tratado e bem acarinhado (Еça de Queirós) ср. *Com todo o cuidado, espalmaram as mãos contra o vidro e fizeram deslizar silenciosamente a janela* (А. М. Magalhães, I. Alçada); *E só por isso o escritor merecia todo o respeito* (LCP); ...*estes receberão, por certo, com todo o gosto* (LCP). Иную ситуацию представляют квантифицируемые ИГ с абстрактными именами, примыкающими к нижней границе конкретных имен, являющимися именами «ирреальных предметов, реалий, ситуаций, явлений природы» [Уфимцева, 1986, с. 129], которые могут концептуализироваться как некая совокупность частей: *Todo o nosso sistema financeiro depende deles* (DN); *A Hungria e a Polónia estão a bloquear todo o processo* (DN). Однако наиболее естественно *todo* сочетается с

собираемыми именами, но в этом случае тотальность частей представлена единицами собирательного множества, которое может быть формироваться именами лиц, не-лиц и предметов: ...*por motivos de segurança, devia retirar todo o pessoal das organizações humanitárias que aqui trabalha* (LCP); ...*o chefe do Executivo quererá dar o sinal de que deseja o envolvimento de todo o seu Governo* (LCP); ...*quando o comboio se aproximava, todo o bando tinha de se atirar para a areia* (LCP); *Em termos europeus, praticamente todo o sector têxtil esteve em queda* (LCP); *Se todo o peixe, carne e trigo do mundo fosse distribuído por igual a toda a população do planeta...* (LCP). В последнем примере *todo o peixe, carne e trigo* имеют вещественно-собирательное значение.

Португальскому квантификатору *todo* в значении тотальности, совокупности частей в русском языке соответствует лексема *весь*, которая, по мнению А. Д. Шмелева, «не имеет очевидного логического аналога», в отличие от значения формы *все*, которое «легко может быть сопоставимо со значением квантора общности», что «приводит многих исследователей к мысли о том, что *весь* и *все* не могут рассматриваться как формы одной лексемь». По его мнению, в русском языке слово *весь* имеет значение ‘в полном объеме’, а слово *все* – ‘в полном составе’, при этом у квантификатора *весь* «практически нет селективных ограничений, поскольку мы можем что угодно мыслить состоящим из каких-то частей» [Булыгина, Шмелев, 1997, с. 195–196, 198]. Ср.: *Golden Globes. O ano de toda a diversidade* (заголовок статьи в DN); *Haverá pessoas dessa idade a não quererem ficar para todo o sempre entre quatro paredes* (DN); *Ver Sigourney Weaver entronizada em todo o esplendor de rainha de uma Castela de celulóide...* (LCP). На наш взгляд, португальский термин ‘a totalidade das partes’ может быть вполне сопоставим с определением ‘в полном объеме’. Если же обратиться к работам, посвященным анализу количественных отношений у дефектных по числу существительных, основным лексическим значением которых является выражение совокупного множества, то для включения существительных Singularia и Pluralia tantum в структуру грамматической категории числа использовались такие определения, как «внутренний» и «внешний», по отношению к таким базовым понятиям, как множественность и расчлененность. В этом случае ‘a totalidade das partes’ подобно множественности, присущей именам парных и сложных предметов, предполагающих «“внутреннюю” совокупность частей одного и того же предмета» [Басманова, 1976, с. 130]. При обозначении «внутренней» совокупности квантификатор *todo* в квантифицируемой ИГ может как

предшествовать существительному с артиклем, так и находиться в позиции *a casa toda*; *o grupo todo*; *a vida toda*, при этом наличие или отсутствие артикля у лексемы *todo* зависит от семантики определяемого существительного («A presença ou a ausência do artigo depois da palavra *todo* depende, obviamente, de admitir ou rejeitar o substantivo aquela determinação»), а в качестве примера С. Кунья дает следующее противопоставление: «*Todo o Brasil pensa assim ~ Todo Portugal pensa assim*» [Cunha, 1978, p. 161]. Это положение соответствует правилам употребления артиклей в португальском языке, однако встречаются и исключения. Так, в предложении *Insegurança à parte, todo o Pernambuco é uma festa, sobretudo em Junho* (LCT) речь идет не столько о квантификации пространства, сколько обо всех тех, кто участвует в празднике, и о праздничном оформлении различных объектов. А в предложении *Tornou-se conhecido então pelo cognome de «vice-rei do Norte», tal o poder que detinha em todo o Portugal acima do Mondego, onde dirigiu o combate contra a extrema-esquerda e o PCP* (LCT) как раз посредством *todo o Portugal* квантифицируется пространство, но в географическом плане это территория, расположенная севернее реки Мондегу, т. е. север Португалии, на что есть к тому же аллюзия в употреблении «*vice-rei do Norte*», поэтому за счет несоответствия между реальным пространством и обозначением его части как целого формируется иронический смысл. В примере *O rei deixou claro que se o seu antepassado Felipe V, o primeiro dos Borbón, ganhou Espanha toda, ele, Felipe VI, quer que essa Espanha continue um todo* (DN), наоборот, в квантифицируемой ИГ *Espanha toda* артикль отсутствует. На наш взгляд, употребление артикля или его отсутствие в квантифицируемых ИГ, когда нет грамматических оснований для этого, может передавать как стилистическое значение, так и нести определенный прагматический смысл. Если говорить об обратном переводе с русского на португальский язык, то интересна интерпретация русских кванторных выражений *вся Россия* и *вся Русь* в португальском языке, которые различаются числовым оформлением, а не названием: *Toda a Rússia, fique na Europa ou na Ásia, joga na UEFA* (DN) ср. *Numa manhã enevoadada de 1703, Pedro I, o Czar de Todas as Rússias...* (DN); *Alexandre I era ainda o czar de todas as Rússias...* (DN). Оставим на совести португальских авторов исторические искажения, поскольку Петр I, действительно, был последним царем всея Руси, но и первым Императором Всероссийским, аналогичный титул был и у Александра I.

Остановимся более подробно на функции артикля в кванторных выражениях с *todo*. В приведенных выше теоретических положениях указывалось, что *todo* в значении тотальности частей требует после себя употребления артикля или возможно его отсутствие, причем не указывалось, о каком артикле идет речь. Регулярным считается употребление определенного артикля, о чем свидетельствуют не только примеры из нормативных грамматик, но и полученные нами примеры путем сплошной выборки из Национального корпуса португальского языка (НКПЯ), актуальной прессы, а также из художественных и публицистических произведений португальских и бразильских авторов. Помимо определенного артикля, кванторное выражение с *todo* может употребляться с неопределенным артиклем, который находится перед определяемым существительным, и в данном случае *todo* приобретает значение ‘целый, полный’ («pode antepor-se ao artigo indefinido, e então significa “inteiro, completo”») [Silveira da Sousa, 1983, p. 176]: *Com os milhares de companhias privatizadas em quatro anos e os milhões de empregos perdidos, os Osis viam desaparecer toda uma cultura, todo um modo de vida* (DN); *...parecia-lhe ter mais direito ao seu fervor que o outro, pregado numa cruz, tendo para o amimar toda uma humanidade pronta* (Eça de Queirós); *... quem está em guerra com a Indonésia em Timor é todo um povo que em cada dia demonstra a sua repulsa para com o invasor* (DN). Отметим ряд важных моментов: с одной стороны, в отличие от *todo*, употребляемом в значении тотальности частей с определенным артиклем, невозможен перенос *todo* в постпозицию, если употребляется с неопределенным артиклем (по крайней мере, мы таких случаев не встретили), а с другой стороны, квантифицируемая ИГ с неопределенным артиклем приобретает несколько иной оттенок значения. Возможно также употребление квантифицируемой ИГ с неопределенным артиклем во множественном числе: *São todos uns lordes, os meus fregueses!* (J. Amado) *Все они настоящие лорды, мои клиенты!* Поскольку мы нашли только один пример, то делать выводы о типе выражаемого значения будет некорректно. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, в испанском языке «**todo** означает *настоящий, подлинный, целый*», если употреблено с неопределенным артиклем [Арутюнова, 2004, с. 72]. А в русском языке слова *весь* и *целый*, которые, по мнению А. Д. Шмелева, «часто рассматриваются как синонимы, не могут быть взаимозаменяемы в большинстве контекстов. Единственный случай, когда они оказываются близки по значению, – сочетания с именами, одновременно выражающими значение

количества (“объемности”) и определенности», так как «слово **целый** характеризуется сильными селективными ограничениями», в отличие от **весь**, иными словами, слово **целый** оценивает количество не логически, а прагматически [Булыгина, Шмелев, 1997, с. 198–199].

Наиболее сложным случаем для изучающих португальский язык является употребление **todo** в значении ‘qualquer, cada’ (русский эквивалент **всякий, каждый**), поскольку, с одной стороны, в формальном плане оно может совпадать с употреблением **todo** в значении ‘inteiro, total’ (**весь**), если употребляется с определенным артиклем: **Todo o tribunal riu...** (A. Redol) (**весь суд**) Cp. *Algumas vezes o Santo Oficio terá sido injusto, e condenado à morte inocentes. (...) Pelo humano erro, particular a todo o tribunal terreno* (B. Santareno) (**всякий мирской суд**).

Вершинным существительным в ИГ с **todo** в значении ‘qualquer, cada’ фактически могут быть не только конкретные существительные, характеризующиеся дискретностью своих денотатов, но и существительные других лексико-грамматических разрядов, в своем первичном значении относящиеся к недискретным: **Todo o homem, independentemente da sua crença, se deve transfigurar no caminho da perfeição** (Ferreira de Castro); *O sonho de todo o viajante* (LCT); **Todo o mineiro sonha em descobrir uma, muito valiosa, para vender** (A. M. Magalhães, I. Alçada) cp. *A gente ilude-se, julga que todo o barro é barro* (J. Saramago); **Todo o fio de água, todo o tufo de erva, todo o pé de vinha o ocupava como vidas filiais por que fosse responsável** (Eça de Queirós).

Во избежание путаницы **todo** в значении ‘qualquer, cada’ и в значении ‘inteiro, total’, в грамматиках португальского языка рекомендуется употреблять в значении ‘qualquer, cada’ **todo** без артикля, в значении ‘inteiro, total’ – с артиклем, но это положение разделяют не все лингвисты, главным образом, из-за того, что оно не поддерживается самим языком: («Segundo alguns mestres, sim, outros, não quando **todo** significa qualquer, não deverá ser seguido de artigo. Mas quando **todo** significa inteiro, completo, então é seguido de artigo»), при этом данное правило не рассматривается как обязательное для всех случаев («Mas isto não pode ser estabelecido como dogma linguístico para todos os casos») [Calbucci, 1950, p. 275–276]. Эту же точку зрения разделяет М. Силвейра да Соуза, подчеркивая, что данное употребление более характерно для континентального португальского («prevalecendo no português europeu moderno o emprego do artigo») [Silveira da Sousa, 1983, p. 175], например: *A Alegria era a luz verdadeira, ilumina todo o homem ao vir ao mundo* (LCP); *No Texas, todo o homem sabe andar a cavalo e usa uma arma; Para*

o seu cão, todo o homem é um Napoleão (LCP) ср. *Acho que todo homem reproduz, em algum momento da sua vida a sensação do primeiro pré-humano* (Veja). Поскольку **todo o homem** является довольно распространенным выражением, то мы решили проверить частотность употребления данной ИГ с артиклем и без на основе данных подкорпуса газетных текстов Португалии, и результат оказался следующим: **todo o homem** (37) ~ **todo homem** (2), что подтверждает приведенные нами выше положения, высказанные бразильскими лингвистами. На наш взгляд, употребление артикля в квантифицируемой ИГ было бы вполне оправданным, если бы за ИГ следовало определение или придаточное определительное: *Este livro não é uma biografia; é a confissão de todo o homem que luta* (LCT); *Diz-se, na família, que em moça fazia torcer o pescoço a todo o homem com quem se cruzasse* (M. Zambujal). Отметим, что посредством **todo** в значении ‘qualquer; cada’ выражается «a totalidade numérica» [Cunha, 1978, p. 161; Silveira da Sousa, 1983, p. 175], ср. «a totalidade das partes» для **todo** в значении ‘inteiro, completo’. Как в одном, так и в другом случае эти значения характеризуются через общее понятие «totalidade». В переводе на русский язык «a totalidade numérica» буквально означает ‘числовая тотальность’, что соответствует принятому в отечественной лингвистике понятию «всеобщность», когда «высказывание распространяется на каждый предмет этого множества в отдельности без всякого исключения» [Ломтев, 1971, с. 109–110]. Понятие «a totalidade numérica» применимо к квантифицируемой ИГ как в единственном числе (**todo** в значении ‘qualquer; cada’), так и во множественном числе, поэтому ИГ **todo o homem (всякий человек)** может быть трансформирована в **todos os homens (все люди)**, что также коррелирует с русским языком. Что касается употребления **todos** в квантифицируемых ИГ во множественном числе, а также употребление **todos** в автономной функции в качестве местоимения, то, к сожалению, в настоящей статье данные случаи не будут рассмотрены как из-за значительного объема анализируемого материала, так и в силу ограниченного объема самой статьи.

Таким образом, при анализе явления квантификации, в частности кванторных выражений, в языках, относящихся к разным языковым группам, вполне возможно говорить о достаточно сильном влиянии логического фактора на грамматическую систему, а именно: употребление португальского квантификатора **todo** во многом соответствует употреблению в русском языке ‘*весь/всякий*’.

Литература

1. Арутюнова. Н. Д. Трудности перевода с испанского языка на русский. М., 2004. 109 с.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 2001. 416 с.
3. Басманова А. Г. Именные грамматические категории в современном французском языке. М., 1974. 198 с.
4. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997. 576 с.
5. Ломтев Т. П. Квантитативы современного русского языка // Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. Сборник статей. М., 1971. С. 106–116.
6. Неустроева Г. К. Теоретическая грамматика португальского языка. Морфология. СПб., 1997. 200 с.
7. Никонов Б. А. Грамматика португальского языка. М., 1981. 263 с.
8. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2007. 296 с.
9. Уфимцева А. А. Лексическое значение. Принципы семасиологического описания лексики. М., 1986. 240 с.
10. Calbucci E. Léxico de dúvidas de linguagem. São Paulo, 1950. 304 p.
11. Corpo de Extractos de Textos Electrónicos MCT/Público <http://linguateca.pt/CETEMPUBLICO/> (дата обращения: 07.02. 2021) – LCP
12. Cunha C. Gramática do Português Contemporâneo. Belo Horizonte, 1978. 510 p.
13. Dicionário de Português. Dicionários do Estudante. Porto, 1984. 1071 p.
14. Said Ali M. Dificuldades da língua portuguesa. Rio de Janeiro, 1957. 231 p.
15. Silveira da Sousa M. Lições de português. Rio de Janeiro, 1983. 312 p.

Oxana A. Shershukova

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry
okshera@yandex.ru

Abstract: *The artical analyses semantics and grammar along with compatibility features of the Portuguese quantifier todo, which is traditionally considered an indefinite adjective. The author examines the use of todo in noun groups based on a noun that may be either singular or plural. The quantifier todo has got a particular quantitative meaning because it's capable of expressing the idea of totality, which denotes all the parts of the object in question; or the idea of generality, when it describes a set of homogenous objects. The idea of generality may be expressed by a quantifying noun group in singular as well as in plural form, while the idea of totality may be expressed only by singular forms.*

Key words: *quantifier; totality; generality; part; the whole part; compatibility; the noun name; the noun group; singular and plural forms*

Ibero-Romance Studies. Volume 18: Academic Articles / Editor-in-chief Y. L. Obolenskaya; technical editor M. S. Snetkova. – Moscow : MAKS Press, 2021. – 224 p.

ISBN 978-5-317-06598-0

The articles follow the Xth International Conference “Ibero-Romance Studies in the Modern Word: Academic Paradigm and Current Challenges”, held by the Ibero-Romance Department of the Philological Faculty at Lomonosov Moscow State University on November 26th and 27th, 2020, to commemorate the 120th anniversary of the birth of Maria Luisa Gonzalez. They embrace a wide range of issues in Ibero-Romance studies, including language and literature studies, fine arts, historical and cultural studies.

For specialists in Romance studies, journalists, historians, philosophers, researchers in fine arts and cultural studies.

The articles are copy-edited by their authors.

Key words: Ibero-Romance languages, regional varieties, literature, history, culture, fine arts, Iberian Peninsula, Latin America.

Научное издание

ВОПРОСЫ ИБЕРО-РОМАНИСТИКИ
Выпуск 18
Сборник статей

Под редакцией: *Ю. Л. Оболенской*
Составитель: *М. С. Снеткова*

Компьютерная верстка: *М. С. Снеткова*

В оформлении обложки
использован рисунок *А. Д. Федосеевой*

Издательство «МАКС Пресс»
Главный редактор: *Е. М. Бугачева*

Отпечатано с готового оригинал-макета
Подписано к печати 05.04.2021 г.
Формат 60х90 1/16. Усл.печ.л. 14,0.
Тираж 50 экз. Заказ 059.

Издательство ООО «МАКС Пресс»
Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.
119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы,
МГУ им. М.В. Ломоносова,
2-й учебный корпус, 527 к.
Тел. 8(495)939-3890/91. Тел./Факс 8(495)939-3891.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
115201, г. Москва, ул. Котляковская, д.3, стр. 13.

